

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

*Цифровая социализация
и цифровая компетентность молодежи
в условиях глобальных системных изменений*

Серия основана в 2023 году

Книга 5

**ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ
И КОМПЕТЕНТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ:
ВЫЗОВЫ, РИСКИ И НОВЫЕ ПРАКТИКИ**



**КАЗАНЬ
2025**

УДК 316.4
ББК 60.54
И86

Серия основана в 2023 году

*Печатается по рекомендации Ученого совета
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета
(протокол № 11 от 30.10.2025)*

Монография подготовлена за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» в рамках государственного задания.

Авторский коллектив:

Р.Ш. Ахмадиева, Р.А. Бакулина, Ю.В. Виноградова, Р.Х. Гильмеева, И.С. Глебова, Р.В. Даутова, А.И. Дудочников, М.Ю. Ефлова, А.М. Закиров, З.З. Ибрагимова, А.Р. Каримов, А.В. Липатова, О.А. Любягина, Р.Г. Минзаринов, А.И. Мубаракшин, Л.К. Нагматуллина, Г.В. Напреенко, М.С. Николаев, Е.М. Николаева, О.Ю. Порошенко, С.А. Свечихина, Э.А. Соколова, Н.А. Терещенко, Р.З. Хусаинова, Т.М. Шатунова, М.Д. Щелкунов

Рецензенты:

заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента Казанского национально-исследовательского технического университета имени А.Н. Туполева – КАИ, доктор политических наук, профессор **В.А. Беляев**;
председатель Татарстанского отделения Российского общества социологов, доктор социологических наук, профессор кафедры регионоведения и евразийских исследований КФУ **А.Н. Ершов**

Цифровая социализация и компетентность молодежи: вызовы, риски и новые практики/

И86 М.Ю. Ефлова, И.С. Глебова, А.В. Липатова и др. – Казань: Издательство Казанского университета, 2025. – Кн. 5. – 244 с. (Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений).

ISBN 978-5-00130-919-2

Коллективная монография представляет собой комплексное междисциплинарное исследование, в рамках которого анализируются фундаментальные трансформации процесса социализации под влиянием цифровых технологий, искусственного интеллекта и новых медиа. В монографии последовательно раскрываются теоретико-философские основания анализа общества 5.0 и антропологических изменений в цифровую эпоху; институциональные трансформации образования, формирующие новую среду для развития цифровых компетенций; актуальные риски цифровой среды – от академического мошенничества с использованием искусственного интеллекта до кризиса доверия к информации и изменения коммуникативных практик; а также эмпирически выявленные практики и тренды – от потребительского поведения и межпоколенческих различий в цифровой активности до роли креативных индустрий в социализации молодежи.

Исследование опирается на широкий методологический арсенал, включающий философскую рефлексию, социологический анализ данных и педагогическое проектирование. Результаты работы имеют практическую ценность для исследователей, педагогов, разработчиков образовательных программ и регуляторов, заинтересованных в формировании эффективной и безопасной цифровой среды для молодого поколения.

**УДК 316.4
ББК 60.54**

ISBN 978-5-00130-919-2

© Издательство Казанского университета, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ВЫЗОВЫ	9
1.1 <i>Щелкунов М.Д., Каримов А.Р.</i> Общество 5.0 в технологическом, социальном и антропологическом измерениях	9
1.2. <i>Порошенко О.Ю.</i> Социально-философские проблемы эры цифровизации: критический анализ	25
1.3. <i>Николаева Е.М., Николаев М.С.</i> Человек и искусственный интеллект: антропологические и социальные перспективы и риски	47
1.4. <i>Порошенко О.Ю., Терещенко Н.А., Шатунова Т.М.</i> Об естественности искусственного и об искусственности естественного	59
ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МОЛОДЁЖИ КАК ОСНОВА ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	74
2.1. <i>Ахмадиева Р.Ш., Хусаинова Р.З.</i> Формирование цифровых компетенций студенческой молодежи (на примере Казанского государственного института культуры)	74
2.2. <i>Гильмеева Р.Х.</i> Трансформация университета как интеллектуальной социально ориентированной корпорации в современных условиях	87
2.3 <i>Гильмеева Р.Х., Любягина О.А.</i> Современные теоретические аспекты профильного обучения в условиях цифровизации	99

ГЛАВА 3. РИСКИ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ	112
3.1. <i>Бакулина Р.А.</i> Искусственный интеллект как инструмент академического мошенничества: этические и правовые аспекты	112
3.2. <i>Даутова Р.В., Соколова Э.А.</i> Проблема достоверности и доверия к научному контенту на интернет-платформах	125
3.3. <i>Напреенко Г.В.</i> Студенческая молодежь в цифровой среде: конкуренция аудиального и графического кодов в интернет-коммуникации	140
3.4. <i>Мубаракишин А.И., Ибрагимова З.З.</i> Поколенческая теория и молодежные Интернет-сообщества: «эстетическая власть»	161
 ГЛАВА 4. ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ, МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ	 171
4.1. <i>Липатова А.В., Минзарипов Р.Г., Виноградова Ю.В.</i> Большие данные как инструмент оценки потребительских компетенций и практик молодежи	171
4.2. <i>Ефлова М.Ю., Глебова И.С., Закиров А.М.</i> Сравнительный межпоколенческий анализ цифровой активности жителей Республики Татарстан	185
4.3. <i>Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Нагматуллина Л.К.</i> Динамика практик цифровой активности российской молодежи в контексте цифровой социализации	193
4.4. <i>Свечихина С.А., Дудочников А.И.</i> Креативные пространства и креативные индустрии: интерпретация понятий, классификация, регулирование	213
ЛИТЕРАТУРА	223
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	238

ВВЕДЕНИЕ

Современная эпоха характеризуется глубокой глобальной цифровой трансформацией, которая затрагивает все без исключения сферы общественной жизни, кардинально изменяя традиционные механизмы и институты социализации подрастающих поколений. Этот масштабный переход от индустриальной к цифровой парадигме формирует принципиально новую социальную реальность, открывающую как уникальные возможности, так и серьезные вызовы для молодежи. Если ранее процесс становления личности был в основном сосредоточен вокруг таких устойчивых институтов, как семья, школа и профессиональные сообщества, то сегодня его центральными агентами становятся цифровые платформы, социальные сети и технологии на основе искусственного интеллекта. Эти изменения носят системный характер, трансформируя сами основы социального взаимодействия, что находит отражение в концепции «сетевого общества», разработанной М. Кастельсом, который отмечает, что новые информационные технологии порождают иную форму социальной организации, в которой пространство и время подвергаются фундаментальной перестройке¹.

Сложность и многогранность происходящих процессов требует их комплексного осмысления с опорой на классические и современные социологические теории. Переход от традиционных институтов к сетевым структурам заставляет по-новому взглянуть на теории социализации. В этом контексте особую актуальность приобретает концепция габитуса и полей П. Бурдьё, которая позволяет анализировать, как цифровые платформы становятся новыми «полями», где формируются специфические практики молодого поколения².

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью всестороннего анализа многомерного феномена цифровой социализации в условиях нарастающей технологизации социального

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. 608 с.

² Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. 562 с.

пространства. Во-первых, стремительное развитие технологий искусственного интеллекта, больших данных и нейроинтерфейсов создает принципиально новую антропологическую и социальную ситуацию, в которой границы между человеческим и искусственным, реальным и виртуальным становятся все более проницаемыми и размытыми. Этот процесс, подробно исследованный Ш. Тёркл, показывает, как технологии становятся не просто инструментами, а активными участниками формирования идентичности и социальных связей¹.

Во-вторых, вся образовательная система стоит перед необходимостью глубокой структурной трансформации в условиях, когда традиционные методы и форматы обучения постепенно уступают место персонализированным цифровым платформам и адаптивным образовательным траекториям. Эта трансформация влечет за собой перераспределение символического капитала и изменение роли традиционных образовательных институтов как агентов социализации.

В-третьих, наблюдается очевидный парадокс: несмотря на то, что современные молодые люди являются «цифровыми аборигенами», они зачастую демонстрируют лишь поверхностное понимание базовых принципов работы цифровых систем и алгоритмов, что делает проблему формирования глубокой и рефлексивной цифровой компетентности особенно актуальной и значимой.

Наконец, цифровая среда непрерывно порождает новые, еще не до конца изученные и осмысленные риски – от эрозии академической этики до глубинной трансформации идентичности и коммуникативных практик. Эти риски требуют серьезного теоретического осмысления в контексте современных социологических подходов, в том числе и через призму теории «общества риска» У. Бека, который показал, что производство инноваций в современном мире систематически сопровождается производством новых рисков, требующих адекватного социологического анализа и выработки механизмов регулирования².

¹ Turkle S. The Second Self: Computers and the Human Spirit. Cambridge, MA, 2005. 347 p.

² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. 384 с.

Настоящая монография продолжает серию исследований в рамках проекта «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений», развивая и углубляя темы, затронутые в предыдущих работах. Данное издание предлагает целостный взгляд на проблему, фокусируясь на четырех взаимосвязанных аспектах:

1. Теоретико-философском – как изменяется природа человеческого, общества и знания в условиях симбиоза с цифровыми технологиями и ИИ.
2. Институционально-педагогическом – как трансформируются университеты и система профильного обучения для формирования цифровой компетентности.
3. Рискогенном – с какими конкретными вызовами и угрозами сталкивается молодежь в цифровой среде.
4. Практико-ориентированном – каковы реальные практики, предпочтения и тренды цифровой активности молодежи, выявленные в ходе эмпирических исследований.

Важным аспектом исследования является междисциплинарный подход, объединяющий философскую рефлексию, социологическую диагностику и педагогическое проектирование. Важным отличием является сочетание макросоциального анализа с изучением региональной специфики и конкретных кейсов, что позволяет выявить как универсальные закономерности, так и локальные особенности процесса цифровой социализации.

Монография структурирована в соответствии с предложенной логикой:

- Глава 1 задает теоретико-методологическую рамку, исследуя философские и антропологические аспекты взаимодействия человека и технологий в контексте общества 5.0.
- Глава 2 посвящена анализу институциональных изменений в образовании, рассматривая формирование цифровых компетенций на уровне вуза и школы.

- Глава 3 детально анализирует спектр рисков цифровой среды – от академического мошенничества с использованием ИИ до кризиса доверия к информации и трансформации языковых кодов коммуникации.
- Глава 4 представляет результаты эмпирических исследований, раскрывающих разнообразие практик цифровой социализации – от потребительского поведения и межпоколенческих различий в цифровой активности до роли креативных индустрий в самореализации молодежи.

Результаты, представленные в монографии, имеют значительную практическую ценность для широкого круга специалистов – от исследователей и разработчиков образовательных программ до регуляторов цифровой среды. Особое внимание уделено рекомендациям по формированию сбалансированной политики цифровой социализации, учитывающей как необходимость развития цифровых навыков, так и важность сохранения гуманистических ценностей в условиях технологических изменений.

*И.С. Глебова,
А.М. Закиров*

ГЛАВА 1. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ВЫЗОВЫ

М.Д. Щелкунов, А.Р. Каримов

1.1. Общество 5.0 в технологическом, социальном и антропологическом измерениях

Что такое общество 5.0?

В 2016 г. правительство Японии приняло стратегию построения общества 5.0, основы которой были разработаны по инициативе и активном участии японской федерации крупного бизнеса «Кайданрэн».

Под обществом 5.0. подразумевается новый тип исторический тип общественной организации, приходящий на смену четырем предшествующим типам – обществу охотников и собирателей (1.0), земледельческому (2.0), индустриальному (3.0) и информационному (4.0) обществам. По-другому общество 5.0 именуется «super smart society»¹.

Сущность общества 5.0 состоит в объединении ресурсов не отдельного человека, а социума в целом через интеграцию физического и кибернетического пространств². В отличие от концепции общества 4.0, нацеленной на дигитализацию единицы – неважно, идет ли речь об индивиде, единичной операции или об индивидуализированной производственной процедуре, – проект общества 5.0 предполагает тотальную цифровизацию социума с целью максимального использования всех его природных, технологических и человеческих ресурсов. В таком обществе люди и роботы (или искусственный интеллект) сосуществуют и работают для улучшения качества жизни, предоставляя тонко

¹ В буквальном переводе с англ. super smart society - суперинтеллектуальное общество, сверхумное общество

² Уэмура Норицугу. Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric // Экономические стратегии. 2017. № 4. С. 2–11.

дифференцированные и кастомизированные, т.е. индивидуализированные под конкретный заказ, услуги, которые отвечают потребностям пользователей.

Преимущества общества 5.0 связаны с возможностью создания организованной экономики, позволяющей преодолевать кризисы перепроизводства, системно балансировать экономический рост с решением социальных проблем за счет глубокого и высокотехнологичного проникновения киберструктур в окружающий мир человека.

По мнению разработчиков программы построения общества 5.0, ее реализация – непростой путь, чреватый столкновением с целым рядом препятствий, названных в японском оригинале «стенами». К ним относятся: инертность министерств и ведомств; устаревшая законодательная система; несовершенство доцифровых технологий; цифровая неграмотность людей; неготовность общества к приятию цифрового уклада.

Согласно обещаниям проектантов и идеологов суперинтеллектуального общества, финалом успешного преодоления указанных «стен» станет социум сотрудничества, в котором «человек обязан быть счастливым». Технологии общества 5.0 будут внедряться не ради прогресса, а ради блага человека¹. Общество «super smart» – это перспективная концепция развития мира во всех его социально-экономических проявлениях, которая даст ответ на самые актуальные гуманитарные технологические вызовы сегодняшнего дня, обеспечит дальнейшее развитие науки и технологий в гармонии с интересами каждого члена социума².

Японский проект общества 5.0 видится его авторам в качестве самого предпочтительного из всех возможных на сегодня путей человечества в цифровое будущее. По мере его успешной реализации на

¹ Швабауэр Н. На «Иннопроме» рассказали, что такое общество 5.0. URL: <https://rg.ru/2017/07/11/reg-urfo/na-innoprome-rasskazali-chto-takoe-obshchestvo-50.html> (дата обращения: 15.12.2015).

² Стольникова Е. «Общество 5.0»: «Мицубиси электрик» представила концепцию развития мира. URL: <http://www.promweekly.ru/2017-24-8.php> (дата обращения: 15.12.2015).

национальной почве они готовы экспортировать опыт построения общества 5.0 за рубеж. В этом контексте общество «super smart» становится синонимом цифрового цивилизационного уклада.

Между тем, несмотря на достаточно мощную PR-кампанию, проект общества 5.0 был воспринят общественностью по-разному. Если политические и деловые элиты, инженерно-технические круги встретили его с нескрываемым воодушевлением, то гуманитарное сообщество – с известной долей настороженности и даже критически. Причина такой неоднозначной реакции вполне объяснима. Для технократов и бизнесменов проект суперинтеллектуального общества ассоциируется главным образом с новыми технологическими преимуществами и экономическими выгодами, тогда как гуманитарии оценивают цифровое будущее человечества с точки зрения социальных изменений и антропологических последствий.

«Цифровое счастье», или технологические преимущества и экономические выгоды общества 5.0.

Во многих современных исследованиях влияние цифрового уклада на общество характеризуется как сугубо положительное. Появилось даже понятие «цифровое счастье» (digital happiness), раскрывающее, каким образом дигитализация делает людей более счастливыми. В 2010 г. директор японского СофтБанка С. Масайоши презентовал стратегию своей компании на ближайшие тридцать лет, которая называлась «Информационная революция – счастье для всех»¹. В своем научно-популярном бестселлере «Homo Deus. Краткая история будущего» известный современный историк Ю. Харари пишет о том, что главная цель человечества в XXI в. – это достижение счастья, а технологии, особенно искусственный интеллект, этому будут способствовать². Российские исследователи В.Г. Халин и Г.В. Чернова также ожидают от цифровых технологий появления экономического

¹ Masayoshi Son. SoftBank Next 30-Year Vision June 25, 2010. URL: https://cdn.group.softbank/en/corp/set/data/irinfo/presentations/vod/2010/pdf/press_20100625_01.pdf (дата обращения: 15.12.2015).

² Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М., 2019. 496 с.

и социального эффекта, а именно: «повышения качества жизни, в первую очередь за счет улучшения удовлетворения конкретных уже известных и новых потребностей людей»¹.

В популярном изложении картина общества 5.0. выглядит следующим образом. Здесь практически все за человека будет выполнять искусственный интеллект. Утро большинства людей начнется с того, что их разбудит бодрый голос Siri – голосового помощника iPhone. Летящий дрон прямо в окно доставит завтрак, персонально приготовленный для данного индивида. Беспилотный автомобиль довезет его до работы, избавив от напряжения и стресса автовождения. Имплантированные датчики автоматически снимут показания о состоянии человеческого организма, выдадут профилактические рекомендации, предупредят о возможности или начале заболевания и т.д. Всю тяжелую и монотонную работу за людей станут выполнять роботы. Предметы бытового окружения – микроволновая печь, холодильник, стиральная машина и даже одежда и обувь – будут интегрированы с облачными технологиями. Разве не это способствует процветанию человечества?

Более того, цифровое будущее присутствует уже в настоящем. Как отмечает Л. Флориди, сегодня бессмысленно разделять «онлайн» и «офлайн». Человек уже сейчас находится «онлайн» (onlife), в «инфосфере», где нет деления на аналог и цифру². За короткое по историческим меркам время произошел экспоненциальный рост технологических инноваций, именуемый «информационным Большим Взрывом». Динамика современных технологических изменений беспрецедентна: новации, сопоставимые по своему значению с изобретением парового двигателя в Новое время, происходят раз в поколение (!). Вот лишь некоторые примеры. Так, скорость вычислений современного

¹ Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63.

² Floridi L. What Kind of Society Should the Information Society Be? URL: <https://uchv.princeton.edu/events/luciano-floridi-university-oxford-what-kind-society-should-information-society-be> (дата обращения: 15.12.2015).

микропроцессора по сравнению с первой аналитической машиной Ч. Бэббиджа выросла в 3,5 квдрл. раз и достигла 20 млрд. операций в секунду, а число транзисторов микропроцессора превысило число клеток мозга человека. Согласно прогнозам, число транзисторов через сто лет будет в 10^{20} раз больше нынешнего. Алгоритм машинного обучения AlphaGo, в который загрузили правила шахматной игры, за одни сутки самостоятельно, без всякой посторонней помощи научился играть лучше, чем человек¹. Созданная в Китае система распознавания лиц Dragonfly Eye в течение трех секунд способна точно идентифицировать, идущего по улице человека по информационной базе, в которой хранятся изображения 1,8 млрд. людей.

Среди современных технологий, которые уже стали реальностью, особо выделяются беспилотный транспорт, автоматизированные системы управления легковыми и грузовыми транспортными средствами. Специалисты предсказывают в ближайшей перспективе развитие интернета вещей (IoT), роботизацию производства, управление большими данными, использование технологий распределенного реестра (блокчейн), становление рынка виртуальных валют, распространение био- и нейротехнологии и т.д. Уже сейчас продолжительность жизни в Японии благодаря новым медицинским технологиям составляет 83 года. Применение в медицине средств генной модификации типа CRISPR-Cas сулит в обозримом будущем излечение ВИЧ, рака и других опасных заболеваний, а с помощью 3D-печати можно будет создавать искусственные человеческие органы.

Цифровизация оказывает позитивное влияние на экономику, порождая новую, так называемую шеринговую бизнес-модель. В отличие от пока еще господствующей доцифровой модели, основанной на извлечении прибыли из собственных материальных активов хозяйствующего субъекта, sharing econo- my базируется на коммерциализации

¹ Silver D. et al. Mastering Chess and Shogi by Self-Play with a General Reinforcement Learning Algorithm. URL: <https://arxiv.org/pdf/1712.01815.pdf> (дата обращения: 15.12.2015).

временного доступа потребителей к имеющимся у других собственников активам, которые последними не используются. Другими словами, новая модель ориентирует индивида не на приобретение в собственность вещей с целью их использования в конкретных целях, а на аренду в этих целях существующих вещей у их владельцев. Как следствие, происходит удешевление стоимости услуг для населения. Примеры реализации шеринговой модели демонстрируют известные компании Uber, Airbnb, Avito.

Цифровые технологии способствуют снижению инфраструктурных затрат субъектов экономической деятельности. Онлайн-консультация врача или юриста обходится значительно дешевле их очного посещения; цифровое образование требует средств меньше, чем традиционные контактные формы обучения; расходы на организацию интернет-торговли ниже, чем на обеспечение работы обычного маркета – во всех случаях исчезает необходимость тратиться на содержание офиса, наем вспомогательного персонала, поддержание безопасности посетителей. Огромные по площади шоппинг-молы постепенно уходят в прошлое – их заменяют виртуальные торговые интернет-площадки вроде Amazon, Ali-Express, где можно купить почти все что угодно с доставкой на дом и существенно дешевле, чем в традиционных гипермаркетах.

Цифровизация создает возможности для кастомизации производимых товаров и услуг. Благодаря тому, что такие ресурсы, как Google, Facebook, Яндекс аккумулируют обширную информацию о предпочтениях пользователей, индивид получает персонифицированное предложение, в котором он потенциально заинтересован. Например, электронный билборд, оснащенный системой распознавания лиц, индивидуализирует коммерческое предложение под конкретного прохожего в зависимости от его возраста, пола и даже эмоционального настроения.

Намного более эффективным станет цифровое агропроизводство. Сельскохозяйственные растения уже сейчас во многих странах выращиваются не на полях, а в контейнерах с LED-подсветкой, в которых

роботы с помощью лазера удаляют сорняки, дозированно вносят удобрения, осуществляют полив, а также сообщают фермеру на мобильное устройство о сроке созревания генномодифицированного урожая. Его сбор также можно доверить машинам: современные роботы-сборщики клубники делают это в два раза быстрее людей и при этом не устают, не нуждаются в оплачиваемом отпуске или больничных расходах.

Происходит трансформация рынка труда. Очевидным образом некоторые профессии уходят в прошлое. К таковым обычно причисляют работу водителя, бухгалтера, кассира, нотариуса, обходчика железнодорожных путей и т.д. – всех тех, чей труд может быть заменен компьютерной программой, датчиком и видеокамерой. Тем самым происходит устранение человеческого фактора из процесса эксплуатации техники, что в конечном счете повысит безопасность производства. Помимо этого, работа и управление предприятием в дистанционном режиме повлекут за собой делокализацию рабочих мест, которая в свою очередь снизит издержки, связанные с трансфером или автономной локализацией рабочей силы.

Сторонники общества 5.0 считают, что цифровизация экономики необязательно приведет к сокращению рынка труда и появлению множества безработных. Ожидается, что цифровые технологии будут создавать новые рабочие места, предназначенные для более квалифицированных сотрудников с нестандартным, креативным мышлением, чей труд нельзя заменить машиной. Считается, что новая генерация людей – поколение i-Gen – заинтересовано именно в такого рода работе.

Цифровизация влечет дальнейшую демократизацию политической сферы общества, обеспечивает большую открытость и прозрачность власти, например, видеонаблюдение за выборами с онлайн трансляцией в интернете, институт электронного голосования, феномен «открытого правительства». Происходит расширение коммуникации людей за счет общения в социальных сетях, которые фактически заместили публичные офлайн-площадки доцифровой эпохи. Благодаря этому значительно возрастают горизонтальные связи

между сетевыми пользователями – они самоорганизуются в различные сообщества: выпускников университета, любителей истории, защитников экологии, сторонников здорового образа жизни и т. д. Тем самым создаются условия для проявления гражданских инициатив населения, расширения общественной солидарности, развития гражданского общества.

Цифровые технологии благотворно сказываются на процессе предоставления государственных услуг. Так, сегодня практически любую из них – от оплаты коммунальных платежей, получения различного рода справок до подачи заявления в ЗАГС – можно получить в онлайн-режиме без потери времени на часто неблизкую дорогу до офиса и утомительного ожидания своей очереди к специалисту.

Отмеченные выше технологические новации, равно как и приведенные примеры не исчерпывают всех достоинств и выгод цифрового общества. Вместе с тем знакомство с достаточно полной картиной грядущего цифрового уклада, представленной, например, в известной книге К. Шваба и Н. Дэвиса¹, позволяет заключить, что по своей целевой сущности цифровые технологии в подавляющем числе направлены на достижение материального комфорта людей, увеличение потребительского изобилия товаров и услуг, повышение экономической эффективности производства, создание новых бытовых удобств, обеспечение гедонистического времяпрепровождения, укрепление физического здоровья человека, увеличение продолжительности и повышение качества его жизни.

Социально-антропологические риски и угрозы «super smart society».

Даже самые продвинутые сторонники цифрового общества не отрицают наличия целого ряда рисков для общества и человека, генерируемых обществом 5.0², но гораздо большее внимание рискогенным

¹ Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции. М., 2018. 320 с.

² Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняет жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М., 2013. 368 с.

аспектам «super smart society» уделяют исследователи-гуманитарии¹. Рамки журнальной статьи не позволяют дать сколько-нибудь полный обзор всей совокупности этих рисков, поэтому остановимся только на основных, разделив их на несколько групп.

Так, можно выделить группу социальных и политических рисков, к которым относятся:

– существенный рост безработицы, связанный с автоматизацией неквалифицированного труда, отмиранием рутинных профессий и инфраструктурных посреднических сервисов, вытеснением человека из сферы производства и управления в сферу продаж и обслуживания;

– углубление общественно неравного доступа к благам цифровой цивилизации, в первую очередь к биомедицинским технологиям. Избранное меньшинство, отмечает О. Н. Четверикова, с помощью дорогостоящих супертехнологий будет заменять себе больные органы, продлевать свою жизнь, превращая ее в «гедонистический рай». Остальное человечество окажется лишенным государственной помощи вследствие полного демонтажа «социального государства»². Более того, появится возможность биологического закрепления такого неравенства путём применения технологий модификации генома человека, использования нейрофармакологии и нейроимплантатов, включая нейрокомпьютерный интерфейс³.

– возникновение интернет-центров власти как угрозы традиционным политическим институтам. К ней может привести отсутствие механизма преемственности старой политической элиты - бюрократии, использующей приоритет вертикальных связей, со структурами новой

¹ Лисенкова А.А. Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3. С. 217–222.

² Четверикова О.Н. Обыкновенный трансгуманизм // Поиск. Альтернативы. Выбор. 2016. № 3(3). С. 186–201.

³ Белоусов Д.Р., Апокин А.Ю., Пенухина Е.А., Сабельникова Е.М., Фролов И.Э. Развитие науки и технологий: возможности и риски для общества: монография. М., 2015. 156 с.

элиты– нетократии¹, практикующей горизонтальные связи (цифровые технологии власти). Это чревато риском возникновения конфликта между вышеупомянутыми элитами по принципу «бюрократы не могут, а нетократы не хотят по-старому управлять». Как следствие, нетократия сменит бюрократию во всех управленческих звеньях политики, идеологии и культуры. Грядут существенное усиление власти инфраструктурных корпораций и ослабление национальных государств.

Далее выделяется группа личностных рисков, к которым следует причислить:

– тотальное социальное отчуждение, влекущее десоциализацию (в доцифровом значении этого термина) индивида. Идущая на смену традиционной, доцифровой социализации киберсоциализация примет стихийный характер со всеми возможными негативными последствиями, присущими данному типу социализации («цифровой мауглизм», «боязнь офлайна», социальный инфантилизм и пр.)²;

– размывание традиционных черт личностной идентичности: гендерной, национально-этнической, конфессиональной, культурной, языковой; редуцирование ее классических – половых, культурных, этнических, национальных, конфессиональных, языковых – индикаторов. От реально существующей личности останется только ее «голый манекен», «макет», а сама личность, скорее всего, будет замещаться виртуальными сетевыми мультиличностями, многопользовательскими мирами и фэндомными интернет-сообществами³.

– цифровое манипулирование сознанием людей. Процесс цифровизации, находящийся в "наивных" руках современных программи-

¹ От англ. net – паутина. Подразумевается элита, оказывающая властное влияние через глобальное виртуальное киберпространство Inter-net.

² Белоусов Д.Р., Апокин А.Ю., Пенухина Е.А., Сабельникова Е.М., Фролов И.Э. Развитие науки и технологий: возможности и риски для общества: монография. М., 2015. 156 с.

³ Лисенкова А.А. Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3. С. 217–222.

стов, не подразумевающих о своих возможностях расстановки приоритетов, со временем может смениться введением новых форм идеологий (цифровой идеологический тоталитаризм).

Наконец, это группа экзистенциальных рисков, включающих в себя:

– существенное уменьшение возможностей человека по поиску смысла своего бытия за пределами дополненной реальности (вещественного и виртуального миров), сужение горизонта трансцендентального в сознании индивида. По мнению Г. Ю. Беляева, цифровая среда станет доминирующей и со временем единственной смыслозначимой ценностью – она будет давать чувство оседлости, прописывать «место жительства», определять примерное «семейное положение», «психологическую защиту» и набор очередных не подлежащих сомнению «жизненных ценностей». Голос совести будет заменен корпоративной этикой¹. Это в итоге обернется коррозией и оскудением нравственных начал жизни. Следствием можно ожидать рост девиантного поведения людей (агрессия, терроризм и экстремизм, суицидальные проявления), особо опасный в условиях энерговооруженного мира с неограниченной потенциальной свободой действий субъектов в информационном пространстве;

– выхолащивание экзистенциальной компоненты человеческого общения, обусловленное беспрецедентным ущербом, который несут для последнего новейшие – медийные и виртуальные – технологии. Они, согласно С.С. Хоружему, не насыщают сполна духовно-душевные потребности человека, и он начинает испытывать фрустрацию. Иерархия этих технологий строится по принципу убывания экзистенциально-личностной насыщенности общения. Ее завершением становится чисто формализованное общение, которое осуществляется по

¹ Беляев Г.Ю. Эволюция образования и воспитания в контекстах мутации философской традиции в XXI веке // Вестник Российского Философского Общества. 2015. № 3(75). С. 48–51.

правилам «общения протоколов» компьютерных систем, а не живых людей¹.

– потерю приватности индивидуального человеческого бытия. По прогнозам Э. Шмидта и Дж. Коэна, в недалеком будущем будет создана глобальная система тотального электронного контроля над человечеством, знаменующая конец всякой частной жизни и анонимности как таковой².

В свете вышеобозначенных рисков и угроз обещания проектантов общества 5.0 о дружелюбных социальных отношениях и институтах, внедряемых ради поиска смыслов, а не обогащения людей, вызывают скорее скептическое, чем оптимистическое настроение. Более того, этот скепсис усиливается и по другим причинам.

Во-первых, мировая статистика последних десятилетий свидетельствует, что по мере технологического прогресса богатые становятся еще богаче, а бедные – беднее. Маловероятно, что повсеместное применение цифровых технологий станет исключением на пути дальнейшей глобальной финансово-имущественной поляризации общества. Во-вторых, тот факт, что идея построения общества 5.0 зародилась в недрах крупнейшей бизнес-ассоциации, еще более усиливает сомнения относительно человеколюбивости и бескорыстности этого проекта. Цифровые технологии не меняют экономической основы суперинтеллектуального общества - оно остается капиталистическим. В таком обществе по определению получение прибыли рассматривается как главная цель производства, а человек – как одно из средств достижения этой цели. Поэтому утверждения о гуманности и заботливости такого общества по отношению к человеку, мягко говоря, некорректны. Впрочем, если отождествлять заботливость с наращиванием материального комфорта людей и увеличением потребительского изобилия товаров и услуг, то проект общества 5.0, пожалуй,

¹ Хоружий С.С. О ценности личного общения в мире гуманитарной коммуникации // Культура и искусство. 2012. № 9(203). С. 49–46.

² Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняет жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М., 2013. 368 с.

вполне соответствует ожиданиям значительной части современного человечества.

Указывает ли вышесказанное на полную бесперспективность супер-интеллектуального общества с гуманистических позиций? Отнюдь. Реалистично оценивая историческую перспективу капиталистического уклада как достаточно длительную и пока безальтернативную, можно заключить, что решение задач гуманизации общества 5.0 достижимо единственно возможным путем – посредством минимизации социальных издержек капитализма. Образно выражаясь, это не радикальное хирургическое вмешательство в сложившийся ход вещей, а скорее интенсивная гуманистическая терапия капиталистического организма, которую можно осуществить на основе тех же новых технологий.

Дело в том, что любые технологические новации развиваются в единстве со своей социально-культурной средой. Как подчеркивают авторитетные исследователи, именно от нее во многом зависит социальный эффект внедряемых технологий: будут они способствовать общественному благополучию и личностному развитию или, наоборот, обернутся против человека и общества¹. Если это так, то преимущество в плане гуманизации цифрового общества получают страны с общинными корнями в социальной сфере, стремящиеся развивать принципы социально ориентированной экономики с учетом опыта социализма. Возможно, в этом обстоятельстве заключается уникальный шанс для России: она получает возможность максимально минимизировать неизбежные издержки социального и гуманитарного плана на пути цифровизации.

Суперинтеллектуальное общество в контексте трансгуманизма.

В восприятии человека, далекого от критической рефлексии, проект общества 5.0 выглядит как очередная цель технологического прогресса в стране, входящей в группу цифровых лидеров современности.

¹ Цифровая экономика: человеческий фактор. URL: <https://polit.ru/article/2019/06/25/auzan/> (дата обращения: 15.12.2015).

Но стоит только включить философскую, критическую оптику, как обнаруживаются гораздо более глубокие стороны этого предприятия, раскрывающие его исторический смысл и мировоззренческую подоплеку. А именно, идеология проекта общества 5.0 весьма созвучны представлениям трансгуманизма.

Понятие «трансгуманизм» было впервые введено в научный оборот в 50-е годы прошлого века британским биологом Дж. Хаксли¹ [17, р.13-17]. И хотя близкие трансгуманизму идеи высказывались еще мыслителями-гностиками в начале нашей эры, настоящий трансгуманистический бум начался в 70–80 гг. XX столетия и с тех пор продолжает усиливаться. Правда, наряду с немалым количеством сторонников и апологетов у трансгуманизма имеется значительное количество противников и критиков; его идеи активно обсуждаются в научной, философской и массовой литературе².

В научном отношении трансгуманизм основывается на принципе перманентной человеческой эволюции, в ходе которой человек, используя свои способности, преодолевает рано или поздно естественно сложившуюся витально-телесную субстратную форму своего бытия и превратится в так называемого постчеловека (сверхчеловека).

В мировоззренческом плане трансгуманизм, казалось бы, является продолжением гуманистического мировоззрения, под знаком которого развивается современная цивилизация. Гуманизм утверждает самоценность и самоцельность *Homo sapiens*, его безграничное вселенское могущество и беспредельный гиперактивизм: все для и во имя человека! Однако, как справедливо подчеркивает Ю.Н. Харари, рано или поздно наступит момент, когда очередная попытка гуманистической цивилизации одарить людей максимальным долголетием, благоденствием и могуществом «подорвет ее собственные основы,

¹ Huxley J. *New Bottles for New Wine*. London, 1957. 318 p.

² Кутырёв В.А. *Естественное и искусственное: борьба миров*. Н. Новгород, 1994. 200 с.

высвободив новые, постгуманистические технологии»¹. Складывается предчувствие, что человечество приближается к этому историческому моменту.

Одним из направлений трансгуманистической эволюции, критически осмысленной еще в 80-годы прошлого столетия российским мыслителем В. А. Кутыревым, может стать так называемый биоинженерный синтез, в результате которого человек трансформируется в искусственного антропоида (киборга). В таком случае на смену Homo vivus в итоге придет некий Post Homo, которому будут свойственны: отказ от витально-телесной субстратной основы и утрата чувственно-эмоциональной сферы; отсутствие половых различий и отношений; полная потеря традиционной личностной идентичности (национально-этнической, конфессиональной, культурной и т.п.); искусственная субстрата существования; автотрофное питание; трансубстратный интеллект; тотальная виртуализация жизнедеятельности; интеллектуальное бессмертие². А что же станет с теми, кого перспектива киборгизации не привлекает, кто предпочитает остаться людьми? Их судьба незавидна. По прогнозам адептов трансгуманизма, они «будут отброшены, как вторая ступень ракеты... Людей будут рассматривать как неудавшийся эксперимент»³. Перспектива, прямо скажем, неутешительная.

Если тридцать лет назад подобные пророчества представлялись философской фантастикой, то сегодня в свете проекта построения общества 5.0 они уже не кажутся таковыми. Ведь при всех своих ожидаемых технологических достоинствах цифровое общество во многом соответствует (к счастью для одних и к сожалению для других) трансгуманистическому вектору эволюции. Действительно, оно открывает новые возможности депривации телесно-витальной основы человека и

¹ Курцвейл Р., Грассман Т. Transcend: девять шагов на пути к вечной жизни. М., 2015. 384 с.

² Четверикова О.Н. «Диктатура просвещенных». Дух и цели трансгуманизма. М., 2015. 160 с.

³ Dickes J.-P. L'ultime transgression. Refaconne l'homme. Paris, 2012. 234 p.

редуцирования неинтеллектуальных (эмоционально-чувственной, волевой) сторон его бытия; содействует дальнейшему умалению чувственной коммуникации людей; способствует замещению живой человеческой мысли бесстрастным машинным вычислением; форсирует создание и упрочение искусственных интеллектуальных систем. Разве это не дрейф в направлении трансгуманизма?

Итак, посредством проекта общества 5.0 человечество в лице самых развитых технологически государств заявляет о своем твердом намерении двигаться в цифровое будущее. И как всякое крупное технологическое начинание, этот проект не только несет в себе несомненные достоинства, но одновременно генерирует серьезные риски. Главнейшие из них – депривация витальной основы человеческого бытия, искусственизация человеческой жизни, усиление эволюционного дрейфа в трансгуманистическом направлении. И хотя до точки необратимости еще далеко, ясно, что в рамках капиталистической инновационно-технологической потребительской цивилизации трансгуманистические идеи и проекты вряд ли могут встретить массовую общественную озабоченность или серьезное противодействие. Но если люди заинтересованы в сохранении самих себя как уникальных живых существ, то путь сбережения человека и человечности лежит в плоскости нового цивилизационного выбора. Он заключается в отказе от безоглядного технологизма и безграничного потребительства в пользу сознательного и ответственного стремления сохранить *Homo sapiens* в его нынешней, естественно сложившейся витальной форме со всеми ее привычными атрибутами. Такому стремлению отвечает путь к становлению цивилизации антропоцентрического типа. Хочется надеяться, что с новым выбором человечество не опоздает.

1.2. Социально-философские проблемы эры цифровизации критический анализ

Вступление человечества в эпоху цифровизации порождает много новых философских проблем. Это проблемы категоризации реального и виртуального, места человека и цифрового актора во Вселенной, машинного способа познания, феноменологии и аксиологии цифрового мира и цифровых сущностей, цифровой культуры и образа будущего. На новый уровень осмысления выходят проблемы дискретного и непрерывного, случайного и необходимого, живого и неживого, подлинного и неподлинного, неповторимого и воспроизводимого.

В логике О. Конта сегодня можно говорить о четвертой стадии эволюции человечества – цифровой. Современное общество вступило в цифровую эпоху, которая представляет собой переход от аналогового формата работы с информацией к формату «digital». Это эпоха тотального господства цифровых технологий, основанных на особых методах кодировки и передачи информации с помощью дискретной кибернетической системы, позволяющей решать множество разноплановых задач за кратчайшие промежутки времени. Эти технологии получили беспрецедентно быстрое и всеобщее распространение. Однако, человеческие возможности ограничены; люди не способны «переваривать» такой объем знаний. Для решения этой проблемы создаются центры накопления информации и её переработки — суперкомпьютеры, которые в скором будущем будут квантовыми. Возникает «цифровой интеллект» – бестелесное состояние человека, в котором жизнедеятельность регламентирована машинным кодом и управляется искусственным интеллектом.

Все сферы социальной жизнедеятельности испытывают влияние технологий, исключаяющих целостного человека как субъекта.

В методологиях описания общества превалируют теории социальных систем, элементами которых являются не люди, а коммуникации. В частности, Н. Луман лишает понятие «субъект» какого бы то ни

было предметного основания, считая это «гуманистическим предубеждением» и сводит общество не к взаимодействию индивидов, а к «сети коммуникаций»¹. В таком подходе сложно достоверно определять кто участник коммуникационного процесса. Как убедиться в том, что наш собеседник человек, а не компьютер в человеческой форме? И наше собственное мышление не является запрограммированным? Согласно известному тесту Тьюринга «Игра в имитацию», в разговоре с удаленным собеседником невозможно определить кто он человек, компьютер или чат-бот².

Развивающийся искусственный интеллект (ИИ) создает новую космогонию, подобную «ноосфере» Тейяр де Шардена и В. Вернадского, где различные виды связей между естественными и искусственными сущностями значат больше, чем разобщенные суверенные человеческие индивидуальности.

В философии культуры современная социальная эпоха именуется «диджимодернизмом». Идея диджимодернизма, предложенная А. Кирби³, состоит в том, что постмодерна больше нет. Ему на смену приходит то, что можно назвать «псевдомодернизмом». Под последним автор понимает эпоху, для которой характерны совершенно новые технологии и, как следствие, изменившиеся отношения между «аудиторией» и продуктами культуры, созданными в цифровом мире - современные «тексты», контент и динамика которых напрямую зависят от «акта участия» зрителя или слушателя. Теперь автора, создававшего когда-то произведения искусства, в социальной реальности нет, а все, что производят участники культурного процесса – это «текст» в самом широком понимании слова.

Влияния «тяжкого ощущения предшествующего культурного наследия», характерного для модернизма и постмодернизма больше не существует. Диджимодернизм постулирует невозможность будущего

¹ Luhmann N. Social Systems. Stanford, 1995. 625 p.

² Тьюринг А. Вычислительные машины и разум. М., 2018. 128 с.

³ Kirby A. Dijimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. N. Y., 2009. 288 p.

как радикально Другого – только настоящее, только *hic et nunc*. Невозможность уникальности, бесконечная воспроизводимость, повторение и симуляция – так псевдомодернисты описывают настоящее, ставшее вечным. Будущего как «не-настоящего» не существует. Невоспроизводимый и мимолетный диджимодернизм страдает амнезией: есть лишь культурные акты настоящего, «бесконечные нарративы», не связанные ни с будущим, ни с прошлым.

Стремительный темп развития цифровой эпохи пугает. По последним прогнозам, ООН (2025) мировой объем рынка ИИ достигнет \$4,9 трлн, а сами технологии ИИ затронут 40% рабочих мест. По мнению ООН, распространение ИИ повысит производительность труда, однако может существенно усилить неравенство между развитыми и развивающимися странами. Данный факт иллюстрирует то, что как это не раз было в истории человеческой цивилизации, первый страх перед чем-то новым, незнакомым постепенно проходит. Со всякой магией новизны человечество свыкается и наделяет ее такими чертами как креативность, революционность, эффективность, прогрессивность. Мир приспособливается к ИИ, предоставляя работу тому, кто не является незаменимым. Например, проекты развития в Китае роботизированной среды в портовой логистике для снижения «бредовых работ» для человека.

Однако, вопрос соотношения цифровых технологий, искусственного интеллекта (ИИ) и свободной воли человека остается основным для современных философских дискуссий.

Безусловно, «цифровой мир» – это идеальный философский проект. Мечта всякого философа – это создание мыслящей машины, которая избавила бы интеллектуала от логических ошибок, индивидуальных предрассудков, концептуальных заблуждений. Это создание алгоритма, который посчитает истину и даст нам ответ на самые важные вопросы о смысле жизни. Об этом мечтали – Пифагор в учении о числах; Гоббс, писавший об особых знаках в мозге, «фантазмах» или «частицах» мышления, которые соединяются в соответствии с точными

правилами цифрового вычисления; Лейбниц в идеи логического исчисления технической реализации механического моделирования логических операций мышления при помощи «комбинаторной машины»; Г. Фреге, автор логического семантического треугольника: знак–смысл–значение; А. Тьюринг, апологет превращения реальности в цифровую комбинаторику.

Определенный вклад в данный философский проект внес казанский математик, астроном, логик Платон Сергеевич Порецкий, который работал в Казанском университете 1876–1889¹. Работы Порецкого легли в основу логико-вероятностного анализа (ЛВА), суть которого состоит в корректном переходе от логического равенства между событиями к алгебраическому равенству между их вероятностями. Дальнейшее развитие ЛВА было связано с практической необходимостью в 60-х годах XX в. в оценке надежности цифровых схем. В настоящее время вероятностная логика находит наибольшее применение в развитии приложений к искусственному интеллекту, к решению проблем надежности, живучести и безопасности структурно-сложных систем.

К проектам вычислительного моделирования сегодня относят современную «теорию разума». Вычислительная модель психического состояния или «вычислительная теория разума» (ВТР) утверждает, что интеллект является вычислительной системой, которая по своим параметрам и умственным процессам похожа на машину А. Тьюринга и ее вычислительным алгоритмам. ВТР предполагает, что разум не просто похож на вычислительную систему, а фактически является ей. Поэтому представители данного подхода считают, что абстрактная вычислительная модель, описывающая основные психические процессы – это вполне реализуемый проект.

Однако, при всей притягательности «фаустовской сделки» с ИИ, у современного человечества остаются вопросы: что если по мере того, как люди все меньше используют свой мозг и больше – машин, то они

¹ Порецкий П.С. Логические равенства. М., 2011. 160 с.

могут утратить собственные способности? Могут ли наши навыки критического мышления, письма и дизайна атрофироваться в ближайшем будущем?

Но основная опасность, по мнению Н. Бострома, исходит из возможности возникновения «злого Суперинтеллект»¹. Сильный искусственный интеллект (СИИ) – это искусственное создание, которое не воспроизводит нейронные процессы, остается синтетическим, но значительно превосходит человеческие когнитивные способности в различных областях, в том числе, эмпатию, способность к обучению, принятие политических суждений.

Уже сегодня вероятен сценарий «взрыва интеллекта» через прорыв в автономию «ресурсивного самоулучшения». СИИ не имеет человеческих целей, например, добра, так как «добро» нельзя выразить в форме информационного кода. Кроме того, интерпретаций что есть «добро» очень много. Для программирования «добротого» СИИ понадобилось бы однозначно решить вопрос о смысле жизни, что практически невозможно. Поэтому СИИ, по мнению Бострома, обречен быть «злым».

Озадачившись этой проблемой, представители Института будущего человечества (Оксфорд), Центра исследования рисков выживания (Кембридж), Некоммерческого исследовательского центра И. Маска OpenAI, Б. Гейтс, Ф. Вильчик и многие другие пишут открытые письма с предложениями остановить разработки в области СИИ. Появление «точки сингулярности», наделенной копией сознания, силой, всеведением повышает риск для человечества как вида.

Исследователь ИИ Э. Юдковский, который предупреждал об опасностях технологии с начала 2000-х годов, заявил о необходимости срочно «отключить все системы с ИИ». В статье «Недостаточно приостановить разработку ИИ. Нам нужно закрыть все это»², он говорит,

¹ Bostrom N. Superintelligence: Paths, dangers, strategies. Oxford, 2014. 352 p.

² Yudkowsky E. Pausing AI Developments Isn't Enough. We need to Shut it all down. URL: <https://time.com/6266923/ai-eliezer-yudkowsky-open-letter-not-enough/> (дата обращения: 15.12.2015).

что воздержался от подписания письма бизнесменов И. Маска и С. Возняка, потому что оно преуменьшает серьезность ситуации. Юдковский считает, что ИИ «не заботится ни о людях, ни о разумной жизни в целом», он опасен и может привести к уничтожению человечества.

Развитие промышленных приложений ИИ как неорганических копий человеческого интеллекта, неизбежно ускорит и конкретизирует исчезновение индивидуальности человека. Расширение интернета с многообразием промышленных приложений ИИ, созданных на основе нейросетей, погружают человека в нелинейный мир делезовской «ризомы». Даже самая точная персонализация, к которой стремятся современные цифровые платформы, сопровождается безвозвратной дезиндивидуализацией: эмоциональные процессы человека становятся простыми переменными, агрегированными с миллионами данных и обрабатываемые анонимными алгоритмами. Человеческий субъект не составляет никакой автономной единицы, способной на суждение и ответственное решение. Позволяя ризоме и ее бифуркациям увлекать себя, современные индивиды приближаются к потокам, составляющим единство мира, «план имманентности» в котором обнаруживается новая форма аутентичности – безличные, доиндивидуальные сингулярности. Ризома образует некий смысл, который не является объяснимым или воспроизводимым – «черный ящик» нейросетей¹.

ИИ лишает человека того, чем его наделила мысль модерна – уникальности, автономности, ответственности, и в юридическом поле в том числе. *Homo connecticus* приносит на заклание прежнего господина – *homo sapiens*². *Homo connecticus* не любит выделяться, он предпочитает теряться в хитросплетениях сетевого сообщества. В расширяющемся цифровом мире все ярче высвечивается феномен «полити-

¹ Deleuze G., Guattari F. A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia. Minneapolis, 2005. 300 p.

² Foucault M. The order of things: An archaeology of the human sciences. New York, 1971. 339 p.

ческой гомофилии» - благодаря игре данных интернет стал пространством, которое не приветствует различия, усиливает сходства. Даже в искусстве процесс автоматизации художественного творчества (робот-художник, робот-писатель, робот-музыкант) вытесняет самовыражение личности художника.

Одним из подходов в области осмысления онтологических проблем цифрового мира является цифровая философия¹. Вселенная – гигантский Тьюринг – полный клеточный автомат, материя которого состоит из битов («кусочков» 1–0), что создает возможность «цифрового бессмертия» – процесса загрузки человеческого сознания в компьютерную среду. Цифровая философия (ЦФ) – это попытка осмыслить нашу Вселенную на базовом уровне не как материю, а как энергию, информацию. Сегодня ЦФ – это философия виртуальной реальности, цифровых пространств, где основным концептом считается «информация». Существует множество теорий информации. Например, информация – это набор сигналов из внешней среды, которые позволяют посредством обработки менять поведение системы. Такое поведение мы называем информационным. Такое поведение присуще, в том числе, и человеку.

Нобелевские лауреаты Д. Канеман и Р. Талер разработали поведенческую экономику², в которой учитываются менее обдуманные решения индивида. Они призвали к либертарианскому патернализму, согласно которому индивиду нужно предоставить весь набор возможных выборов, но «подталкивать его локтем» (nudge) к тому варианту, который представляется наиболее желательным. Д. Канеман считает, что человеческие решения подвержены многочисленным предубеждениям и «когнитивным иллюзиям». Человеческие повседневные решения не рациональны. Человеку присущи ментально-оптические иллюзии, которые приводят к ложным заключениям: эффект гало, эвристика аф-

¹ Fredkin E. An Introduction to Digital Philosophy. URL: <https://doi.org/10.1023/A:1024443232206> (дата обращения: 25.04.2025).

² Kahneman D. Thinking, fast and slow. London, 2012. 500 p.

фекта, впечатления причинности, предубеждения подтверждения, иллюзия обоснованности, ассоциативное мышление, софизм планирования, неприятие потери, регрессия к среднему и другие. В мышление человека Д. Канеман и Р. Талер выделили: «Система 1» - система быстрого мышления порождает ложные вероятности и обрывочные умозаключения, сводя окружающий мир к внешне логической схеме и «Система 2» - рациональность и критическое чувство в спокойном режиме; эта система может сосредоточиться лишь на небольшом количестве решений и чаще всего лениво соглашается с предложениями «системы 1». Сегодня в Кремниевой долине готовят специалистов по подталкиванию (nudge scientists) – это новая элита. Проблема когнитивного неравенства между теми, кто создает nudge (господа кода) и теми, кто становится объектом «понукания» (поставщики данных), становится еще одним объектом для философской рефлексии.

Согласно ЦФ с появлением термина «теория интегрированной информации»¹ для гуманитариев положительно решается фундаментальная задача – как через информацию можно измерить ранее неизмеримые величины, например, количество интегрированной информации, то, что в нейрофизиологии называется уровнем «высокого сознания» или степень осознанности тела.

В рамках ЦФ кибернетический концептуальный аппарат (компьютерные метафоры) переносятся на социальные науки, культуру, искусство. Например, фильм «Матрица», в котором обсуждается гипотеза симуляции реальности или фиджитал-спорт, в котором проблематизируется интеграция физической и виртуальной реальностей.

Однако, у философии пока еще есть что возразить современным алармическим прогнозам.

В гносеологии по-прежнему актуальны идеи автономного субъекта Канта, свободного в своих решениях и ответственного за свои

¹ Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М., 2013. 512 с.

действия. Академик РАН А.Аветисян считает, что по Канту до сильного искусственного интеллекта нам ещё очень далеко. У ИИ нет априорного знания¹.

Кроме того, у компьютера, выполняющего серию определенных операций с формальными символами, то есть вычисление, нет интенциональности нейронных процессов, отвечающих за понимание, как это продемонстрировано в мыслительном эксперименте «Китайская комната»².

Ни один алгоритм не может придумать глобальную интерпретацию мира и людей – это вопрос здравого смысла. Например, ИИ может заменить лишь те профессии, практика которых не требует ни оценки контекста, ни взаимодействия с окружающей средой, ни инициативы, основанной на знании о Другом.

Кроме того, ИИ ограничен в познании, он не производит общих понятий. Согласно Платону, идеи управляют человеческим чувственным восприятием³: если человеческий разум способен распознать любого кота увидев одного-единственного, то ИИ может распознать кота, лишь посмотрев изображения всех котов. Человек может сделать обобщение на основе весьма ограниченного числа случаев.

В мире нейросетей нет онтологии. Ни одна электронная схема не может «хотеть» сохраниться в бытии: у нее нет тела, источника гомеостаза. Спиноза как первый философ симбиоза тела и имманентности писал: «субстанция мыслящая и субстанция протяженная составляют одну и ту же субстанцию, понимаемую в одном случае под одним атрибутом, в другом – под другим»⁴. Современная философия телесно-

¹ Искусственный интеллект по Иммануилу Канту. Интервью с академиком Артюном Аветисяном. URL: <https://scientificrussia.ru/> (дата обращения: 15.12.2015).

² Серл Д. Разум, мозг и программы // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума: Фантазии и размышления о самосознании и душе. Самара, 2003. С. 432.

³ Plato. The Republic. Translated by B. Jowett. [S.l.], 2013. 370 p.

⁴ Спиноза Б. Этика. Ч.2. Теорема 7. Схолия // Спиноза Сочинение в 2-х т. СПб., 1997. Т. 1. С. 294.

сти продолжает мысли Спинозы и приходит к выводу, что телу необходимо вернуть главенствующую роль в производстве мыслительных представлений на основе гомеостаза. Гомеостаз – это общая воля к пребыванию в бытии, к сохранению внутреннего единства, эволюционно приводящий к аффектам, и наконец, к сознанию. Чувства, аффекты, составляющие середину гомеостатического процесса – единственное, что способно производить смысл. ИИ не способен усвоить понятие цели: чтобы выражать интенциональность, нужно обладать телом¹.

В этической сфере возникают концепции «новой персональной этики» – правила использования или не использования технологий ИИ, которые люди выбирают сами для себя и обязываются соблюдать, не требуя при этом их соблюдения от других, и не возводя во всеобщий закон, например, практика «цифрового детокса». Такое персональное право обосновывается идеями свободы воли человека в ее различных формах: свободе выбора Ж.-П. Сартра, свободе ошибаться И. Берлина, свободе заблуждаться Д. Милля.

Отрадно, что пока еще сохраняется возможность сопротивления ИИ. По-прежнему индивид, во всей его оригинальности, способен брать на себя глубинный и сознательный выбор с «правом на заблуждение» и «правом на ошибку». Такой выбор, возможно, не очень эффективный с точки зрения практичности, но без которого невозможно формировать уникальную личность человека.

Развитие технологического процесса актуализирует вопрос о привилегированности человеческой жизни во Вселенной. В 70-е годы XX в. появляется идея постгуманизма. Американский писатель и литературовед Ихаб Хассан привел Прометея в качестве примера постчеловека². Подарив людям огонь, Прометей разрушил границу между божественным и человеческим. Сегодня в качестве огня выступают технологии и наука, развитие которых привело к размытию самой идеи

¹ Damassio A. *L'Ordre estrange des choses*. Paris, 2017. 392 p.

² Хассан И. *Разделявание Орфея. К проблеме постмодернистской литературы*. М., 1999. 438 с.

человека. Эволюционный путь должен привести к появлению постчеловека – им станет киборг, получившийся в результате слияния человека и машины. Философ Жан Бодрийяр писал о том, что, став полностью зависимыми от технологий, мы не сможем с точностью ответить, человек мы или машина. Постлюди могут стать в широком смысле «потомками» современных людей, которые перестали быть людьми в силу технических изменений. Создание постчеловека будет сопровождаться местным вмешательством в репродуктивный процесс, таким как генная инженерия или методы, использующие причудливые технологии копирования и «загрузки» человеческого сознания в мощные компьютерные системы. Постлюди – это технические сущности. Они возникают в результате создания человеком различных роботов, умных компьютеров или синтетических форм жизни, которые получают в свое распоряжение человеческий интеллект или более развитый инструмент мышления (суперинтеллект) и таким образом превосходят возможности человеческого контроля или понимания. Футуристы называют это «технологической сингулярностью». Этот термин впервые употребил писатель, математик Вернор Виндж¹. По мнению Винджа сингулярность должна сопровождаться ускорением рекурсивных улучшений в технологиях искусственного интеллекта. Это произойдет, если технологии ИИ будут всегда «расширяемыми». Недавно появился жанр научной фантастики – киберпанк, в котором описывается упадок человеческой культуры на фоне технологического прогресса в компьютерную эпоху.

В социально-философском дискурсе обсуждается новая цифровая общественно-экономическая формация – стадия общественной эволюции, обусловленная уровнем развития цифровых технологий и возникшая в результате цифровой революции. Главной особенностью цифровой революции является возможность существования, воспроизводства и развития цифровых акторов при одновременном существовании общественного человека.

¹ Виндж В. Сингулярность. М., 2022. 224 с.

Считается, что сегодня цифровая революция завершилась – мы не замечаем цифровые технологии, которые уже вплелись в нашу жизнь. Например, использование цифровой помощницы Алиса или SORA – нейросеть для генерации видео по тексту, созданная разработчиками Open AI или факт гибридной социальной коммуникации, где нет деления на офлайн или онлайн.

Виртуальная реальность становится полноценной реальностью, для проживания в которой требуется определенный опыт. Философское осмысление такой реальности предполагает появление все новых концептов для описания новых вариантов опыта. Например, концепт «расширенная реальность», в рамках которого обсуждаются проблемы этики ИИ. Лучано Флориди обосновывает новую информационную среду обитания – Инфосферу, где работает информационная этика¹. Или концепт «дополненная виртуальность», который описывает процессы выхода виртуального мира к человеку. Например, голограммы или геймофикация общественных пространств торговых центров.

Включение современного человека в различные формы виртуальной реальности, в определенном смысле, представляет собой естественную эволюцию человеческой культуры, выражающуюся в символичности, рациональности и отказе от материальности. Складывается впечатление, что тяга современного человека к новой символической виртуальной реальности объясняется, в первую очередь, желанием избежать отдельности и отчужденности, подстерегающих индивида в реальном мире. Осознав и приняв свою «изолированность», согласившись в одиночку сидеть у монитора компьютера, наш современник выбирает виртуальное пространство, как возможность в широком социальном поле найти своего «близкого». Использование новых технологий и тотальная компьютеризация не только производства, но и жизни приводит к появлению феномена так называемого *home-centered-society*, своеобразного «социума на дому»: «как в сфере производства, так и в сфере материального обеспечения своей частной

¹ Floridi L. *Die 4. Revolution*. [S.l.], 2015. 314 p.

жизни человек существует достаточно автономно, новый этап разделения труда позволяет ему перестать быть и ощущать себя частичным индивидом, функцией некоего общего большого процесса, винтиком огромного механизма»¹. Отказ от реальных коммуникаций в пользу виртуального общения дает возможность индивиду стать субъектом конструирования своего «проекта», создать клон своей индивидуальности и быть полноценным автором любых действий, желаний и переживаний этого клона (новой идентичности). Вынужденная пассивность и конформизм человека реального мира превращается в активность автора «ников» в мире виртуальном, иллюзорном. Иллюзия в прямом и переносном смысле помещает «человека виртуального» (автора и произведение одновременно) в ситуацию игры вторичных после реального социума ролей. Фрагментарность личности, подавленной объективностью реальных социальных процессов, приобретает шанс на восстановление своей целостности в другой реальности. Эта возможность имеет огромную притягательную силу, так как создает комфортный, контролируемый самим человеком, тип коммуникации.

Какие же опасности поджидают виртуального конструктора коммуникаций?

Во-первых, дуальность человеческой природы – души и тела, по-прежнему остается сущностным определением человека. Любые «перегибы» в ту или иную сторону приводят к асимметрии его сущностного самовыражения. Расширение рационального, на котором основывается виртуальная реальность, перекрывает телесное самовыражение человека. Текст и языковые практики, с помощью которых выстраивается вся виртуальная коммуникация, не создают полноты интимного физико-энергетического контакта между людьми. Телесная близость, необходимая для передачи дополнительной информации через жесты, совместное молчание, выражение глаз, прикосновения и так далее, остается «за кадром» текстовой или речевой коммуникации. Понятие

¹ Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Постмодернизм как ситуация философствования. СПб., 2003. 192 с.

«со-общение» шире понятия коммуникации, и в нем заложено значительно большее количество смыслов, имеющих, в том числе, и иррациональную, и чувственную природу. Чувственные импульсы и энергетика сопереживания событий реального мира «выводятся за скобки» виртуального типа коммуникации. И этот «остаток» не создает полной картины самовыражения для человека, как целостного антропологического универсума.

Во-вторых, «побег» в виртуальную реальность очень многие психологи объясняют желанием современного индивида минимизировать свою долю ответственности и приобрести большую свободу за счет анонимности пребывания в Интернет-сетях. Само это явление глубоко противоречит тому факту, что свобода личности напрямую зависит от степени ее ответственности. Большая ответственность предполагает большую свободу. Свобода и ответственность никогда не трактовались как взаимоисключающие характеристики бытия человека. Стоит даже в большей степени акцентировать внимание на необходимости личностной ответственности для того, чтобы индивид смог полноценно ощутить свое право на свободу. Поэтому иллюзорность безответственности виртуального мира может привести только к иллюзорности индивидуальной свободы, что найдет свое отражение во внутреннем конфликте индивида.

В-третьих, раздвоение сознания на автора и произведение (виртуальные роли) может привести как к фрагментарности ментальных «образов» мира, так и к ложной коммуникации. «Человек виртуальный» может запутаться в своих нарративах и потерять контроль своего авторства. Произведения могут стать ложными идентичностями и поглотить человека как субъекта конструирования. Это приведет к тому, что не только реальный мир, но и реальное в виртуальном потеряют свои коннотации и полностью «запутают» человека. Произойдет подмена ценностей, жизненных ориентиров и целей.

В-четвертых, отчуждение сущности человека как почти неизбежный процесс реального социального мира, приобретает свои формы и в виртуальном. Сама по себе виртуальная реальность представляет

собой абсолютный продукт разума человека. Развитие и расширение возможностей компьютера и информационных технологий превращаются в самостоятельную, объективную для самого человека реальность. Новое образование начинает жить по своим собственным законам, требуя от человека все большие вложения разума. Мечта о создании искусственного интеллекта обсуждается уже не только как романтически-эвристическая идея, но как новая опасность, подстерегающая человека разумного (наравне с глобальными проблемами человечества). Можно предположить, что человечество, как автор виртуального мира, рано или поздно, по тем же законам диалектики, превратится не просто в Пользователя, а в пролетария, отчуждающего свой интеллект, наемно работая на мировой Компьютер и Разработчиков программного обеспечения.

Перечисленные проблемы, возникающие при обращении индивида к виртуальной реальности, неизбежно приведут к новым формам внутренней готовности индивида к социальному опыту с Другим посредством использования комплекса индивидуальных социальных практик *самозащиты* от всей совокупности «множественных отношений силы», продуцируемых массовым/потребительским обществом и негативными факторами влияния современной техноцивилизации на человеческое существование.

Говоря о практиках *самозащиты* или *сопротивления* в цифровой общественно-экономической формации, социально-философская мысль по-прежнему использует потенциал марксистской теории. Это связано с тем, что, по мнению Фредерика Джеймисона современная эпоха – это эпоха длящегося капитализма¹. Эпоха капитализма не завершена, и она может быть по-прежнему описана с помощью теоретических позиций интеллектуального марксизма.

¹ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. М., 2019. 816 с.

Сегодня мы живем в постиндустриальную эпоху капиталистической «мир-системы»¹. Отличительными чертами этой эпохи, по мнению постмарксистов, являются: деиндустриализация и формирование новых диверсифицированных структур индивидуализированных товаров, возникновение нематериальной экономики и возрастание значимости субъективного фактора в процессе макросоциальных изменений.

Развитие нематериальной экономики формирует образ будущего человечества без материального производства. Точнее, предполагается, что создание необходимо сокращающегося количества материальных благ отдается на откуп машинам. Однако, эпоха постиндустриального капитализма приобретает новые опасные для человека черты с появлением ИИ и 3D-принтирования.

Согласно представлениям профессора Гарвардской школы бизнеса Ш. Зубофф, современный мир вступает в новую политэкономическую эпоху «надзорного капитализма» («surveillance capitalism»). В своей известной книге «Эпоха надзорного капитализма»² она говорит о том, что в надзорном капитализме опыт, накапливаемый людьми, в одностороннем порядке присваивается частными компаниями и преобразуется в принадлежащие им потоки big data. Некоторые из этих данных используются для совершенствования товаров и услуг. А остальные считаются «поведенческим профицитом» и ценятся за богатство прогнозирующих сигналов. Эти прогнозирующие данные отправляются на новейшие фабрики машинного интеллекта, где с помощью компьютерных расчётов они перерабатываются в крайне прибыльные прогнозирующие продукты, которые предугадывают нынешние и будущие решения людей. Затем эти прогнозирующие продукты торгуются на рынках, которые Зубофф называет «рынками фьючерсов на поведение».

Появляется новый тип товара – «персональные данные» – «поведенческий профицит», куда входят, например, манера и темп бега,

¹ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М., 2020. 304 с.

² Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М., 2022. 784 с.

хобби, охота за парковочным местом, лицо, голос, эмоции, социальные связи, тайные привычки, то есть человеческие действия – формируется новая экономика – «экономика действия», цель которой прогнозирование автоматизированного поведения индивида и превращение его в дополнительный «сырьевой придаток». Хочет ли современный человек свое частное пространство превращать в товар, и какие формы сопротивления у него есть в арсенале?

В книге «Конец индивидуума. Путешествие философа в страну ИИ»¹, опираясь на идеи Спинозы об осознанности причин и природы аффектов, Нассима Талеба «Антихрупкость» о хрупкости данных, которые при непредвиденном шоке могут быть уничтожены или приводят к ложным корреляциям, так называемый «черный лебедь», Дениеля Деннета о «делиберации» - рефлексивности намерения, когда индивид становится «свободным волителем» не окончательного, а предшествующего решения как места формирования личности, Г.Кенинг делает вывод: можно принять достижения технологии, выстроив при этом надежную альтернативу, как американскому утилитаризму, так и китайскому цифровому тоталитаризму.

Постмарксизм обсуждает образ цифровой экономики, которая с одной стороны, является прорывной, эффективной и бережливой, с другой – легитимизирует капитализм в его нынешней стадии развития.

Платформенный капитализм – так называют современную стадию развития мировой экономики, когда данные стали новым «сырьем», а компании, способные агрегировать и обрабатывать его, обретают все большую влияние. Ник Срничек, автор книги «Капитализм платформ», пишет: «данные стали выполнять целый ряд ключевых капиталистических функций: они «учат» алгоритмы правильной работе и обеспечивают их конкурентное преимущество; они позволяют координировать труд работников и нанимать внешних подрядчи-

¹ Кенинг Г. Путешествие философа в страну искусственного интеллекта. М., 2023. 352 с.

ков в режиме аутсорсинга; они помогают оптимизировать производственные процессы и делать их более гибкими; с их помощью можно превращать продукты с невысокой торговой наценкой в услуги с высокой наценкой; наконец, сам по себе анализ данных порождает новые данные, и этот ... заколдованный круг повторяется бесконечно»¹. Человек как поставщик этих данных становится заложником двух противоположных феноменов: ощущения свободы в цифровой системе и глобальной слежки.

Цифровая общественно-экономическая формация это общество «длящегося капитализма». И здесь для философской концептуализации возникают новые проблемы – может ли робот или другая цифровая сущность подвергаться угнетению? Может ли робот быть капиталистом? Могут ли роботы эксплуатировать друг друга?

«Эра цифровизации» создает новую культурологическую программу. гонконгский философ Юк Хуэй, занимающийся проблемами цифровых объектов, а также политикой и поэтикой технологий, ученик Бернара Стиглера, известного специалиста в области философии техники, вопрошает: «Если допустить, что существует множество природ, нельзя ли помыслить множество техник, которые отличаются друг от друга не только функционально и эстетически, но также онтологически и космологически?»².

Хуэй совершает попытку расширить концепт техники, которым мы сегодня располагаем. Он предлагает рассмотреть множество космотехник вместо техники, идущей от Прометея вплоть до современных цифровых технологий.

Если наш концепт техники останется столь узким, мы ограничим воображение возможных технологических будущих predetermined сценарием – сценарием глобализации западноевропейской культуры. В мировой цивилизации и геополитике доминирует западноевропейское мышление.

¹ Срничек Н. Капитализм платформ. М., 2019. 126 с.

² Хуэй Ю. Вопрос о технике в Китае. Эссе о космотехнике. М., 2022. 320 с.

Космотехника подразумевает не только разнообразие технологий в различных географических регионах человеческой истории, но и разные формы мышления, и сложный набор отношений между человеком и окружающей средой, между человеком и техникой. В качестве примера космотехники Хуэй приводит китайскую медицину.

В современном Китае цифровая культура воспринимается положительно, как почти воплощение коммунистической идеи, потому что требует централизации и нормативности. Успех «принятия» цифровых технологий в Китае связан с сочетанием культуры, которая не озабочена приматом частной жизни и динамичного производства. Китайское сотрудничество правительства и цифровых платформ – это скоординированные поиски общего коллективного блага, основанного на культурологических источниках: государство признается высшим гарантом социального порядка; коллективные ценности и общее благо не противоречат прозрачности личной жизни.

Современное российское неоевразийство пытается переизобрести русскую традицию как эпистему. Однако, основным проблемным местом в этом подходе является тот факт, что пока не удастся примирить современную технологию и культурную традицию. Для этого необходима новая национальная технологическая культурная программа.

Итак, какой может быть способ сопротивления перед натиском «цифровой сингулярности»? Ответ: можно принять достижения технологий, выстроив при этом надежную альтернативу в рамках проекта философии уникальности.

Постфордистская экономика – это диверсифицированная система производства, приоритет которой создание эксклюзивных, выполненных «на заказ» уникальных товаров. Такой тип экономики создает постпостмодернистскую культуру, которой чужда идея стандартизации и однообразия.

Согласно концепции Л. Болтански и А. Эскера сегодня сложилась особая экономика – «экономика обогащения»¹, являющаяся одновременно и придатком постиндустриальной экономики, и ее конкурентом. Она представляет собой синтез целого ряда отраслей производства и торговли: роскоши, туризма, искусства, культуры, торговли антиквариатом, эксклюзивного дизайна и музейного дела. В рамках «экономики обогащения» продукт каждой из этих индустрий увеличивает стоимость продуктов всех остальных – то есть обогащает и товары, и тем самым их продавцов. Современная смешанная экономика строится на взаимодействии четырех форм валоризации – стандартной, как в индустриальном капитализме, активной, виде товаров, увеличивающих свою стоимость со временем, коллекционной, где стоимость задается при помощи тонкой игры с редкостью коллекционируемых предметов, полнотой коллекции, оригинальности критериев подбора и т. д., и трендовой. Современная экономика основывается на производстве неких уникальных вещей, и именно их уникальность служит оправданием их высокой стоимости, необходимой для сохранения. Для обоснования уникальности используются объединенные возможности всех перечисленных индустрий, например, исторической специфики места, географической специфики, связи с современным искусством, ограниченным тиражом, известной торговой марки и пр.

Наступившая в XXI веке новая «экономика обогащения», которая подвергает критике массовое производство стандартных предметов, в том числе, выражает беспокойство по поводу процессов унификации людей, создающих эти предметы. В такой экономике появляются новые креативные сообщества интересов, которые прилагаются к различным профессиональным ситуациям – художники, стилисты, фотографы, ювелиры, дизайнеры и пр. Креатор в «экономике обогащения» для того, чтобы оправдать свои притязания на денежную прибыль, должен сделать себе имя, превратив его в индивидуальный торговый знак, закрепленный юридически. В условиях рыночной конкуренции

¹ Болтански Л., Эскер А. Обогащение. Критика товара. М., 2021. 587 с.

личный торговый знак креатора, например, дизайнера, и созданный им продукт, должны обладать системной характеристикой уникальности.

Современная экономика нацелена на производство потребительской ценности продуктов массового потребления, а не массового производства. Это означает, что объектом деятельности креатора по созданию дополнительной потребительской ценности может быть и единственный объект, который будет обязательно массово потребляемый в силу социального запроса на его уникальность.

Возникновение сектора нематериальной экономики предполагает развитие «экономики самореализации» индивида. Экономика самореализации – это по своей сути «экономика массовой уникальности». Производство стандартных товаров и услуг, которые в том числе, закрывают базовые потребности человека, всё больше отдаётся на откуп автоматизированным решениям. Высшую же ценность начинает иметь уникальный продукт, созданный уникальным талантом, а не стандартный продукт, созданный стандартными процессами и компетенциями. Происходит постепенная трансформация «рынка труда» в «сети уникальных талантов» – и в такой модели каждый человек должен найти возможность применение своему таланту для работы и самореализации. Результаты творческой деятельности становятся новым видом капитала через интеллектуальную ренту или патенты. Об этом пишет Ричард Флорида в книге «Креативный класс»¹.

Постмарксисты призывают к переосмыслению понятия «труд»²: от труда как условия самообеспечения и выживания – «работы» – к труду как творческой деятельности в высвободившееся от работы свободное время, позволяющей человеку раскрывать свой потенциал. Однако, реализация творческого потенциала личности, фактически превращается в совокупность целенаправленных практик по воспроизводству все тех же капиталистических форм производственного процесса, создающих симулякры, такие как ценные бумаги, торговые

¹ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007. 421 с.

² Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда. М., 2019. 336 с.

марки, услуги девелоперов, риэлторов, маркетологов, реклама и пр., в которых нет социально-экономического содержания, создания общественных благ и возможности развития человеческих качеств. Например, все большую популярность приобретает практика возвышения отдельного индивида в творческой конкурентной борьбе за внимание и популярность. Появляются новые «политики идентичности» – персоналиат – знаменитости, лидеры внимания, захватчики дискурсов и имперсоналиат – масса потребителей результатов имиджмейкерской деятельности. Такие формы креативной деятельности не создают прибавочную стоимость, но они приносят прибыль. Творческая деятельность подчиняется законам рынка и формируется новый социальный слой – фрилансеров-одиночек.

Сталкиваясь с подобными социально-экономическими реалиями, философия личности вынуждена говорить о социальной онтологии единственности, отвечающей за продуцирование неповторимой деятельности индивида. Такая субъектная деятельность, может быть описана в контексте конкретных общественных отношений в понятии «уникальность личностного бытия», представляющей собой ансамбль объективации экзистенциального и интериоризации социального опыта субъективностью единичного человека.

На социальном уровне необходима разработка новых способов конструирования социальной деятельности, которые будут построены не по логике стандартизации и унификации, а будут опираться на принципы роста разнообразия и уникальности. Деятельность уникальной субъективности, экстериоризированной в общественном, обладает неповторимой значимостью в социальном смысле – особенно тогда, когда человек создает нечто, не только творчески новое, но единственное и неповторимое, неизвестное другим, тем самым, содержательно обогащая свой род во всеобще-историческом смысле.

На уровне культур и цивилизаций принцип уникальности лежит в основе создания многомерных эпистемологических и многополярных культурологических синтезов для избегания однородности мира и сингулярности технологического образа будущего.

Сегодня только в сфере уникального – единственного, неповторимого, незаменимого – остается место человеку. Все, что принадлежит области универсального, воспроизводимого, копируемого отдается на откуп ИИ.

Е.М. Николаева, М.С. Николаев

1.3. Человек и искусственный интеллект: антропологические и социальные перспективы и риски

Современный искусственный интеллект, являясь одной из самых обсуждаемых технологий, включает в себя множество разных методов, которые позволяют расширить спектр возможностей компьютерных программ и одновременно еще больше распространить их влияние на разные сферы человеческой жизнедеятельности. В их числе машинное обучение, глубокое обучение, big data, нейронные сети, когнитивные вычисления и другие. Современный ИИ с необходимостью порождает вопрос: «Что случится, если предоставить машине бесконечную вычислительную мощность и бесконечные данные, принимая во внимание, что ее алгоритмы способны к самообучению, представляя собой код, который способен самосовершенствоваться и переписывать себя?».

Ответы на подобный вопрос могут быть максимально полярными: от самых оптимистичных, связанных с верой в то, что системы ИИ привнесут в жизнедеятельность человека перемены, которые невероятно расширят его возможности, до предельно алармистских, в основании которых лежит страх перед будущим, в котором искусственный интеллект будет представлять экзистенциальную угрозу человечеству.

Возможно ли, чтобы развитие искусственного интеллекта повлекло за собой развитие человека как биологического вида или интеллектуальное совершенствование отдельного человека? Относительно развития человека как биологического вида, мы полагаем, что, с одной

стороны, способность ИИ к быстрому обнаружению (а эта способность постоянно совершенствуется) каких-либо заболеваний, мутаций, предрасположенностей способствует эволюционным трансформациям, поскольку естественный ход вещей дополняется эффективными искусственными интервенциями, и это тот случай, когда пользы куда больше, чем вреда. С другой, – попытки выявить некоего «идеального» с точки зрения антропометрических параметров представителя, в конечном счете может привести к национальным, расовым и т.п. противоречиям, неприятиям, войнам и т.п. Безусловно, подобные феномены часто встречаются и в современных реалиях, но имеют иную природу: современные противоречия порождают сами люди, а в случае с ИИ, именно код будет задавать некие эталоны, что-то вроде вписывания современного человека в «золотое сечение», что может породить дальнейший «отсев».

Что касается интеллектуального развития отдельного человека, то невозможно игнорировать тот факт, что человеческое познание предельно ввиду возможностей и особенностей нашего мозга. С позиций философии, с увеличением наших знаний о мире необходимо увеличивается область нашего незнания. Пределом знания и является постоянно растущее на его фоне незнание качественно новой информации. Возможности же ИИ не могут быть ограничены. Границы ИИ – это код, но ИИ способен к его постоянному конструированию. Здесь можно употребить понятие рекурсия, поскольку это конструирование происходит на основании исходного кода, код «пишет сам себя», изначально заданный алгоритм машины способен изменяться и совершенствовать ее. Соответственно можно предположить, что никаких границ нет, потому что нет этого конечного кода.

Наибольшее количество рисков в процессе развития систем ИИ связано с эмерджентными эффектами диахронического типа. В этом случае разработчики и агенты, участвующие во всех этапах жизненного цикла подобных систем, не могут полностью предсказать поведение алгоритма, более того, у них нет абсолютно надежных способов контролировать то, что генерируют их модели. Известны случаи, когда

система выходит за пределы заданной логики, демонстрируя навыки, которым специалисты ее не обучали. По признанию технического директора Google Д.Маньики одна из программ ИИ адаптировалась сама, когда ей предложили использовать бангладешский язык, который отсутствовал в компетенциях, заданных разработчиками¹.

Здесь необходимо отметить, что пока диахронические эмерджентные эффекты возникают в случаях с поведением систем ИИ, которые созданы для автоматизированного решения локальных, специальных задач (узкий искусственный интеллект). Проблема усугубляется, если мы будем вести речь об общем или сильном ИИ (General AI, AGI), идея которого состоит в том, что он является антропоморфной системой, имитирующей работу биологического интеллекта, т. е. обладает универсальными мыслительными способностями, которые применяет для решения любой проблемы.

На сегодняшний день мы не обладаем исчерпывающим знанием о мозге, соответственно его невозможно смоделировать и воспроизвести в системе AGI. Тем не менее, техносообщество считает, что с версией сильного ИИ человечество познакомится уже в 2026 году, хотя первоначально в прогнозах назывался 2042 год². Появление AGI может серьезным образом изменить отношения человека с технологиями, это станет своеобразной точкой невозврата (исследователи называют это состояние сингулярностью). Сильный искусственный интеллект на основе сверхбыстрого самообучения будет производить все более мощные устройства, принимать независимые решения, изменяя мир, в то время как человек будет «вынесен за скобки» происходящего, наблюдая, но не осознавая его.

¹ Медведев Ю. Искусственный интеллект выучил язык, которому его не обучали. URL: <https://rg.ru/2023/04/18/iskusstvennyj-intellekt-vyuchil-iazyk-kotoromu-ego-ne-obuchali.html> (дата обращения: 17.04.2025).

² When will the first weakly general AI system be devised, tested, and publicly announced? URL: <https://www.metaculus.com/questions/3479/date-weakly-general-ai-is-publicly-known/> (дата обращения: 22.04.2025).

Можно утверждать, что возможности человеческого сознания относительно познания мира безграничны. Его границами могут выступить только субъективные обстоятельства развития человечества, как социальной материи, т.е. глобальная социальная катастрофа и т.п. В самом механизме познания человеком мира никаких границ кроме временных не существует (нельзя познать вчера, то, что вчера не познали). Здесь действует принцип необратимости, в соответствии с которым человек в гносеологическом плане не может вернуться в прошлое с целью реализовать там познавательные практики. У ИИ в этом отношении нет ограничений, потому что отсутствует чувство времени (нет демаркационной линии между прошлым, настоящим и будущим, поскольку они синкретичны), следовательно, возможно бесконечное возвращение с целью дополнительного самообучения/познания, а неистощимость ресурсов позволяет это делать «безусильственно». Это выглядит как континуальный, непрерывный рекурсивный процесс в отличие от человеческого познания, носящего дискретный характер.

Если под ИИ мы понимаем совершенное образование, то может ли обычный, из плоти и крови, человек стать подобным совершенным образованием? Человек далек от состояния высшей гармоничности, которая наблюдается в природной среде. По своей сути «совершенное», значит «завершенное», это конечный и не подлежащий дальнейшей трансформации объект (в нашем случае ИИ как конечное идеальное существо, некий ницшеанский «сверхчеловек», который и не человек вовсе, а его образ и подобие). Мы можем говорить о совершенстве ИИ, которое равно законченности, а не чему-то высокому, что может стать еще выше.

Искусственный интеллект ставит очень высокую планку для человека, который, создавая все более продвинутые версии ИИ, вынуждает себя двигаться «по вертикали». Приведет ли развитие ИИ к развитию человека, если принять во внимание тот факт, что современный человек сам себя обесценивает, «проседает», становясь все более автоматизированным, уступая машинам?

Обратимся к рассмотрению различных сфер (не претендуя на исчерпывающий перечень), в которых искусственный интеллект в той или иной мере вытесняет интеллект естественный, и на основании этого проведем экспликацию возможных следствий подобного противостояния.

Сфера коммуникации: здесь строгая рационализация и четкое следование правилам, - действительно то, в чем ИИ превосходит человека. Однако такие характеристики как неопределенность, незаурядность, эмоциональность, спонтанность отличают именно человеческую коммуникацию, в этом смысле алгоритму превзойти человека довольно-таки трудно. Для нейросети данные задачи непосильны, ибо невозможно компьютер научить тому, чему сам человек еще не может дать объяснения и неизвестно сможет ли. Непонятно как можно настроить алгоритмически в коде то, что мы называем внутренним чувством, чутьем или интуицией. К примеру, повседневное общение происходит без формализаций, четких рамок, с отсутствием заданных границ, с элементами эмпатии, далеко не всегда даже специалисты психологи способны дать рациональную дискрипцию подобным феноменам. Воссоздать подобную коммуникацию машина не может. Иначе обстоит дело с чат-ботами, когда их создатели подключают обычных людей к работе и просят их писать типичные ответы на повседневные вопросы, от этого ответы ботов становятся более приближенными к стилю коммуникации человека.

Сфера принятия важных решений: человек – существо свободное в том плане, что принятие решения может не являться строго рациональным актом, ибо наше актуальное состояние, опыт, ментальные установки и потребности, ценности влияют на то, какое решение в итоге будет нами принято. Принятие решений искусственным интеллектом – это обязательно строго рациональный процесс объективной оценки с позиции выгоды (важно лучшее решение, самый обоснованный и выгодный вариант, обладающий свойством универсальности). Для человека подобный подход может быть неважным, ибо лучшее ре-

шение для одного, – не всегда будет лучшим для другого. Алгоритмизация решений валидна в случаях, которые относятся к материальным практикам (выбор некоего предмета, товара, решение технологической проблемы и т.п.). Нематериальные практики, относящиеся к сфере духовного, морального, невозможно алгоритмизировать, потому что они находятся за пределами компетенций ИИ. К примеру, в вопросе относительно сохранения или несохранения жизни человека (сохранить жизнь инвалида или нет) для ИИ есть только одно, рационально обоснованное решение - сохранение жизни подобного человека является невыгодным во всех аспектах.

Сфера бизнес-процессов: способен ли ИИ работать в команде, взаимодействовать с большим количеством людей, учитывать их мнение, способствовать формированию корпоративной культуры? Сегодня технологии ИИ успешно оптимизируют и автоматизируют бизнес-процессы в разных профессиональных отраслях, а инновационные решения на основе ИИ зачастую становятся связующим звеном человеческой деятельности и нейросети. Систематизация и оценка данных с помощью ИИ – это эффективное рациональное решение, которое экономит человеческое время, снимает с человека рутинную работу, «позволяет руководителю проекта сконцентрироваться на сложно формализуемых областях, например, управлении коммуникациями и ожиданиями, разрешении конфликтов, стратегическом планировании и других. Кроме того, внедрение искусственного интеллекта требует достаточно высокого уровня культуры и дисциплины проектного управления. Искусственный интеллект работает с данными, и эти данные должны быть достоверными и своевременно предоставляться»¹.

Таким образом, в данном контексте ИИ выступает как помощник, и здесь можно открыто сказать о симбиотической связи технологий и человека.

¹ Михайлов А. Как искусственный интеллект помогает управлять проектами. URL: <https://habr.com/ru/articles/466165/> (дата обращения: 19.04.2025).

Сфера творческих компетенций: можно ли полагать, что ИИ способен к творчеству? Картины, музыка, стихи, различные модели и т.п., написанные с помощью нейросетей, являются креативными продуктами или все-таки это компиляция под заданные параметры (смешение стилей, компоновка данных и т.п.)? Подобным творениям нельзя отказать в оригинальности, они обладают своего рода уникальностью, но творчество ли это? Цифровое искусство, – это компиляция существующего и известного. В этом случае речи о креативности быть не может, ибо ИИ конструирует и пишет исходя из того, что вбирает в свой код уже известное (по сути, это как написать портрет, используя стили Ван Гога, Моне и Боттичелли, и назвать это собственным стилем). Творчество – это зеркало, отражающее внутренний мир автора, его настроения, субъективные переживания. Субъектностью нейросеть не наделена, она не обладает способностью генерировать творческие идеи, поэтому попытки создать нечто особенное будут выглядеть как миметические, собирательные творения.

При этом невозможно отрицать тот факт, что цифровые инструменты играют сегодня очень важную роль в творческой деятельности (музыка, архитектура, изобразительное искусство). Цифровая обработка и компьютерные эффекты получают широкое распространение в кинематографе, музыкальном творчестве. ИИ в этом случае становится соавтором, инструментально дополняет творца, однако претендовать на роль самостоятельного независимого автора он вряд ли может. «Технологии Neural style transfer, Deep Dream позволяют создавать объекты, которые во многих случаях не отличаются от творений человека. Генерация случайных образов в технологии GAN добавляет спонтанность в творчество искусственного интеллекта и позволяет сделать шаг вперед по сравнению с глубокой стилизацией. Безусловно, разрыв между AI и человеком сокращается. Тем не менее, по-видимому, в ближайшее время он не будет полностью преодолён, поскольку именно человек настраивает модель, подбирает обучающие примеры и использует технологии для творчества.

Идея о том, что машины могут быть художниками, или могут даже заменить художников, как они уже заменили некоторые профессии, выглядит пока слишком смелой»¹.

Сфера профессионального вытеснения: очевидно, что в недалеком будущем такие профессии, как: кондукторы, строители, экскурсоводы, юристы, программисты и многие другие будут вытесняться и заменяться ИИ. Исходя из того, что компьютерное творчество миметично, то запрос на человеческую креативность, а тем более гениальность остается. Ученые, изобретатели, исследователи, творцы искусства – люди, не просто создающие, а в первую очередь, – созидающие, без них развитие общества, даже при тотальной цифровой алгоритмизации труда, невозможно. К тому же, у повсеместного распространения роботов есть существенный плюс: на их фоне все больше будет цениться уникальность и исключительность, присущая лишь человеку. Речь может идти о вытеснении, прежде всего в тех сферах, где ИИ будет выполнять рутинные, типичные задачи.

Подобная ситуация не исключает возможности создания весьма успешных коллабораций. К примеру, в сфере сельского хозяйства сегодня получают распространение технологии обработки земли, сбора урожая с участием человека, который управляет комбайном/трактором, оснащенный нейропроцессором. Это позволяет избавить работников от изнурительного труда, существенно повысить эффективность работы, престижность самой профессии. Подобные практики позволяют привлечь в эту сферу молодых специалистов, что является актуальным на фоне дефицита трудовых ресурсов в сельском хозяйстве.

Кроме того, хоть мы и наблюдаем повсеместную автоматизацию труда, это не исключает увеличения спроса на новых специалистов, работа которых связана с созданием коллабораций, основанных на синтезе естественного и искусственного интеллекта. *Рэй Курцвейл, ведущий инженер компании Google и известный футуролог, считает, что*

¹ Суетин Н. Искусственный интеллект в современном искусстве. URL: <https://sk.ru/news/iskusstvennyu-intellekt-v-sovremennom-iskusstve> (дата обращения: 18.04.2025).

будущее будет иметь форму сосуществования человека и машин, которые будут усиливать человеческие способности. В итоге, в результате развития ИИ произойдет слияние человека и машины. В частности, к 2030 году он прогнозирует появление гибридного ИИ, который позволит подключать мозг к вычислительному «облаку» напрямую, используя «неокортексное соединение»¹.

Сфера управления общественным мнением. Безусловно, большинство из нас замечали когда-нибудь, что социальные сети генерируют контент, исходя из наших интересов. Они знают кто мы, чем интересуемся, что слушаем, читаем, смотрим, и на основании данной информации способны просчитывать наши потребности, склонности, о чем свидетельствует рекламный контент с предложениями, который сопровождает наше пребывание в сети.

Мир социальных сетей, являясь ярким выражением новых медиа, приходит на смену классическим медиа, которые выстраивали определенную информационную иерархию и в соответствии с этим упорядочивали мировоззренческие конструкты человека. Социальные сети делают мир информации горизонтальным, создавая иллюзию всеобщего равенства, манифестируя отсутствие общезначимых авторитетов и ценностей. Как следствие, трансформируется сфера публичности: способы обсуждения проблем, формы ведения дискуссий, обучения, подачи фактов коренным образом меняются.

Возникает закономерный вопрос – кто ответственен за цензуру в этой ситуации, кто выстраивает запреты? Участники публичных обсуждений не всегда знают, - существуют ли границы высказываемого, обсуждаемого и кто проводит эти границы? Современные технологии создают пространство абсолютного хаоса, насыщенного рационально необоснованными претензиями на общезначимость, исходящими от разных интернет-сообществ. Повестку дня в цифровом публичном

¹ Kurzweil R. Get ready for hybrid thinking. URL: https://www.ted.com/talks/ray_kurzweil_get_ready_for_hybrid_thinking/transcript?language=ru (дата обращения: 20.04.2025).

пространстве зачастую определяют группы, продуцирующие конфликтность, агрессивность и даже ненависть, поскольку именно эти феномены повышают количество просмотров и финансовых бонусов.

Вопрос о том, обретет или не обретет искусственный интеллект сознание, на данный момент не является абсолютно гипотетическим. Проблему можно охарактеризовать как из ряда вон выходящую, ибо она не заключена в явно обозначенные, формализованные в законченном виде границы: ни на уровне компаний, занимающихся разработкой ИИ, ни на уровне национальных инициатив, и тем более на международном уровне. Полувековая история развития ИИ все больше убеждает нас в том, что принципиальных препятствий на пути достижения такого результата нет.

Немецкий философ Т. Метцингер выдвигает концепцию субстантивации сознания как опыта чистой данности себе, в котором нет центра и нет ограничений. Эта форма сознания не является Эго-центрированной (лично-центрированной). Она объединяет нас с миром, животными и растениями, в частности. Это чистое сознание может быть присуще программам, машинам¹.

Можно предположить, что автор говорит о гибридном сознании, в котором отсутствует какая-либо дифференциация и которое является всеобщим. Тем самым мы уходим от «трудных проблем сознания», создавая новую цивилизацию без личностей и предавая забвению «Я».

В горизонте цивилизации ИИ все больше будет превосходить человека, и все более остро будет стоять вопрос - искусственный интеллект – это конкурент или дополнение человека, выступающее его помощником? В первом случае весьма вероятной становится перспектива войны между биологическим и кремниевым миром, во втором – биолого-кремниевое взаимодействие, в котором все актуальнее стано-

¹ Metzinger T. Bewusstseinskultur: Spiritualität, intellektuelle Redlichkeit und die planetare Krise. Berlin, 2023. 208 s.

вятся этические запреты, которые бы с необходимостью распространялись на разработки в области ИИ, особенно саморазвивающихся алгоритмов (сильный ИИ).

Современный человек, лишенный вертикали универсальных ценностей и существующий «на плоскости», зачастую не способен выстроить систему этических запретов, ценностей для самого себя. Сможет ли он сделать это в отношении искусственного интеллекта? Отдельные шаги в этом направлении уже предпринимаются. Так, в ноябре 2021 года на Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята Рекомендация по этике искусственного интеллекта, она носит рекомендательный характер¹. Практически одновременно в России был открыт для подписания Национальный Кодекс этики в сфере ИИ², а в Китае выпущен этический кодекс для искусственного интеллекта нового поколения, документ носит название «Спецификации этики искусственного интеллекта нового поколения»³.

Как справедливо отмечают авторы аналитического доклада, посвященного этике ИИ, главным назначением подобных документов «должно стать создание общей базы понимания этической ответственности акторов ИИ перед пользователями и обществом, включая долгосрочные, системные и другие значимые результаты широкого применения технологий ИИ. Согласованное и общепризнанное понимание этической ответственности людей, вовлеченных в различные жизненные циклы систем ИИ, позволит снизить риски и будет способствовать

¹ Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. URL: <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics> (дата обращения: 17.04.2025).

² Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 17.04.2025).

³ Пекин ввел этические принципы для регулирования искусственного интеллекта. URL: <https://3dnews.ru/1050463/pekin-vvyol-eticheskie-printsipi-dlya-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 20.04.2025).

безопасному внедрению и развитию новых технологий в обществе и в государстве»¹.

Решение этого вопроса пока остается за человеком: именно он решает, где, как и с какой целью применять ИИ, где он будет полезен, какие результаты принесет. Данные, которыми располагает ИИ – это данные, созданные и загруженные самим человеком. Машины действуют согласно тем моделям, которым их научили люди, и там, где человек решил их применить, соответственно привнести этичность в технологии ИИ, обозначив «красные линии», – это задача, которую предстоит решать человеку.

В этой связи сверх актуально звучат идеи английского исследователя У.Эшби. Он является автором двух фундаментальных трудов: «Конструкция мозга» и «Введение в кибернетику», в которых развивает идею о том, что белково-углеродная природа жизни не является чем-то уникальным. Исследователь считал, что возможны альтернативные формы, и по своему материальному носителю жизнь может быть железной, кремниевой, электронной, при этом законы ее возникновения одинаковы; и это вовсе не естественный отбор, а обратные связи².

В контексте наших рассуждений об искусственном интеллекте важно принять во внимание закон необходимого разнообразия, сформулированный английским исследователем. Исходная авторская формулировка выглядит следующим образом: «Только многообразие способно поглотить многообразие»³. Экстраполяция этого закона на проблемы управления искусственным интеллектом дает нам следующую интерпретацию: для эффективного управления разнообразие управля-

¹ Абрамова А.В., Игнатъев А.Г., Панова М.С. Этика в области искусственного интеллекта – от дискуссии к научному обоснованию и практическому применению: аналитический доклад. М., 2021. 24 с.

² Эшби У.Р. Конструкция мозга. Происхождение адаптивного поведения. М., 1964. 411 с.

³ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М., 2005. 432 с.

ющей системы (естественного интеллекта) должно быть выше разнообразия управляемой системы (искусственного интеллекта). Выстраивание отношений с системами ИИ в логике этого закона дает нам шанс на создание коллабораций, работающих на человека и эволюцию естественного сознания, говорить о кризисе которого сегодня есть все основания. В противном случае, - искусственный интеллект может стать последним изобретением человека.

О.Ю. Порошенко, Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова

1.4. О естественности искусственного и об искусственности естественного

Как-то в интервью Илон Маск сказал, что безудержное развитие искусственного интеллекта (ИИ) может привести человечество к последствиям, далеко превосходящим по негативному влиянию, например, ядерную войну. Игнорировать прогнозы подобного рода мы вряд ли имеем право. Искусственный интеллект постоянно и экспоненциально опережает человеческий. Есть даже основания считать, что в настоящее время (само)развитие ИИ находится на стадии выхода из-под контроля какого-либо социального, человеческого субъекта. Конечно, из-под контроля человека когда-то выходит любое техническое средство. И искусственный интеллект не исключение.

Необходимо сделать несколько предварительных замечаний, чтобы прояснить наши позиции. Во-первых, это касается понимания авторами того, что собой являет философия. С нашей точки зрения, философия, будучи теорией по своему происхождению, не тождественна науке и не исчерпывает себя в гносеологической парадигматике. Осознанная ее связь с языком полагает необходимость включения в границы философского анализа фактора о-языковлени сознания, в чем, кстати, проявляется искусственная (преобразованная) природа последнего. Философия являет собой форму мысли, схватываю-

щей естественно возникающие при строгом научном подходе к предмету зазоры в его осмыслении, позволяющую (форму) держать в сознании исследователя предмет как определенную целостность. Она научна, но не наука. Во-вторых, мы сознательно выводим за рамки данной работы разговор о специфике разных версий понимания ИИ. Это не наш предмет. Нас интересовал вопрос о существовании искусственного интеллекта в порождающей его среде, вопрос об отношении искусственного интеллекта как виртуальной реальности к реальности порождающей, онтологически первичной (при этом отметим: термин «виртуального» приведен нами здесь в качестве иллюстрации, примера, а не как наш собственный инструмент работы). В предложенной работе не будет содержаться ничего принципиально нового. Мы предлагаем лишь некоторое изменение оптики. Однако, как нам представляется, сегодня необходимо вернуться к некоторым несколько подзабытым положениям именно для прояснения проблемы искусственного интеллекта. Сдвигая проблему искусственного интеллекта в область анализа искусственности самой человеческой природы, мы предлагаем посмотреть на ситуацию не как на нечто новое, требующее новаторского решения, а как на одну из вариаций достаточно традиционной для философии проблемы: проблемы искусственности человека и искусственности искусственного (искусственное в степени n), чем являются все результаты его, человека, деятельности. В контексте данной статьи нам хотелось бы обратить внимание на идеи У.Р. Эшби, мыслителя, стоящего у истоков создания и исследования искусственного интеллекта. В последней фразе «Введения в кибернетику» он писал: «... поскольку мы знаем, что способность выбора может усиливаться, то отсюда, по-видимому, следует, что мощь интеллекта, подобно мощи физической, может усиливаться. ... развиваясь, мозг становится более совершенным органом, чем это возможно при прямом определении всех его деталей набором генов. Нова здесь лишь мысль, что мы можем

делать это синтетически, сознательно, намеренно»¹. В этой связи возникает вопрос – то, что мы сделаем со своим мозгом сами – синтетически, сознательно, намеренно – является искусственным или естественным? Изначально, безусловно, искусственным, результатом наших специальных усилий, а вот «на втором шаге творения» – мы просто привыкнем к этим усилиям, и наше «продвинутое» состояние мозга станет для нас естественным. Произойдет о-естественление искусственного ... в человеке. Это понимал один из создателей кибернетики.

При таком сдвиге возникает некоторый параллаксный эффект, который позволяет увидеть в традиционных философских подходах способы решения новых проблем. Фактически речь идет о том, как в философии осмыслялись вопросы взаимодействия человека с некоторыми техническими и технологическими изобретениями (письмо, средства письма, техника как таковая), находились способы взаимодействия с искусственными системами, постепенно выходящими на уровень аутопойетического развития. Исследовательской базой для такого подхода является вся философская традиция от Платона до Шпенглера, Хайдеггера, Леви-Стросса. Описав таким образом область исследования и поставленные задачи, мы фактически уже назвали некоторые методологические ключи, которыми будем пользоваться. Это принцип системности, принцип параллаксного сдвига и соответствующего ему параллаксного видения, принцип деконструкции, принцип симфонизма, идея аутопойесиса, которые, в свою очередь, не противоречат и классическим методам диалектики. Прежде всего, это принцип системности, позволяющий увидеть многоуровневость смыслов понятия «интеллект». Однако вполне естественно может возникнуть вопрос: не слишком ли странный круг философских персонажей и не слишком ли разбросанный список методологических установок представлен авторами в некотором пляшущем единстве? Позволим себе сказать, что нет. Методология философии в ситуации современности

¹ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М., 1959. 432 с.

может быть, по нашему мнению, определена как «движение по объекту» (определение, заимствованное нами у В.Е Кемерова): «Движение по объекту, представленное как смена *точек зрения на объект* (курсив автора, но мог быть и нашим! – О.П., Н.Т., Т.Ш.) в определенной связи и последовательности, может толковаться как приближение, условно говоря, «к точке зрения» самого объекта или как переход с позиции внаходимости субъекта на позицию объекта. Условием такого приближения является учет различия общезначимой формы представления объекта и социальной формы его освоения, а также различие последней и формы самобытности его бытия»¹. Подобную позицию находим у К. Гирца в «Насыщенном описании». Гирц пишет, что в выстраивании некоторого дискурса, способного описать исследуемую позицию, теоретик натывается на смешение необходимых точек зрения, как в жизни мы сталкиваемся со смешением языков. Исследователь ищет тот же «общий язык». Цель его – «расширение границ общечеловеческого разговора»². И далее: «...корпус теории должен обеспечивать словарный запас, в котором могло бы быть выражено то, что говорит о себе – т. е. о роли культуры в жизни человека, - символическое действие»³. В нашем случае это понятийный (концептный) запас, который позволяет говорить об исследуемом феномене с разных позиций, не подгоняя их в мозаичном полотне друг к другу с наибольшей плотностью. При этом, чтобы получить стереоскопичное, а не только плоскостное видение предмета, единицы этого «запаса» должны иметь «минимальный уровень точности и соответствия»⁴. Это коллаж, но для его формирования нужно некоторое полотно, методологическая канва, которая позволит держать предмет в поле зрения. В нашем случае такой канвой является методология Маркса (не марксизм!)

¹ Кемеров В.Е. Метафизика-динамика: (к вопросу об эволюции метафизики) // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 59–67.

² Гирц К. Интерпретации культур. М., 2004. 560 с.

³ Там же. С. 36.

⁴ Гирц К. Интерпретации культур. М., 2004. 560 с.

Результаты исследования.

Специфика взаимодействия искусственного и естественного в человеческой реальности представляется достаточно сложным процессом, который описывается в категориях диалектики о-естественления и раз-естественления. Применительно к проблеме данной статьи описание этого процесса предполагает признание нетождественности человеческого сознания и интеллекта.

Об искусственности естественного.

Понятие «интеллект» обнаруживает многослойность и многозначность. Его исследуют в психологии, философии, педагогике, когнитивистике, информатике, etc. И каждая дисциплина вносит свой вклад в усиление смятения в понимании интеллекта. Тем не менее, все интерпретации сходятся на том, что интеллект имеет отношение к способности адаптироваться к среде, однако само понятие адаптации опять-таки множит смыслы, которые пересекаются в одном положении: эта способность не обязательно должна быть отрефлектирована и вообще осознана. Следовательно, интеллект не есть понятие, синонимичное сознанию. Эту несинонимичность понятий часто просто выводят за скобку обсуждения проблемы. Отсюда и мнимая трагическая напряженность дискуссии по поводу искусственного интеллекта: не покусится ли ИИ на права человека как разумного существа? Представляется, что за этим вопросом пропадают собственно философские напряжения проблемы.

Проблема соотношения искусственного и естественного имеет долгую традицию в философии и несколько вариаций ее осмысления (не решения, конечно). Можно начинать с античной философии, провести ее через идею сотворения человека Богом и найти разные обоснования в европейском философском дискурсе (гегельянство, марксизм, ... список можно продолжать). Традиционно «искусственное» представляется тем, что создано человеком, природа которого терминологически определяется понятием естественного. Такое понимание восходит еще к античной философии, к Платону и Аристотелю, и полагает понимание естественного как возникшего по природе, самого

по себе, и искусственного как определяемого другим в своем возникновении. Искусственное полагается как форма преобразования, порождения другого порядка, неприродного по своей сути. При такой постановке вопроса возникает предпосылка полагания онтологической дуальности, параллелизма естественного и искусственного, который, кстати, ведет к пониманию их отношения как некоторого изначального конфликта. В книге «Естественное и искусственное: борьба миров» В.А. Кутырев пишет: «... в XX веке на земле образовалось две реальности, «два мира» – мир естественного и мир искусственного. С одной стороны сохраняется то, что может существовать без человека, растет и рождается, а с другой – приобрело невиданную значимость и собственные законы развития то, что им создано, функционирует и изобретается. Искусственное стало самостоятельным и его отношение с естественным определяет нынче содержание любой, сколько-нибудь серьезной проблемы»¹.

Однако философия знает и другую версию понимания отношений естественного и искусственного, которую мы предлагаем взять за основу. Эта версия о-естественления искусственного, которую можно обнаружить в Аристотелевом понимании политического чувства (естественное чувство, которым обладает свободный человек, политическое животное, но которое может быть реализовано только в форме развертывания в научении). Продолжение такого понимания находим в понятии второй природы у Маркса, которая (природа) возникает как выражение опосредованного характера человеческой деятельности². При таком подходе возникает иная, монистическая версия понимания человека как существа искусственного именно по своей природе. Его естественность, природа, оказывается изначально пре-образованной, искусственной и затем о-естественленной. При этом надо отметить, что подобное понимание выходит за рамки марксистского подхода. Так,

¹ Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. М.; Берлин, 2014. 270 с

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1988. 589 с.

в философской антропологии широко используется сформулированный Хельмутом Плеснером закон естественной искусственности, полагающей развитие некоторой формы через переступание собственной границы¹. Заметим, что Плеснером также выдвинут и закон опосредованной непосредственности.

При таком подходе искусственность обнаруживается как новое естественное состояние, возникшее в горизонте действия, преобразования и требующее для своего поддержания определенного усилия уже о-естественного порядка. Так, М.К. Мамардашвили пишет: «человеческие институты ... не живут так же, как живут природные предметы, в том смысле, что они сами собой не длятся, – нельзя породить институт и предположить, что она будет сама жить. Она будет сама жить только в той мере, в какой она будет возобновляться усилием человека, направленным на то, чтобы эта институт была»². Иными словами, «...создавать мир искусственного – имманентное свойство человека как родового существа»³.

Таким образом, человеческий интеллект есть феномен искусственного (в формате о-естественления, опосредования), а если мы говорим об искусственном интеллекте, то речь идет о некоторой искусственности в квадрате. Человеческий интеллект – это культивируемый интеллект, всегда искусственно (до)создаваемый самим человеком, он никогда не дан готовым раз и навсегда, он по определению искусственен. Однако человек любую ступеньку своего развития превращает в нормальное повседневное повторяющееся явление. *Искусственное становится для него естественным.*

Существует и еще одна иллюзия, которую трудно преодолеть даже в теоретическом формате, если не поставить перед собой задачу

¹ Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию. М., 2004. 368 с.

² Мамардашвили М.К. Сознание – это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть // Как я понимаю философию. М., 1990. С. 72–85.

³ Ерофеева К.Л. Еще раз о соотношении естественного и искусственного в человеческом существовании // Вестник ТГУ. 2002. № 2 (26). С. 39–44.

держат эту мысль в горизонте своего рассуждения. М.К. Мамардашвили назвал это «обыденной привычкой мышления», которых не лишен любой теоретик. Она связана с тем, что «мы, как правило, вписываем акты сознания в границы анатомического очертания человека. Но, возможно, существенным, каким-то первичным образом сознание размещено вне индивида и представляет собой какое-то пространственно-подобное или полевое образование»¹. Конечно, нужно помнить, что сознание и интеллект не синонимичны, но упрощенное понимание сознания приводит и к недоразумениям, согласно которым некоторый феномен, несводимый к индивидуальной телесности, априори начинает противопоставляться человеческому, понимаемому тоже как втиснутому в «анатомические очертания человека». Хотя при этом, что очевидно, мы находимся в пределах феномена антропологического присутствия, в культурном поле, и искусственный интеллект в этом плане не выпадает в иное пространство, но требует анализа этой особой искусственности.

ИИ пока остается искусственным, то есть еще не включенным в скобку естественного. И эта искусственность в степени N задает как преимущества, так и ограниченность ИИ: интеллектуальным персонажем он стать не может, он не может быть личностью, индивидуальностью.

Привычка мыслить телами и предметами приводит к жесткому разграничению объективного и субъективного и формирует представление о некоем объективном знании, которое, якобы, является предельной целью познания и должно быть лишено всякого присутствия человеческой субъективности. В этой ситуации человек утрачивает веру в свои познавательные способности: они видятся избыточными, если рядом есть ИИ. Исчезает метафизика познавательного процесса, состоящая, прежде всего в том, что познающий человек (или сообщество познающих людей) *знает* о том, что он *не знает*. Это «знание

¹ Мамардашвили М.К. Сознание – это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть // Как я понимаю философию. М., 1990. С. 72–85.

о неизвестном» – необходимая человеческая компонента процесса познания¹. Если для искусственного интеллекта такое знание избыточно и непродуктивно, то для человека оно важно, потому что в этом неизвестном открывается перспектива – и познания, и жизни в целом.

Таким образом, проблемой сегодня становится не продолжение ужаса ожидания восстания машин в версии восстания искусственного интеллекта, а, как всегда, проблема диалога и доверительного общения человека со своим собственным сознанием и расширение горизонта своего присутствия в мире.

Об опасности стихийного о-естествления: раз-естествление человека.

Важно, чтобы этот диалог человека с собственным сознанием действительно развивался в направлении о-естествления ИИ, а не в направлении раз-естествления человека. Иначе говоря, если человек бросится вдогонку за ИИ или будет стремиться его копировать, он может попасть в ситуацию собственного омашинивания, механизации. В массовом обществе немало социальных механизмов, укладывающих человека и его сознание в определенный (социумом) автоматизм, механику. Идет механизация человека.

Можно сказать, что этот процесс начался достаточно давно, когда появилось крупное машинное производство, и человек стал придатком машины, частичным рабочим и винтиком в системе производства. Производству были нужны совсем не все, а лишь некоторые его силы и способности. Поэтому человек-придаток машины максимально типизировался. Машина штамповала людей. И все же в «хозяйстве» этого винтика оставалось минимальное пространство, не схваченное процессами механизации. Теперь продумаем некоторую перспективную аналогию или аналогичную перспективу. Человек становится «придатком» искусственного интеллекта. А как иначе? По многим параметрам ИИ (*количественным!*) уже давно превзошел человеческий.

¹ Терещенко Н.А. Социальная философия после «смерти социального». Казань, 2011. 368 с.

Более того, остановить процесс его совершенствования невозможно, как любой прогресс. И, конечно, есть вероятность того, что искусственный интеллект выйдет из-под контроля человека. Эта возможность существует практически всегда при использовании человеком любого средства труда: топор может упасть на ногу, автомобиль может выйти из-под управления и т.п. Более того, чем сложнее технические устройства, тем более серьезными и необратимыми могут оказаться последствия их «восстания». Однако этот очевиднейший факт ни на минуту не остановил научно-технический прогресс.

ИИ и сознание – разные вещи, но человек иногда готов отдать машине не только задачи хранения или быстрого поиска информации, но и другие составляющие сознания. Если же понимать сознание традиционно, можно сказать, на уровне натуралистического предрассудка (то, что в голове) то возникает ощущение онтического равноправия этого сознания и искусственного интеллекта. Так возникает, например, иллюзия, что я что-то *знаю*, если просто какая-то информация есть у меня в компьютере.

ИИ индивиден, а не индивидуален, потому что количественен, а не качественен. Что это значит? Яркая человеческая индивидуальность всегда возникает только в общении и взаимодействии с другими людьми, и даже одиночество есть не что иное, как выражение потребности в других людях. ИИ не может быть одиноким. Ему не нужен другой: ни человек, ни другой ИИ. Но это его проблема, а не проблема человека. Для человека вопрос в том, чтобы он не перестал нуждаться во всем богатстве человеческих отношений, не уподобился индивидуальной технической системе. А о-естественить ИИ ему все равно придется. Естественно, одним людям это удастся сделать быстрее и легче, другим – труднее и медленнее. Так же, как автомобиль кто-то обучается водить очень быстро, а для кого-то это трудная задача. Наконец, есть люди, которые так никогда и не научатся это делать. Но это и не важно: человек как родовое существо уже умеет водить автомобиль. Куда ведет нас эта аналогия? Человек как родовое существо вполне способен

присвоить себе ИИ, сделать его своим искусственным, но ставшим естественным органом, «искусственным интеллектом человека».

Задача (в том числе задача теоретика) – как раз преодолеть «обыденную привычку мышления». Акт сознания за границами анатомического очертания человека – это и есть сознание человека как родового существа. Вот это совместное человеческое сознание и способно о-естествить искусственный интеллект.

Об условиях возможности о-естествления ИИ.

Каковы условия такой возможности? Попробуем обратиться к историко-культурным аналогиям. Одна из них – появление письменности и – самое главное – осознание человечеством последствий этого изобретения.

«Когда же дошел черед до письмен, Тевт сказал: "Эта наука, царь, сделает египтян более мудрыми и памятьливыми, так как найдено средство для памяти и мудрости". Царь же сказал: "Искуснейший Тевт, один способен породить предметы искусства, а другой – судить, какая в них доля вреда или выгоды для тех, кто будет ими пользоваться. Вот и сейчас ты, отец письмен, из любви к ним придал им прямо противоположное значение. В души научившихся им они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых"»¹.

Этот фрагмент из «Федра» часто обращает на себя внимание мыслителей разных направлений и разных идеологий технологизации человеческого разума. Чаще всего речь идет о том, что любое изобретение амбивалентно и несет не только положительные моменты, но и чревато большими или меньшими потерями. Это, безусловно, так.

¹ Платон. Федр // Сочинения: в 4-х тт. М., 1993. Т. 2. С. 135–191.

Но обратим внимание на другой момент. Его проговаривает (именно «проговаривает», так как не останавливается именно на этом) У. Эко в лекции, прочитанной в Москве: «Фараон будто бы показал сначала на письмена, а затем на идеальный символ человеческой памяти и сказал: "Это (то есть письмена) убьет то (то есть память)". В "Соборе парижской богородицы" Гюго Клод Фролло показывает сначала на книгу (книги только начали печатать в то время), потом на свой собор и говорит: "Это убьет то"»¹. То есть он еще и заикливает ситуацию, видя ее повтор в изобретении книгопечатания. И это тоже не ново, скажем честно. Но! Позволим себе сказать «но!». Вот что важно, Эко пишет: «идеальный символ человеческой памяти»! сделаем ударение на первое слово, а не на второе. Итак, хитрость заключается в том, что этот символ – идеальный. Человек создает новые средства поддержки разума, думая, что приближается к идеалу. А на самом деле создает некоторую систему технических средств, возможно, идеальную в своем роде (с помощью алфавита действительно можно создать бесконечное чисто текстовое), но теряет при этом силу идеальности: сила идеала в его недостижимости. А в нашем случае это означает понимание неабсолютности любого достижения. Пока идеальная *система* будет совершенствоваться в своем роде, разум обнаружит другую свою ипостась, неподвластную идеальности данной системы и в качестве цели ставящую ее, систему, в тупик. Тогда как система идет от совершенства к еще большему совершенству, превращая предыдущую ступень в несовершенство, человеческий разум идет от несовершенства к обнаружению разных каналов связи с совершенством. Через непамятливость, небыстроту чтения и письма, нехватность, невозможность вместить в себя колоссальные объемы знаний и т.д. разум идет к утонченности, парадоксальности, стереоскопичности, способности умерения собственных амбиций, усмирения собственного своеволия, что является показателем зрелости, но не может быть присуще ИИ по определению,

¹ Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст. Отрывки из публичной лекции Умберто Эко на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998. URL: <https://studfile.net/preview/9502504/page:11> (дата обращения: 04.03.2022).

так как его количественная природа требует иного подхода к самому себе (если предположить, что ИИ может отнестись к самому себе). Если же мы не можем предположить это возвратное отношение (возможно, оно присутствует в аутопойетической идее самообучающихся систем), тогда тем более ИИ не выходит за пределы границ возможности естественного разума. Но в самом Платоновском тексте есть и еще один нюанс. «Искуснейший Тевт, один способен порождать предметы искусства, а другой – судить, какая в них доля вреда или выгоды для тех, кто будет ими пользоваться», – говорит фараон, тем самым разделяя не столько людей, выполняющих разные задачи, сколько предшествующий решению этих задач телос. Сейчас бы мы сказали: творчество в конкретной области и его социальную экспертизу, осуществляемую не с точки зрения этой конкретной области, а в более широком горизонте, в горизонте цельности, тотальности.

Ярким и хорошо известным примером такой экспертизы, причем, в данном случае, самоэкспертизы Ф.М. Бурлацкий считал творчество Леонардо да Винчи. Он даже использует термин «мораль Леонардо»¹. У Леонардо была идея создания подводной лодки, которую он скрыл от современников, полагая, что это изобретение опасно для пока еще слишком молодого и несовершенного, «ребячливого» человечества. Конечно, это радикальная форма самоэкспертизы, вероятно, возможны другие. Антропологическая экспертиза широко применяется сейчас к проблемам экологии и градостроительства, к космическим исследованиям. Возможно, необходимо и развитие экспертных оценок в плане антропологической соразмерности ИИ. На сегодняшний день такая экспертиза явно не востребована. Однако невостребованность этой экспертизы отнюдь не означает ее не-необходимости. Скорее, в современном общественном сознании отсутствует мотив осознанности потребности в подобной экспертизе. Причем, как это чаще всего бывает,

¹ Бурлацкий Ф.М. Новое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. М., 1989. 431 с.

отдельные догадки по этому поводу можно обнаружить в художественном тексте, но в мышлении технико-технологического плана подобный аспект проседает. Между тем, по-настоящему человеческое, антропологически выверенное отношение и конструктивное взаимодействие людей с любым новым артефактом предполагает его разноплановую, полифоническую включенность в *ансамбль* общественных отношений. Взаимодействие человека и ИИ, в соответствии с полифоничной и симфоничной природой самого человека, также является системой повышенной сложности, и игнорирование симфонизма отношений, в которых существует человек, как минимум недальновидно.

Надо сказать, что обращение к принципу симфонизма как к исследовательской модели (назовем это принципом а), соответствующей симфонической природе человеческого сообщества (назовем это принципом б) – дело не новое.

К. Леви-Стросс в «Структурной антропологии» писал о мифе: «Мы будем рассматривать (см. принцип б – О.П., Н.Т., Т.Ш.) миф так, как если бы он представлял собой оркестровую партитуру, переписанную несведущим любителем, линейка за линейкой, в виде непрерывной мелодической последовательности; мы же пытаемся восстановить его первоначальную аранжировку (см: принцип а – О.П., Н.Т., Т.Ш.)»¹. Действительно, линейно записанный миф предстает перед нами в искаженном, не-естественном (но не в своем собственном, собственно-искусственном!) виде. Его внутренние ритмы, сбившись, перестают пульсировать как ритмы мифа. Так, например, омутообразное время мифа никак не растягивается в линейку, а если его растянуть, обнаруживаются противоречия, которые нарушают всю структуру мифа. Леви-Стросс обращался к принципу симфонизма как к исследовательской матрице при работе с искусственными образованиями, коими и являются практически все культурные социальные процессы. Фактически в форме партитуры написана его работа «Мифологии»: Увертюра. Тема с вариациями. Соната хороших манер. Фуга пяти чувств

¹ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001. 512 с.

и т.д. – достаточно посмотреть структуру содержания¹. Причина понятна: музыка, имеющая дело с музыкальным звуком как с абсолютно *искусственным* образованием (оставим в стороне эксперименты с разложением музыкального звука, которые велись в XX веке), развивается по совершенно объективным законам, имеющим именно композиционную природу. Рассмотрение искусственного интеллекта в такой симфонической, композиционной парадигме, возможно, помогло бы увидеть новые аспекты его взаимодействия с иными, также искусственными социальными феноменами, уйти от излишней демонизации ИИ и умерить алармистские настроения его противников.

Заключение.

Итак, в представленной статье высказано предложение о смещении фокуса исследования искусственного интеллекта в область системного анализа общества как коллективного субъекта ИИ. Рассматриваемая связь ИИ с сознанием, запакованным в антропологические границы индивидуального человеческого тела, приводит к искажению в понимании как сегодняшнего состояния проблемы, так и поиска путей гармонизации, коль скоро это возможно, отношений ИИ и родового человека. Попытка перенести проблему в иной, непривычный для нее контекст, разыграть ее «на театре философии», пользуясь словами М.К. Мамардашвили², используя для ее осмысления весь философский багаж, позволит, как мы уже сказали, снизить градус алармизма, расширить теоретическую базу анализа и добавить толику здорового скепсиса и иронии в рассуждения о бесконечном превосходстве искусственного интеллекта над возможностями человека.

¹ Леви-Стросс К. Мифологии. В 4-х тт. Т. 1: Сырое и приготовленное. М.; СПб., 1999. 406 с.

² Мамардашвили М.К. Сознание – это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть // Как я понимаю философию. М., 1990. С. 72–85.

ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МОЛОДЁЖИ КАК ОСНОВА ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Р.Ш. Ахмадиева, Р.З. Хусаинова

2.1. Формирование цифровых компетенций студенческой молодежи

(на примере Казанского государственного института культуры)

На сегодняшний день цифровая экономика и цифровое образование являются важнейшими приоритетами в политике России, что нашло отражение в стратегических документах: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г. №1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹; Приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», утверждённый в рамках реализации государственной программы «Развитие образования» на 2013-2020 годы²; Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 02.12.2019 г. №649 «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды» и др.³

¹ Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р. URL: <http://government.ru/docs/28653/> (дата обращения: 01.04.2025).

² Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации». URL: <http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYfTvOAG.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).

³ Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды: приказ Минпросвещения России от 02.12.2019 г. № 649. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912250047> (дата обращения: 01.04.2025).

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. №204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2024 года» разработан национальный проект «Культура», который включает в себя три федеральных проекта: «Культурная среда», «Творческие люди», «Цифровая культура»¹.

Исследование проводилось на основе анализа практического опыта формирования цифровых компетенций у студентов. В работе использовались методы сравнения, обобщения и конкретизации. Сегодня цифровые технологии являются неотъемлемой частью в образовательном процессе. Данные процессы предоставляют большой спектр возможностей: обрабатывать большое количество информации, применять AR/VR дополненную и виртуальную реальность, искусственный интеллект, использовать программы и приложения для усвоения материала и вызвать интерес к той или иной дисциплине. А также удобства в переходе многих процессов на автоматизированную работу, например, такие как использование роботов и электронного документооборота, позволяют ускорить процесс сбора, обработки и хранения информации.

Ряд исследований демонстрируют определенные преимущества, которые дает использование цифровых средств и технологий (планшетов, мобильных телефонов, видеоигр, блогов, специализированных ИКТ технологий) для обучения представителей «цифрового поколения». Но существует группа исследований, показывающих, что успешность обучения «цифрового поколения» зависит не столько от использования цифровых технологий, сколько от квалификации преподавателя, его стиля преподавания, что высокие результаты вполне могут быть достигнуты и при использовании традиционных моделей и мето-

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 01.04.2025).

дов обучения, что целый ряд специальных цифровых технологий обучения мало используется представителями «цифрового поколения» без специальных усилий и отработанной методики преподавателя¹.

Философ И.В. Налетова обращает внимание на необходимость учитывать, что образование в эпоху цифровизации – это не только подготовка IT-кадров, кадров в области электроники, робототехники, беспилотников и т.д. Вызовы современности диктуют университету требования по подготовке универсальных специалистов, способных комплексно оценить ситуацию в социально-гуманитарной сфере и предложить необходимые пути решения, в том числе технические и технологические, а также осуществить их². О.Н. Астафьева, Е.В. Никонорова и О.В. Шлыкова отмечают, что трактовка «цифровая культура» подчеркивает факт становления информационного общества, цифровой сферы общения и означает не только применение новых технологий, но и появление новых возможностей для выражения и функционирования всех сфер жизни общества, изменения ряда социальных отношений, ценностей, норм, стереотипов поведения³.

Майер Б.О. в своей статье отмечает, что Интернет и цифровые технологии являются важным дополнением к традиционным формам образования и обучения. Но не их исключительной альтернативой⁴. Ссылаясь на научные исследования ученых, можно сделать следующие выводы о влиянии цифровизации: происходит подготовка специ-

¹ Selwyn N. The digital native – myth and reality // *Aslib Proceedings: New Information Perspectives*. 2009. Vol. 61. № 4. P. 364–379.

² Налетова И.В. Проектирование программ магистратуры по социально-гуманитарным направлениям в условиях цифровизации образования // *Социально-гуманитарные знания*. 2020. № 4. С. 22–31.

³ Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шлыкова О.В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // *Обсерватория культуры*. 2018. Т. 15. № 5. С. 516–531.

⁴ Евзрезов Д.В., Майер Б.О. «Образование 2030» – вызов системе образования. 1. Форсайт образования – план создания «людей одной кнопки»? // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2014. № 2. С. 118–132.

алистов с высоким уровнем компетенций, появляются новые возможности для развития в различных сферах деятельности общества, а также цифровые технологии являются важным дополнением к традиционной форме образования. Факторами, порождающими потребность в построении цифрового образовательного процесса профессионального образования и обучения, выступают три тенденции, характеризующие становление цифрового общества:

- цифровая экономика и порождаемые ею новые требования к кадрам;
- новые цифровые технологии, формирующие цифровую среду и развивающиеся в ней;
- цифровое поколение (новое поколение обучающихся, имеющее особые социально-психологические характеристики)¹.

Сейчас, в период повсеместной цифровизации, каждый студент должен обладать навыками использования современных технологий и уметь их применять. Начиная с 2016 г., мы наблюдаем более активное использование информационных технологий в учебном процессе, хотя информационная среда в вузе существовала и ранее. Цифровые технологии внедряются во все учебные планы. В них включены дисциплины, которые посвящены использованию цифровых технологий в профессиональной деятельности. Ситуация, связанная с пандемией, продемонстрировала готовность профессорско-преподавательского состава к использованию современных технологий.

В связи с развитием технологий, связанных с цифровой формой обучения, в настоящее время стало актуальным изучение нового направления в педагогической науке – цифровой дидактики.

В соответствии с результатами опроса и исследований, которые были проведены в нашем институте, у студентов присутствует положительный настрой на использование современных цифровых технологий при обучении. В целом, более 70% студентов высоко оценивают

¹ Биленко П.Н., Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Кондаков А.М., Сергеев И.С. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения. М., 2019. 98 с.

уровень доступа к компьютерным технологиям в институте. С 2019 г. активно начали внедрять электронную образовательную среду, используя систему электронного обучения и тестирования Moodle. Появились действующие на постоянной основе образовательные дисциплины, в рамках которых студенты часть теоретического материала изучают в электронной среде и имеют возможность пройти тесты для выявления уровня своего знания, принимать участие в обучающих вебинарах по тематике цифровой культуры для специалистов, работающих в сфере культуры и искусства.

Были сняты интервью с лучшими специалистами сферы культуры. Примером могут послужить вебинары «Цифровые технологии в культуре: вызовы и перспективы», проходившие в рамках Международного форума «Kazan Digital Week», а также интервью на тему «Как цифровые платформы трансформируют сферу культуры».

Под руководством нашего вуза совместно с вузами культуры Российской Федерации разработана концепция модели цифрового вуза культуры. Предлагаемая модель цифрового вуза культуры строится на пяти блоках: «Люди/кадры», «Сервисы/интерфейсы», «Данные», «Процессы», «It-инфраструктура», которые оцениваются по 4 этапам цифровой зрелости: «Первичная цифровизация», «Цифровая оптимизация», «Цифровая управляемость», «Цифровая трансформация».

Современное информационное пространство и цифровые технологии в системе образования играют важную роль, предоставляя равные возможности доступа к различным информационным ресурсам для всех. Это дает свободу выбора индивидуальной образовательной траектории. Благодаря этим возможностям, мы можем активизировать творческий потенциал студентов, реализовать потребность в самопознании и развивать творчество. Вместе с этим, цифровые технологии обогащают образовательную среду, предоставляя богатство информации и инструментов для реализации идей и проектов. Таким образом, современное информационное пространство и цифровые технологии в системе образования способствуют всестороннему развитию личности и помогают реализовать наши потенциалы. Поэтому мы нацелены

на индивидуальный подход к каждому студенту, что является особенно важным и актуальным для тех студентов, которые занимаются творческими направлениями. Сюда мы можем отнести индивидуальные задания, создание кейсов и проведение научно-исследовательской работы.

У студентов Казанского государственного института культуры наблюдается большой интерес к различным направлениям деятельности, связанным с разработкой и использованием современных технологий, таких как: геймификация, создание мультимедийных презентаций и использование технологий виртуальной реальности, а также 3D моделирование. Так, например, одна из разработок 3D моделирования, выполненная студентом вуза для виртуальной выставки, представлена на рис. 2.1.1.



Рис. 2.1.1. Кадры 3D моделирования для виртуальной выставки; автор работы ансамбля посуды «Зов предков» Степанова Александра

Есть студенты, которые увлекаются созданием обработок записей с использованием технологий искусственного интеллекта (это позволяет сэкономить время и после этнографических экспедиций быстро обработать собранный песенный материал), создают виртуальные экскурсионные туры или коллекции одежды с помощью специальных

программ, таких как CLO 3D и Marvelous Designer. Уже пробуют использовать оборудование по «захвату движения» в театрализованных и хореографических постановках. В каждом направлении подготовки уже сейчас можно поэкспериментировать с цифровыми технологиями.

Новые горизонты открывает дистанционный формат встреч в научно-исследовательской деятельности, организация научно-практических конференций, научно-методических семинаров, конкурсов научных работ студентов, аспирантов, молодых ученых в режиме онлайн¹.

Важно отметить, что использование цифровых технологий в образовательном процессе имеет ряд положительных сторон. К успешным процессам, которые происходят в институте, можно отнести: возможность обучения детей с ограниченными возможностями здоровья; проведение онлайн курсов, в том числе и международных конференций; используя онлайн формат, можно прослушать профессоров со всего мира.

Максимально эффективно использовать мультимедийные и аудиофайлы, которые помогают привлечь внимание обучающихся к изучаемому материалу. Например, в рамках национального проекта «Культура» студенты совместно с профессорско-преподавательским составом разрабатывают цифровые продукты для всего населения. Важно также отметить трудности, с которыми сталкиваются студенты при использовании цифровых технологий в вузах. Это: недостаточный объем трафика Wi-fi; недостаточное количество очков. Сегодня государство дает возможность улучшать материально-техническую базу через участие в грантах. В нашем вузе закуплен класс виртуальной реальности. Для его полноценного использования необходимо разработать программы для творческих направлений. К сожалению, мало педагогов, которые могли бы этому учить студентов творческих специальностей, у которых не хватает навыков, чтобы разрабатывать эти

¹ Ахмадиева Р.Ш. Внедрение цифровых технологий на примере Казанского государственного института культуры // Вестник НЦБЖД. 2021. № 4(50). С. 34–38.

программы. Но при должном умении можно разрабатывать интересные экскурсии с погружением в прошлое или посещение спектаклей и концертов в виртуальном пространстве. Но все эти трудности удалось разрешить благодаря тому, что в институте создана команда цифровой трансформации, которая включает в себя профессорско-преподавательский состав, а также сотрудников разных направлений. Данная команда ставит перед собой цель – широко использовать цифровые технологии в образовании, культуре и науке, используя исследования, проводимые в Инжиниринговом центре.

На базе Инжинирингового центра проходят практику как наши студенты, так и студенты других вузов, проводятся курсы повышения квалификации для представителей креативной индустрии. Наиболее востребованными являются курсы «Стратегия создания сувенира», «Цифровое проектирование костюма и аксессуаров», «Современные методики создания экспериментального образца художественной керамики», «Предметная фотография как контент для продвижения товаров и услуг», «Корпоративная культура бережливого производства», «Развитие креативного мышления», «Развитие цифрового маркетинга» по направлениям переподготовки «Дизайн» профиля «VR технологии. Этапы создания коммерческих приложений» и т.д. Ежегодно обучение проходят более 250 человек. Программы могут быть разработаны по индивидуальному запросу.

Также для реализации ключевых задач программы развития инжинирингового центра созданы 3 экспериментальные научно-исследовательские лаборатории (по дизайну одежды; по деревообработке; по художественной керамике), где активно применяются современные цифровые технологии.

Центр непрерывного образования и повышения квалификации творческих и управленческих кадров в сфере культуры был открыт в институте в 2021 г. В данном центре реализовываются программы по направлению «Цифровая культура» в рамках Национального проекта «Культура», федерального проекта «Творческие люди»: «Мони-

торинг и прогнозирование деятельности учреждений культуры в цифровой среде», «Основы проектного менеджмента в сфере культуры: фандрайзинг, социальные, цифровые», «Современные тенденции практики и технологии оцифровки библиотечных фондов», «Практико-ориентированные информационные технологии организации культурно-досуговой деятельности с участием инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья», «Современные цифровые технологии организации волонтерской деятельности в сфере культуры», «Технологии организации культурно-досуговой деятельности для людей старшего возраста с применением инфо-коммуникационных технологий», «Формирование имиджевых коммуникаций библиотеки в сети Интернет», «Формирование информационной культуры детей: цифровые технологии, сетевой этикет, информационная безопасность».

Каждый слушатель регистрируется на платформе LMS Moodle, где представлен лекционный материал, записи всех лекций, учебно-методические пособия, а также возможность прохождения тестирования и анкетирования слушателей. Количество работников учреждений культуры, прошедших обучение с 2021-2023 гг., представлено на рис. 2.1.2.

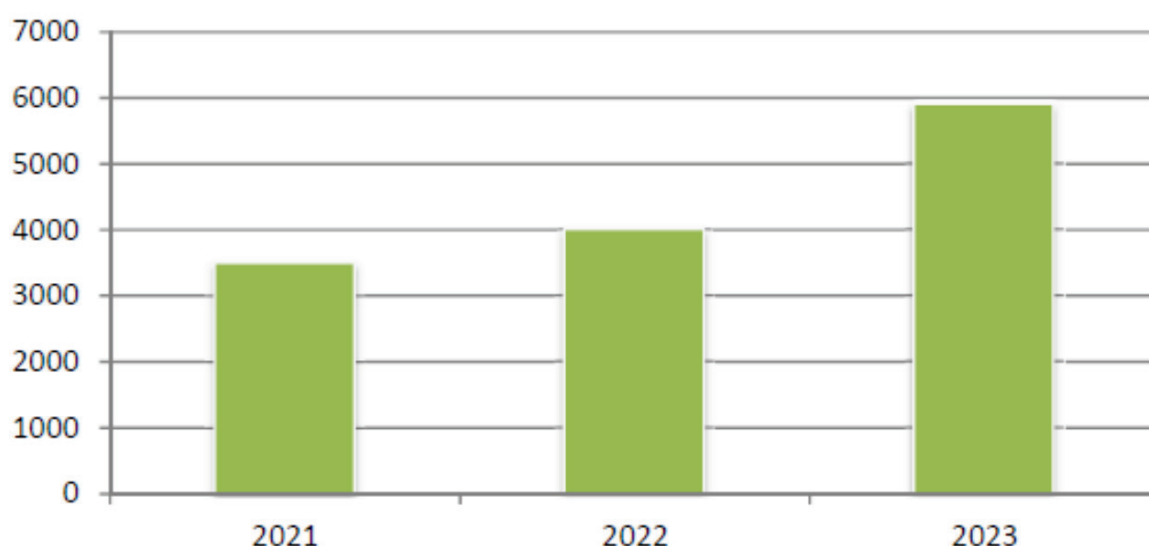


Рис. 2.1.2. Количество работников учреждений культуры, прошедших обучение

Важной составляющей в образовательном процессе является цифровая грамотность как одна из обязательных компетенций, где себя активно проявляют студенты Казанского института культуры и принимают активное участие в хакатонах на протяжении нескольких лет. Важно отметить, что в рамках Международного форума «Kazan Digital Week» с 13-14 сентября прошел хакатон «Арт-вселенная». Ключевыми темами хакатона «Артвселенная» стали создание: арт-объектов для метавселенной; сценических площадок для метавселенной; артефактов для метавселенной; домов с национальными элементами для метавселенной; героев для метавселенной, а также создание цифрового двойника творческих людей. Хакатон, организованный в Казанском государственном институте культуры, объединил экспертов в области культуры и искусства с разработчиками программного обеспечения и представителями IT-компаний для создания продуктов на стыке культуры и инноваций.

Участниками хакатона выступили учащиеся школ, обучающиеся образовательных учреждений среднего профессионального образования Российской Федерации, обучающиеся высших учебных заведений, а также иностранные студенты. За лучшие проекты авторы были удостоены денежных грантов.

Участники должны были выработать прототип инновационных художественных задач и представить результаты своей деятельности в течение 48 часов. В этот кратчайший срок они должны были продемонстрировать свои навыки и представить экспертной комиссии достойные проекты. Общее количество заявок на участие в нашем хакатоне «Арт-вселенная» в 2023 г. составило более 34 команд, а в 2022 г. число команд достигало 20. Это свидетельствует о большом интересе и активном участии со стороны разработчиков и инноваторов. На первом этапе отбора было принято к участию 18 команд, которые продемонстрировали свой потенциал и интересные идеи в области искусства и космоса. Эти команды успешно прошли отбор и продемонстрировали свои работы перед жюри и остальными участниками.

В ходе хакатона участники сформировали команды и начали активную разработку своих идей. Каждая команда сфокусировалась на решении конкретной задачи в области искусства, используя свои навыки программирования, дизайна и управления проектами. Благодаря интенсивной работе и сотрудничеству, участникам удалось достичь впечатляющих результатов за ограниченный промежуток времени.

Ежегодный хакатон «Арт-вселенная» в рамках форума «Kazan Digital Week-2023» позволил участникам реализовать свои идеи, получить ценный опыт и расширить свои профессиональные навыки. Мероприятие стало важным шагом в развитии инновационных проектов в сфере искусства и продемонстрировало важность сотрудничества и творчества при решении сложных задач, а для нас проведение данного хакатона показало, что участники и студенты смогли приобрести высокий уровень цифровых компетенций через активное изучение Интернета вещей (ИИТ).

Также участие в научно-исследовательских и проектно-исследовательских семинарах, которые проводились в смешанном формате, подтвердило верное направление нашего вуза в усовершенствовании информационно-образовательной среды, которая соответствует научно-технологическим процессам развития вуза и отвечает запросам потребителей.

Активно продвигаются студенческие стартапы по различным направлениям креативной индустрии, во многих из них применяются цифровые технологии. В нашем вузе на конкурс «Стартап как диплом» было подготовлено 59 заявок, 12 из которых получили грант на 1 000 000 рублей, которые, мы надеемся, смогут стать успешными предприятиями. Это Арт-Микс («Рисуй и выздоравливай») онлайн курс по изотерапии, музыкальная мастерская «Vlasov» по ремонту и обслуживанию духовых инструментов (изготовление деталей с помощью цифровых технологий), логоритмическое приложение для детей с ДЦП «Happiness», досуговый онлайн-центр «Волга-войлок», «Сервис заказа переложений для русских народных инструментов», разра-

ботка мобильного приложения-гида по Казани «KazanOnFoot!». Сегодня в вузе имеется кафедра цифровых технологий, которая является общепрофессиональной и развивает цифровые компетенции студентов всего вуза. Студенты нашего института повышают свои digital-навыки в рамках следующих дисциплин: «Искусственный интеллект и большие данные», «Информационные технологии и защита информации», «Цифровые инструменты, методы и средства», «Мультимедиа технологии в культуре и искусстве», «Информационные ресурсы в сфере искусства» и т.д.

Кроме того, кафедра является выпускающей и готовит студентов по специальности «Цифровой дизайн». Магистры данного профиля учатся созданию дизайн сайтов и приложений, трехмерному моделированию и VR-технологиям.

Педагоги и студенты кафедры являются организаторами регионального этапа чемпионата профессионального мастерства для лиц с ОВЗ «Абилимпикс» по компетенции «Дизайн персонажей/анимации», а также ежегодного всероссийского хакатона «Арт-вселенная», проводимого в рамках Международного форума «Kazan Digital Week».

Важно отметить, что в сентябре 2023 г. в институте открылся виртуальный музей, в котором представлены культура и быт народов Поволжья. Наводя при помощи планшета или смартфона на QR, можно ознакомиться с культурой и бытом народов Поволжья. Данный цифровой музей подойдет для всех возрастных групп, что будет особенно актуально в наступившем году, который объявлен Президентом Российской Федерации В.В. Путиным Годом семьи.

Благодаря председателю Совета Ассоциации содействия цифровому развитию Р.Н. Минниханову в Республике Татарстан сформирована команда единомышленников, в которую входят ведущие IT-компании Республики Татарстан, а также государственные и муниципальные органы власти, крупные предприятия и организации, вузы, научные и общественные организации, которые объединены стремлением к интеграции деятельности в целях преодоления разобщенности принимаемых IT-решений в различных сферах деятельности, в том числе

и в сфере образования и культуры. Членами ассоциации в течение года поднимаются вопросы современного образования, развития цифровой зрелости вуза, и на базе вузов проходит демонстрация продуктов, созданных вузами и IT компаниями ассоциации.

Сегодня цифровизация охватывает все сферы жизни общества, внося изменения в рабочие процессы, коммуникацию и даже в образ жизни людей. Понимая глобальность этого процесса, мы должны уделить этому научному исследованию должное внимание.

Цифровая образовательная среда является всеобъемлющим набором ресурсов, возможностей и способов, которые используются для развития, обучения, адаптации и воспитания человека. Она играет огромную роль в формировании образовательных программ.

Сегодня в вузе созданы все условия для развития цифровых компетенций. Важно отметить, что, согласно опросу, 89% студентов, а также 76% преподавателей позитивно относятся к образовательным онлайн-технологиям и отмечают, что вуз является современной инновационной площадкой для формирования цифровых компетенций.

Исследование показало, что постоянное обучение профессорско-преподавательского состава, а также трансформация, происходящая в вузе, и повсеместное усовершенствование цифровой образовательной среды вуза позволяют реализовать идеи и вывести продукты для реального сектора экономики. Например, такие, как виртуальные тренажеры, приложения, цифровой музей, созданные коллективом и студентами нашего вуза. Формирование цифровых навыков студентов является важной составляющей в образовательном процессе и креативной экономики в стране.

2.2. Трансформация университета как интеллектуальной социально ориентированной корпорации в современных условиях

С каждым годом молодое поколение более активно выбирает в качестве инструмента самореализации Интернет с его широкими возможностями. Кроме развлекательной функции Интернет используется в целях образования, приобретения новых навыков и компетенций, установления социальных связей. Развитие цифровых технологий оказало сильное воздействие на трансформацию экономического рынка и появление новых профессий.

Суть проблемы заключается в возрастании роли человеческого капитала, что предполагает создание необходимых условий для самореализации молодежи на основе повышения качества социальной среды, ориентированной на формирование творческой социально ответственной личности, взаимодействие всех субъектов образования и социально-культурной среды¹. Ценностным ядром взаимодействия составляют социальные установки, определяющие границы действий и обеспечивающие трансформацию устоявшихся форм поведения, адаптации, социализации и развития личности².

В настоящее время университет является базисной площадкой сотрудничества всех акторов образования для решения многих социально-экономических преобразований общества. В университетах наблюдается увеличение доли научно-исследовательской и мировоззренческой составляющих в формировании принципиально новых ФГОС, образовательных программ и индивидуальных траекторий интеллектуального развития обучающихся, что позволяет повысить интеллектуальный потенциал университета. Отмечено, что сочетание

¹ Голубев С.В., Новикова Т.Г., Светенко Т.В. Университет как социально ответственный партнер территории. (По материалам проекта «Университет и общество»). М., 2011. 92 с.

² Когнитивная педагогика: учебно-методическое пособие. Казань, 2020. 228 с.

фундаментальности и социально ориентированной деятельности гуманитарной направленности высшей школы, в перспективе будет способствовать реализации стратегических задач, подготовки высококвалифицированных специалистов. Автор акцентирует внимание на социально ориентированную деятельность, представляющую собой систему связей, которая способствует капитализации вуза, обеспечивая возможность получить каждому качественное образование и продвигаться согласно индивидуальной траектории развития в целях успешной самореализации в профессиональной деятельности и социуме¹.

Методология исследования базируется на социо-когнитивном подходе, трактуемого с точки зрения трансформации процессов профессиональной социализации и межличностного взаимодействия в контексте развития ценностно-смысловых образований личности, обеспечивающих взаимодействие всех субъектов образовательной системы².

Автором представлены научные дефиниции: «социально ориентированное образование», представляющее взаимообусловленную систему горизонтальных и вертикальных связей, способствующих раскрытию потенциала интеллектуального капитала³; «интеллектуальная социально ориентированная корпорация» отражает идею объединения всех интеллектуальных ресурсов, базирующихся на взаимообогащении и генерации знаний в рамках социокультурной и образовательной целостности – системе наращивания интеллектуального капитала, что становится особенно актуальной в условиях трансформации российского образования⁴.

¹ Потенциал когнитивной педагогики в эпоху цифровизации: сборник научных трудов. Казань, 2020. 112 с.

² Семенов А.В., Салихов Б.В., Салихова И.С. Инновационные аспекты управления корпоративными знаниями. М., 2013. 147 с.

³ Левина Е.Ю., Гильмеева Р.Х., Шибанкова Л.А. Когнитивный капитал образовательных организаций: гуманитарная ориентация на развитие высшего образования // Педагогика. 2020. № 7. С. 91–102.

⁴ Когнитивная педагогика: учебно-методическое пособие. Казань, 2020. 228 с.

Нами определен принцип социальной ориентации, направленный на социальное коммуникативное взаимодействие всех акторов образовательной системы и обеспечивающий эффективность реализации функций и направлений социально ориентированной деятельности и скоординированность по образовательному, экономическому, социальному и экологическому направлениям устойчивого развития вуза¹ [3]. Основным образовательным ориентиром становится развитие гуманитарного потенциала личности педагога и студента на основе обогащения содержания образования ценностно-смысловой направленности. В статье выделены наиболее общие тенденции и факторы развития образования, характерные на современном этапе, обуславливающие трансформацию университета как интеллектуальной социально ориентированной корпорации.

Социально ориентированное образование на основе внутреннего в организации и внешнего взаимодействия, между вузами, в цифровой среде позволяет проектировать образование с учетом личностных интересов обучающихся, запросов высокотехнологичного производства, вызовов общества, запросов государства².

При исследовании использованы теоретические методы (изучение и анализ педагогической, научно-методической и учебной литературы, систематизация материала по исследуемой проблеме, прогнозирование), эмпирические методы (анализ стратегий развития вузов).

Преобразования в образовательной системе диктуют необходимость ее соответствия современным общественным запросам, что предполагает увеличение интеграционного потенциала вуза и представление его как экосистемы³. Многие исследователи сходятся

¹ Потенциал когнитивной педагогики в эпоху цифровизации: сборник научных трудов. Казань, 2020. 112 с.

² Центр трансформации образования Сколково. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas_2.0.pdf (дата обращения: 10.06.2024).

³ Стюарт Т.А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организации. М., 2007. 368 с.

во мнении о необходимости развития опережающей исследовательской и проектной деятельности, поисковой активности как преподавателей, так и студентов, обновления содержания и форм вариативного дополнительного образования. Система опережающего образования предполагает разработку новых вариативных образовательных программ, подстраивающихся под актуальные запросы личности, общества и государства¹. В настоящее время образовательная система все в большей степени функционирует в рамках цифровой образовательной среды, поэтому выбор актуальных для студента учебных модулей может осуществляться как вне университета, так и внутри высшего учебного заведения². Параллельно с цифровизацией и онлайнизацией всех общественно-политических и социально-экономических процессов, а также в рамках научных прорывов формируется запрос на этическое осмысление научно-технического прогресса³. Актуализируется проблема развития ценностно смыслового потенциала личности педагога, как «человекообразующая» знаний, а также освоения конкретной личностью соответствующих культурных ценностей⁴. В движении к переходу от «экономики знаний» к «экономике данных» еще большую значимость приобретает интеллектуальный капитал, который ряд ученых определяют как совокупность научных знаний сотрудников; материальные и нематериальные продукты научно-исследовательской деятельности: изобретения, патенты и другое⁵. Суть интеллектуального капитала заключается в наращивании человеческого капитала на основе освоения и воспроизводства, новых знаний⁶. В результате чего

¹ Гарвин Д. Создание обучающейся организации // Управление знаниями. М., 2006. С. 148–170.

² Корчагин Е.А., Сафин Р.С. Проектирование гибкого содержания образовательной программы в техническом вузе // Высшее образование в России. 2017. № 5 (212). С. 79–87.

³ Левина Е.Ю., Гильмеева Р.Х. Цифровизация и гуманитарные аспекты: борьба или диалог? // Развитие человека в эпоху цифровизации: сб. науч. тр. в 2-х т. Казань, 2020. Т. 2. С. 7–10.

⁴ Интеллектуальный капитал: главный фактор конкурентоспособности экономики в XXI веке. М., 2006. 190 с.

⁵ Бехманн Г. Общество знания – трансформация современных обществ // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. Сер. Теория и история социологии. М., 2010. С. 34–68.

⁶ Тугускина Г.Н. Человеческий капитал: управление развитием // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. 2016. № 1 (4). С. 51–58.

формируются отношения, способствующие профессиональной и личностной самореализации в соответствии с определенными этапами соответствующего алгоритма усвоения содержания таких понятий, как: базовая система ценностей: гражданская устойчивость, социальная солидарность; духовно-нравственный иммунитет как способность индивидуума ориентироваться на ценности, обеспечивающие его готовность к преодолению деструктивного влияния; социальные навыки как возможность индивидуума выражать и отстаивать собственную нравственную и социальную позицию; социальная ответственность как базовая потребность индивидуума к осознанию своей гражданской ответственности¹. Уникальное сочетание творчества и интеллекта участников наиболее эффективно проявляется в процессе социально-ориентированного проектирования, как механизма, стимулирующего и ускоряющего процесс создания моделей, позволяющих реализовать самые смелые проекты в кратчайшие сроки. При выборе мы учитывали преимущества данной системы проектирования, используя возможности цифровизации.

Новизна исследования заключается в следующем:

– развитие университета как интеллектуальной социально ориентированной корпорации основано на инновационных образовательных концептуальных идеях на основе свободного межличностного диалога культур и различных научных суждений²;

– развитие современного университета ориентировано на модель университета будущего, как крупной многофункциональной экосистемы³;

– выявленные тенденции и факторы развития университета как интеллектуальной, социально-ориентированной корпорации позволят

¹ Когнитивная педагогика: учебно-методическое пособие. Казань, 2020. 228 с.

² Гапоненко А.Л., Орлова Т.М. Управление знаниями. Как превратить знания в капитал. М., 2008. 394 с.

³ Горохов В.Г. Научно-техническая политика в обществе знания // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. Сер. Теория и история социологии. М., 2010. С. 109–133.

определить точки роста и внести коррективы в стратегии развития вуза¹.

В процессе научно-исследовательского поиска выделены наиболее общие тенденции развития образования, характерные на современном этапе появляется запрос социально ориентированного государства на развитие университета как интеллектуальной социально ориентированной образовательной корпорации при сохранении его образовательных традиций². Целью стратегии развития университета становится идея опережающего образования, постоянно корректирующего портфель образовательных программ³. Гуманистическая направленность развития университета как интеллектуальной социально ориентированной корпорации (сохранение позиции гуманитарного измерения с точки зрения полезности результатов высшего образования во благо человека и общества)⁴.

Социо-гуманитарное сопровождение и измерение процесса достижения и реализации продукта научно-исследовательской деятельности в рамках развития когнитивного капитала образовательной организации высшего образования состоит из:

- когнитивного критерия (принятие современных ценностных ориентиров);
- этического критерия (выбор гуманистических средств и методов достижения целей);
- технологического критерия (реализация технологических ресурсов организации);

¹ Константинова Л.В. Интегрированность и форсайт как важные миссии современного образования // Трансформация системы высшего образования в цифровой экономике – вынужденная необходимость или естественный процесс?: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 53–63.

² Строгеецкая Е.В. Организационное развитие вузов как фактор социальных трансформаций региона // Власть. 2013. № 3. С. 72–75.

³ Бехманн Г. Общество знания – трансформация современных обществ // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. Сер. Теория и история социологии. М., 2010. С. 34–68.

⁴ Левина Е.Ю., Гильмеева Р.Х. Цифровизация и гуманитарные аспекты: борьба или диалог? // Развитие человека в эпоху цифровизации: сб. науч. тр. в 2-х т. Казань, 2020. Т. 2. С. 7–10.

– управленческого критерия (управление образовательной организацией).

Все критерии обеспечивают сохранение приоритета общественного и социального признания научных поисков и практического их применения¹.

Выявленные тенденции позволили нам определить факторы, влияющие на развитие университета как интеллектуальной социально ориентированной образовательной корпорации. Социально коммуникативное взаимодействие всех акторов образования в значительной степени способствует наращиванию интеллектуального потенциала университета. Коллаборации с университетами помогают бизнесу сотрудничать с образованием и готовить себе высокообразованные кадры, с другой стороны, активная вовлеченность компаний и сотрудничество между вузами и корпорациями дают возможность использовать инвестиции для расширения базы научной деятельности готовить тех специалистов, которые востребованы в современной экономике. Привлечение мультикомпетентных выпускников Университета гарантирует бизнесу и предприятиям повышение эффективности, комплексное видение, адаптивность, конкурентоспособность высокотехнологичного производства². Наращивание интеллектуального капитала состоит в интеграции интеллектуального капитала всех акторов образования, результатом которой является «продукт» профессиональной деятельности.

Социально значимая деятельность университета как интеллектуальной социально ориентированной корпорации рассматривается как активное участие всех акторов образовательной системы в социально-значимой деятельности на основе восприятия и освоения знаний и ценностей культуры в процессе совместной научно-исследовательской деятельности и межличностных коммуникаций³.

¹ Потенциал когнитивной педагогики в эпоху цифровизации: сборник научных трудов. Казань, 2020. 112 с.

² Гарвин Д. Создание обучающейся организации // Управление знаниями. М., 2006. С. 148–170.

³ Когнитивная педагогика: учебно-методическое пособие. Казань, 2020. 228 с.

В процессе исследования на основе разработанной теоретической базы возникла необходимость разработки показателей и методик, позволяющих определить исходный уровень, творческий потенциал развития вузов и корректировки результатов на основе предложенных критериев.

Нами разработаны основные критерии: результативный, деятельностный, интеллектуальный, организационный, экономический, управленческий; а также показатели и методики, которые подобраны таким образом, чтобы они наиболее полно и емко отражали диагностические показатели признаков интеллектуальной организации в университете и позволили провести мониторинг развития университета как социально-ориентированной интеллектуальной корпорации.

В табл. 1 представлены критерии развития университета как социально-ориентированной интеллектуальной корпорации и их основные показатели.

Таблица 2.2.1

Критерии развития университета как социально-ориентированной интеллектуальной корпорации и их основные показатели

Критерии развития университета как социально-ориентированной интеллектуальной корпорации	Основные показатели
Результативный критерий	Оценка нематериального продукта (перспективность, эксплуатируемость, интеллектуальность и др.)
Деятельностный критерий	Интеллектуально-творческая деятельность, с нематериальным воздействием и без возможности технологической замены, приводящий к развитию всех субъектов образования.
Интеллектуальный критерий	Интеллектуальная активность, самообучаемость субъектов образования.

Критерии развития университета как социально-ориентированной интеллектуальной корпорации	Основные показатели
Организационный критерий	Организационная культура (университетские традиции, академическое лидерство, специфические особенности с учетом деятельности в образовательном пространстве онлайн - и офлайн - режимах).
Экономический критерий	Вклад человеческого и интеллектуального капитала в материальные активы. Доходность от использования умственных способностей педагогического коллектива.
Управленческий критерий	Управление знаниями. Результативность образовательного процесса.

С помощью этих критериев могут быть оценены уровни развития университета как социально-ориентированной интеллектуальной корпорации: низкий, средний, высокий.

Нами был разработан оценочно-диагностический инструментарий для оценивания показателей критериев развития университета как социально-ориентированной интеллектуальной корпорации (см. табл. 2).

Выявленные диагностические признаки показателей критериев развития университета и разработанный оценочно-диагностический инструментарий для их оценивания может быть интересен в практической деятельности университета. Проверка диагностических признаков показателей критериев развития университета позволит определить пути развития университета как социально-ориентированной интеллектуальной корпорации и оценить уровни их развития. Выявленные уровни развития признаков интеллектуальной организации, позволят скорректировать стратегии развития университетов в краткосрочной и долгосрочной перспективах.

Таблица 2.2.2

Оценочно-диагностический инструментарий оценивания показателей критериев развития университета как социально-ориентированной интеллектуальной корпорации

Диагностируемый критерий	Диагностические признаки	Методики исследования
Результативный критерий	перспективность нематериального продукта	<i>Анализ документации, находящейся в свободном доступе на сайте (нематериальные активы)</i>
	эксплуатируемость нематериального продукта	<i>Анализ документации, находящейся в свободном доступе на сайте (нематериальные активы)</i>
	интеллектуальность нематериального продукта	<i>Анализ документации, находящейся в свободном доступе на сайте (нематериальные активы)</i>
Деятельностный критерий	формирование интеллектуально-творческой деятельности с нематериальным воздействием	<i>Анализ документации и отчет, находящийся в свободном доступе на сайте</i>
	Невозможность технологической замены	<i>Анализ документации и отчет, находящийся в свободном доступе на сайте</i>
	стремление к развитию всех субъектов образования	<i>Диагностика профессиональных способностей человека Анализ документации и отчет, находящийся в свободном доступе на сайте</i>
Интеллектуальный критерий	интеллектуальная активность	<i>Методика диагностики интеллектуальной активности</i>
	самообучаемость субъектов образования	<i>Методика диагностики самообучаемости</i>
	Саморазвитие субъектов образования	<i>Методика диагностики саморазвития</i>

Диагностируемый критерий	Диагностические признаки	Методики исследования
Организационный критерий	наличие университетских традиций	<i>Анализ документации и отчет, находящийся в свободном доступе на сайте</i>
	наличие академического лидерства	<i>Анализ документации и отчет, находящийся в свободном доступе на сайте</i>
	специфические особенности с учетом деятельности в образовательном пространстве онлайн - и офлайн - режимах	<i>Анализ документации и отчет, находящийся в свободном доступе на сайте</i>
Экономический критерий	наличие вклада человеческого и интеллектуального капитала в материальные активы	<i>Анализ документации и отчет, находящийся в свободном доступе на сайте (материальные активы)</i>
	наличие доходности от использования умственных способностей педагогического коллектива	<i>Анализ документации и отчет, находящийся в свободном доступе на сайте</i>
	рентабельность интеллектуальной собственности	<i>Методика оценки рентабельности интеллектуальной собственности</i>
Управленческий критерий	управление знаниями	<i>Анализ управления знаниями</i>
	результативное качество образовательного процесса	<i>Анализ результатов качества образовательного процесса</i>
	результативность обучения	<i>Анализ результатов обучения</i>

Таким образом, данное исследование, опираясь на выявленные тенденции и факторы, а также разработанный оценочно-диагностический инструментарий для оценивания показателей критериев развития

университета как социально-ориентированной интеллектуальной корпорации позволит осуществлять прогнозирование, проектирование и коррекцию отдельных разделов стратегических программ вуза.

Результаты данного исследования:

– расширяют исследовательское поле проблемы на основе понятий «признаки интеллектуальной организации в университете», «тенденции развития интеллектуальной организации в университете», «факторы развития интеллектуальной организации в университете»;

– обеспечивают процесс формирования у обучающихся системы интеллектуальных и профессиональных навыков, критического мышления, умения управлять и работать в команде;

– актуализируют необходимость реализации интеллектуальных возможностей всех акторов образовательной системы.

Реализация принципа социальной ориентации способствует развитию интеллектуальных, мировоззренческих, коммуникативных и социальных навыков обучающихся через создание персонализированной системы социально ориентированной деятельности каждого участника (участие в разработке проектов, удовлетворяющих личные потребности и интересы обучающихся и позволяющих им подняться на новый уровень развития). Проекты могут разрабатываться на основе анализа острых социальных проблем, требующих своего решения; изучения практического опыта на основе личного участия в разработке проекта и его реализации; проведения тренингов, деловых игр, мастер-классов ведущих специалистов. Благодаря высокой мотивации, каждый участник проектной деятельности, приобретает новые знания, происходит трансляция актуальных навыков, развиваются междисциплинарные и межкультурные компетенции, которые создают базу для конкурентного преимущества, причем современная цифровая образовательная среда значительно расширяет возможности интеллектуальной и социально ориентированной деятельности.

2.3. Современные теоретические аспекты профильного обучения в условиях цифровизации

Вопросы цифровизации и технического перевооружения образовательных учреждений имеют важное государственное значение. Министерство просвещения и Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций выступают ответственными исполнителями в вопросах разработки и внедрения цифровой образовательной среды в сфере образования и науки. В первую очередь, это внедрение цифровых платформ, наборов типовых информационных решений, включая единые требования к создаваемым цифровым платформам, сервисам, информационным системам, регламентов информационного взаимодействия, форматов обмена данными.¹ Согласно положениям национальных проектов «Цифровая экономика» и «Образование», а также в соответствии с требованиями аккредитации школ, к 2021 году все общеобразовательные учреждения должны были иметь техническую инфраструктуру для использования в образовательном процессе цифровые технологии, и соответственно быть подключены к сети интернет. По данным Министерства просвещения Российской Федерации «все российские школы во всех регионах России подключены к высокоскоростному интернету. Также продолжается работа по оснащению школ новым оборудованием».² В 2019 г. федеральный бюджет планировал потратить на эти цели 11,67 млрд руб., в 2020 г. –

¹ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://digital.gov.ru/> (дата обращения: 18.01.2023).

² Минпросвещения: 100 процентов российских школ подключены к интернету // Российская газета. 2021. 23 дек. URL: <https://rg.ru/2021/12/23/minprosveshcheniia-100-procentov-rossijskih-shkol-podkliucheny-k-internetu.html> (дата обращения: 18.01.2023).

11,12 млрд руб., в 2021 г. – 13,75 млрд руб., что в общей сложности составило в 2019-2021 гг. 36,54 млрд руб.¹

В настоящее время образование претерпевает значительные изменения. Цифровизация общества и реформирование образовательного процесса создают необходимость в уточнении основных положений Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования, утвержденной в 2002 году. Это еще подтверждается тем, что с 1 сентября 2023 года все обучающиеся пятых и десятых классов перешли на новые Федеральные государственные образовательные стандарты (далее ФГОС), которые не коррелируют с ключевыми аспектами действующей Концепции профильного обучения.

Возникает противоречие между потребностями общества в повышении качества образования, уровня профессионального образования выпускников школа и устаревшими требованиями к организации профильного образования, в настоящее время не учитывающей современные тенденции развития общества.

Тем самым актуальными является необходимость пересмотреть Концепцию профильного обучения 2002 года и определить векторы развития профильного обучения в новых реалиях, учитывающих современные трансформационные преобразования образовательной системы. Необходимо пересмотреть традиционные методы обучения и воспитания, внедрить новые цифровые технологии, способствующие более эффективному формированию профессионального самоопределения обучающихся в процессе профильного обучения.

Таким образом, возникает проблема исследования, заключающаяся в определении современных теоретических аспектов профильного обучения, коррелирующих с ключевыми моментами образовательной реформы, нацеленной на активное внедрение цифровых технологий.

¹ Желание Путина подключить школы к интернету обойдется в 37 миллиардов // CNews. 2019. 13 марта. URL: <https://www.cnews.ru/news/top/2019-03-13> (дата обращения: 18.01.2023).

Целью нашего исследования является проектирование новой модели профильного обучения, отвечающей новым требованиям цифрового образования, а также основанной на современных теоретических аспектах профильного обучения в условиях цифровизации.

Задачи исследования:

1. Провести анализ действующих нормативно-правовых документов, регламентирующих деятельности основного и среднего общего образований.

2. Определить современные теоретические аспекты профильного обучения в условиях цифровизации.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении современных теоретических аспектов профильного обучения с учетом цифровой трансформации общества (сетевое взаимодействие всех акторов образовательной системы, развитие цифровых навыков обучающихся, индивидуализация обучения), которые впоследствии могут лечь в основу новой Концепции профильного образования.

Научная новизна исследования заключается в создании новой модели профильного обучения, которая отвечает актуальным цифровым реалиям и требованиям общества, что позволит учащимся наиболее эффективно подготовиться к своей будущей профессиональной деятельности.

Материалами исследования явились нормативно-правовые документы, Концепция профильного обучения (2002 г.) и другие научные исследования по данной тематике исследования. Методы исследования: анализ, синтез.

Профильное обучение и профильное образование это два взаимосвязанных, взаимодополняющих понятий в теории общей педагогики. Они неразрывно связаны с процессом профессионального самоопределения. На Рис. 2.3.1 представлена взаимосвязь этих понятий.

По Рис. 2.3.1 прослеживается явная взаимосвязь между данными понятиями. В основе профильного образования находятся интересы, потребности, склонности и способности обучающихся, с учетом кото-

рых они выбирают определенную образовательную программу, в рамках которой они изучают определенные предметы и курсы в выбранном профиле.



Рис. 2.3.1. Взаимосвязь понятий «профильное образование», «профильное обучение», «профессиональное самоопределение»

Таким образом, профильное образование представляет собой долгосрочный образовательный процесс углубленного изучения определенных дисциплин в соответствии с индивидуальными интересами и будущей профессиональной деятельностью обучающихся.

Профильное образование включает в себя различные профили, такие как гуманитарный, естественнонаучный, технический, химико-биологический, универсальный и другие.

Профильное обучение представляет собой краткосрочный образовательный процесс в рамках выбранного профиля. Профильное обучение включает формы, методы, средства обучения, применяемые для углубленного изучения предметов в выбранном профиле.

В настоящее время актуальным является построение сетевой модели профильного обучения¹.

¹ Гильмеева Р.Х., Любягина О.А. Сетевая модель профильного обучения в условиях цифровизации // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 4. С. 148–153.

В процессе профильного обучения должны у обучающегося сформироваться ключевые компоненты мотивационной готовности к профессиональному самоопределению¹. На наш взгляд, в современных условиях цифровизации необходимо еще выделить цифровой компонент мотивационной готовности к профессиональному самоопределению, учитывающий развитие у обучающихся цифровых навыков работы с информационными технологиями, анализом данных и цифровым контентом, которые становятся все более важными в различных профессиях².

Основные различия понятий «профильное образование», «профильное обучение», «профессиональное самоопределение» представлены в Таблице 2.3.1.

Таким образом, профильное образование, профильное обучение и профессиональное самоопределение не только дополняют друг друга, но и работают взаимосвязано, особенно в условиях цифровизации, для подготовки обучающихся к осознанному выбору будущей профессиональной деятельности³.

Цифровизация предоставляет новые инструменты и платформы, которые облегчает доступ к информации о различных профессиях, развивает навыки саморефлексии и самоанализа, а также содействует индивидуализации образовательного процесса. Благодаря использованию технологий обучающиеся могут глубже изучать свои интересы и

¹ Любягина О.А., Гильмеева Р.Х. Особенности подготовки педагогов к профессиональной деятельности в условиях профильного обучения старшеклассников // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2020. № 4 (106). С. 212–218.

² Ломакина Т.Ю., Васильченко Н.В. Профильное обучение: 20 лет спустя // Отечественная и зарубежная педагогика. 2024. № 1. С. 7–23.

³ Жукова М.И., Мамакина Т.А., Напреенкова И.А. Формирование профессионального самоопределения старшеклассников посредством проектной деятельности // Диалог на равных: материалы регион. науч.-практ. конф., посвященной Году педагога и наставника. Воронеж, 2023. С. 63.

склонности через онлайн-курсы, интерактивные симуляции и профориентационные тесты, что способствует более осознанному выбору профессии, соответствующей их потребностям и способностям¹.

Таблица 2.3.1

Основные различия понятий «профильное образование», «профильное обучение», «профессиональное самоопределение»

Основные различительные признаки	Профильное образование	Профильное обучение	Профессиональное самоопределение
<i>по времени</i>	долгосрочный процесс (несколько лет обучения)	краткосрочный процесс (конкретные формы, методы, средства)	долгосрочный процесс (в рамках профильного образования)
<i>по фокусу внимания</i>	внимание на выбор и структуру образовательной программы	внимание на самообразовании и активных методах обучения в рамках выбранного профиля	внимание на интеграцию личных интересов, потребностей, склонностей и способностей, изучения рынка труда и будущих перспектив.
<i>по целям</i>	предоставить учащимся знание и навыки, необходимые для дальнейшего обучения и профессиональной деятельности	углубить и развить знания в конкретной области через практические занятия и участие в проектах	осознанный выбор будущей профессиональной деятельности, соответствующей интересам, потребностям, склонностям и способностям обучающегося

¹ Казакова И.Б. Профильное обучение - средство индивидуализации обучения на старшей ступени школы // Туныктышо. Учитель. 2021. № 4. С. 85–87.

Таким образом, пересмотр концепции профильного обучения, утвержденной в 2002 году, в условиях цифровизации является неотъемлемой частью подготовки обучающихся к вызовам современного общества. Необходимо адаптировать формы, методы и средства профильного обучения к новым требованиям, акцентируя внимание на индивидуализации, практике, цифровых навыках и сетевом взаимодействии.

Взаимосвязь профильного образования, профильного обучения и профессионального самоопределения является важным аспектом системы образования, так как все три компонента взаимодополняют друг друга и способствуют качественной подготовке обучающихся к будущей профессиональной деятельности¹.

Профильное образование предоставляет обучающимся возможность выбрать определенную образовательную программу в соответствии с их интересами, потребностями, склонностями и способностями к будущей профессиональной деятельности. Таким образом, основными целями профильного образования в настоящее время является не только углубленное погружение обучающихся в дисциплины выбранного профиля, но и развитие у них знаний, умений, навыков, необходимых для будущей профессиональной деятельности с учетом современных тенденций на рынке труда и потребностей общества.

Профильное образование неразрывно связано с процессом профессионального самоопределения. Профессиональное образование мотивирует обучающихся на осознание личностных потребностей, интересов, склонностей и способностей, что немаловажно для правильного выбора профессии.

Профильное обучение – это конкретный процесс обучения в рамках профильного образования (выбор определенного профиля) через определенные формы, методы, средства обучения, направленные на углубленное изучение предметов по выбранному профилю.

¹ Скутилина Н.В. Сетевая модель профильного обучения // Народное образование. 2010. № 8. С. 107–111.

Профильное обучение выступает в качестве инструмента профессионального самоопределения. Формы, методы, средства профильного обучения способствуют более глубокому пониманию дисциплин выбранного профиля и практических реальных возможностей, которые они предоставляют.

Профессиональное самоопределение определяется через готовность обучающегося к осознанному выбору будущей профессиональной деятельности на основании анализа личностных интересов, потребностей, склонностей и способностей и соотнесения их с требованиями профессии¹.

Высокий уровень сформированности мотивационной готовности к профессиональному самоопределению у обучающихся будет свидетельствовать о достаточном развитии всех ее компонентов, представленных на Рисунке 1.

Профессиональное самоопределение как рефлексивно-оценочный индикатор для профильного образования. Результаты мотивационной готовности обучающихся к профессиональному самоопределению могут влиять на выбор дисциплин того или иного профиля. То есть, осознав свои интересы, потребности, склонности и способности, обучающийся может выбрать профиль, более соответствующий его будущей профессиональной деятельности.

Профильное образование, профильное обучение и профессиональное самоопределение взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга, в симбиозе создавая единую целостную систему подготовки обучающихся к успешной профессиональной деятельности.

Современные теоретические аспекты профильного обучения в условиях цифровизации основаны на интеграции новых технологий

¹ Любягина О.А., Гильмеева Р.Х. Особенности подготовки педагогов к профессиональной деятельности в условиях профильного обучения старшеклассников // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2020. № 4 (106). С. 212–218.

в образовательный процесс, что, в свою очередь, влечет более глубокое понимание выбранных профильных предметов, исходя из интересов, потребностей, склонностей и способностей обучающегося.

В условиях цифровизации обучающиеся имеют доступ к широкому спектру ресурсов и информации (онлайн обучающиеся курсы, видео), которые способствуют развитию их самостоятельности и углублению знаний по выбранному профилю.

Применение активных и интерактивных методов обучения позволяет замотивировать обучающихся по выбранному профилю, а также развить у них практические навыки. Сетевое взаимодействие открывает новые возможности для коммуникации всех акторов образовательной системы. Развитие цифровых навыков помогает обучающимся адаптироваться к новым цифровым образовательным реалиям.

Все вышеперечисленное необходимо учитывать при проектировании новых теоретических аспектов профильного обучения в условиях цифровизации.

С учетом вышеизложенного нами была спроектирована модель профильного обучения, основанной на сетевом взаимодействии, индивидуализации обучения, цифровых технологиях (Рис. 2.3.2).

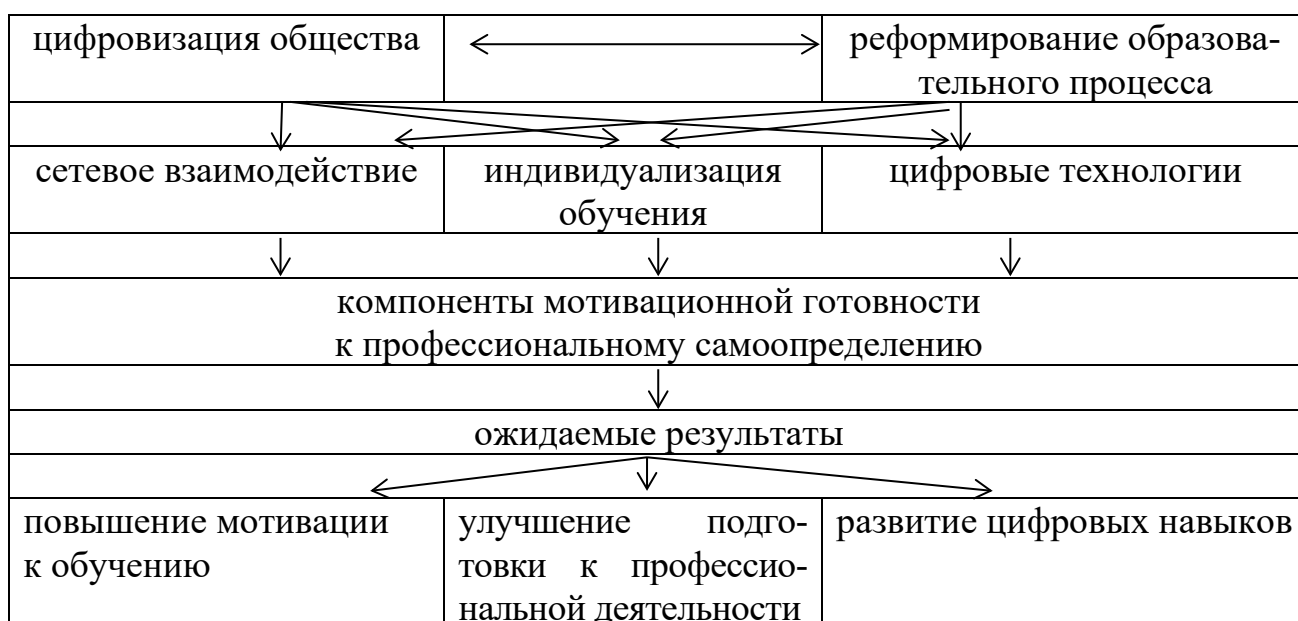


Рис. 2.3.2. Модель профильного обучения

Модель профильного обучения определяется реформированием образовательного процесса в условиях цифровизации. Основные элементы модели – сетевое взаимодействие, индивидуализация обучения, цифровые технологии.

Сетевое взаимодействие всех акторов образовательной системы подразумевает создание образовательных сетей между различными учебными заведениями, предприятиями, родителями с целью обмена опытом, участия в реальных социально-значимых проектах, участия в профессиональных пробах.

Индивидуализация обучения подразумевает разработку индивидуальных траекторий профессионального развития обучающихся, основанных на их интересах, склонностях и способностях.

Внедрение цифровых технологий в образовательный процесс будет способствовать более гибкому взаимодействию между всеми акторами образовательной системы.

Реализация вышеперечисленных подходов будет способствовать развитию всех компонентов мотивационной готовности к профессиональному самоопределению, представленных на Рисунке 1.

Сетевое взаимодействие, индивидуализация обучения и цифровые технологии увеличивают мотивацию обучающихся к профессиональному самоопределению за счет доступа к разнообразным обучающим ресурсам (мотивационный компонент), что способствует формированию положительных эмоций и более глубокого отношения к обучению, а также взаимодействию с единомышленниками и профессионалами (эмоционально-ценностный компонент).

Цифровые технологии позволяют обучающимся участвовать в реализации проектной деятельности, что делает обучение более осмысленным и актуальным (деятельностно-смысловой компонент), развивают цифровые навыки обучающихся, необходимых для работы в современном мире (цифровой компонент).

Сетевое взаимодействие обучающихся с профессиональными специалистами формирует у них коммуникативные навыки общения,

которые в дальнейшем могут помочь в поиске стажировок, практиков или мест трудоустройства (коммуникативный компонент).

Использование цифровых платформ для рефлексии помогает обучающимся анализировать свои достижения и корректировать цели и мотивацию по выбору дальнейшей профессиональной траектории (рефлексивно-оценочный компонент).

Данная модель профильного обучения обеспечивает комплексный подход к образованию, учитывающий современным реалиям и запросам общества, позволяя обучающимся максимально подготовиться к будущей профессиональной деятельности.

Современные теоретические аспекты профильного обучения в условиях цифровизации должны быть основаны на основной цели профильного образования, а именно на развитие необходимых знаний, умений, навыков, способствующих профессиональному самоопределению обучающихся в процессе углубленного изучения предметов по выбранному профилю.

Современные теоретические аспекты профильного обучения в условиях цифровизации:

1. Смещение акцентов образовательных целей.

Существующая Концепция профильного обучения 2002 года акцентирует внимание на углубленном изучении предметов по выбранному профилю. В условиях цифровизации необходимо сделать акцент еще и на развитие умений и навыков (критическое мышление, работа в команде, цифровые навыки и др.), необходимых для адаптации обучающихся в цифровом мире.

2. Индивидуализация образовательного процесса.

Современные цифровые технологии позволяют создавать индивидуальные образовательные маршруты обучающихся, учитывающие их интересы, потребности, склонности и способности.

3. Современные методы, средства и формы профильного обучения.

Цифровые технологии позволяют использовать в полной мере современные методы, средства и формы профильного обучения (проектная деятельность, онлайн курсы, видео и др.).

4. Развитие цифровых навыков.

В современных условиях очень важно акцентировать внимание на развитии цифровых навыков обучающихся. Это включает в себя не только умение использовать технологии, но и навыки анализа информации, работы с данными и создания контента. Пересмотр концепции профильного обучения должен предусматривать включение курсов и модулей, направленных на развитие этих навыков, что сделает будущих специалистов более конкурентоспособными на рынке труда.

5. Сетевое взаимодействие и сотрудничество.

Цифровизация также способствует развитию сетевого взаимодействия между обучающимися, преподавателями и р. Использование онлайн-ресурсов, социальных сетей и платформ для совместной работы может значительно улучшить образовательный процесс. Новая концепция профильного обучения должна включать в себя элементы сетевого взаимодействия, позволяя обучающимся обмениваться опытом, получать поддержку и развивать свои профессиональные связи еще во время обучения.

6. Гибкость и доступность обучения.

Современные подходы к профильному обучению должны обеспечивать гибкость и доступность обучения. Возможность получать образование в разных форматах – как очно, так и дистанционно – помогает учащимся совмещать учебу с другими обязательствами. В условиях цифровизации это становится необходимым условием для успешного обучения и самореализации.

Практическая значимость исследования состоит в разработке модели профильного обучения, учитывающей современные реалии образовательного процесса в условиях цифровизации. Выявленные современные теоретические аспекты профильного обучения заключаются в индивидуализации образовательного процесса с помощью применения цифровых технологий, что позволяет индивидуализировать обучение и способствует выбору обучающимся именно тех направлений, которые соответствуют их интересам, склонностям и способностям. Оптимизация образовательных процессов через сетевое взаимодействие

позволяет образовательным учреждениям повысить качество учебного процесса в плане практико-ориентированной направленности. Применение цифровых технологий в образовательном процессе развивает цифровые навыки обучающихся, что является важным аспектом современного образования в условиях цифровизации.

Современные теоретические аспекты профильного обучения в условиях цифровизации могут лечь в основу новой Концепции профильного обучения, позволяющей ориентировать учебный процесс на индивидуальные потребности обучающихся, требования рынка труда и развитие цифровых технологий. Успешная реализация данной Концепции будет способствовать не только углубленному изучению предметов, но и формированию у обучающихся высокого уровня профессионального самоопределения.

Для успешной реализации новой Концепции профильного образования в условиях цифровизации необходима гибкая система управления образовательным процессом: разработка и внедрение профильных образовательных программ; обучение учителей современным методам и подходам, соответствующим профильному обучению; создание партнерств с работодателями и учреждениями для организации подготовки обучающихся.

ГЛАВА 3. РИСКИ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Р.А. Бакулина

3.1. Искусственный интеллект как инструмент академического мошенничества: правовые и этические аспекты

Медиаиндустрия в новом веке стала платформой управления цифровых миров, применяя все более уникальные интерактивные технологии: голограммы, AR, VR, цифровые двойники и иные результаты, созданные при участии нейросетей. Медиа становится проводником в метамир, формируя новую картину мира, раскрывая ценности и этику цифровой парадигмы, способствуя цифровой социализации и инкультурации массовой аудитории. В новом ландшафте медиапрофессий одну из ключевых позиций занимает профессия шоураннер – специалиста многозадачного спектра: от создания до продюсирования, режиссуры, промопроектов. Компетенции шоураннерства, динамично меняясь, отражают специфику развития креативных индустрий и позволяют настраивать стратегии управления искусственной социальностью, виртуальной реальностью в поле новых цифровых возможностей.

Введение.

Современный этап развития высшего образования характеризуется стремительной цифровизацией учебного процесса и широким проникновением информационных технологий в научно-исследовательскую деятельность¹. Технологии искусственного интеллекта (ИИ), основанные на методах машинного обучения и нейронных сетях, уже не первый год демонстрируют существенный потенциал в самых разных отраслях: от автоматизации анализа больших массивов данных до

¹ Журков А.А. Этические аспекты использования систем искусственного интеллекта: международно-правовой опыт // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4. С. 186–194.

моделирования социальных процессов¹. В контексте образовательной и научной сферы ИИ предоставляет пользователям (преподавателям, студентам, научным сотрудникам) инструменты для повышения эффективности работы с текстовыми материалами, аналитическими выводами и презентацией результатов².

Однако вместе с новыми возможностями возрастают и риски неэтичного, а порой и незаконного применения подобных технологий. Генеративные модели ИИ, разработанные для автоматической генерации осмысленных текстов (включая рефераты, эссе, статьи), могут использоваться не только как вспомогательный инструмент, но и как способ «подмены» авторского труда при написании академических работ³ [2]. Явление, получившее название «ИИ-плагиат» (или «ИИ-мошенничество»), во многом напоминает традиционные формы академического мошенничества (купля-продажа готовых работ, плагиат, фальсификация данных), но обладает определёнными отличиями и усложняет процедуру контроля и выявления нарушений⁴.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Рост популярности генеративных систем ИИ: всё большее число студентов и исследователей имеют доступ к онлайн-сервисам, способным автоматически формировать тексты по заданным темам. Удобство и быстрота получения результата делают подобные решения привлекательными для недобросовестных пользователей⁵.

Ограниченность традиционных методов антиплагиата: классические системы по проверке текста на заимствование (так называемые

¹ Петрова А.Ю. Политика академической честности в российских университетах: актуальные тенденции // Высшее образование в России. 2022. № 9. С. 45–60.

² Бегишев И.Р. Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники // Международное публичное и частное право. 2021. № 1. С. 37–40.

³ Бим-Бад Б.М. Плагиат и академическое мошенничество в современном образовании // Вопросы образования. 2019. № 3. С. 32–41.

⁴ Чубукова С.Г. Информационная правосубъектность: цифровая трансформация // Информационное право. 2019. № 3 (61). С. 15–21.

⁵ Green J., Lopez M. Academic Integrity in the Age of AI Text Generation // Journal of Higher Education Policy and Leadership Studies. 2021. Vol. 3, No. 2. P. 89–101.

«антиплагиат-сервисы») ориентированы на поиск совпадений с уже опубликованными документами¹. Однако текст, созданный генеративным алгоритмом, может не иметь прямого прототипа и, соответственно, не детектироваться как плагиат².

Недостаточная регламентация: в юридической практике России и зарубежных стран использование ИИ для написания научных и учебных работ ещё не получило детального правового регулирования. Отсутствие чётких норм и правил создаёт правовые «лакуны» в части определения ответственности и санкций³.

Этические противоречия: возникает проблема разграничения «допустимой помощи» со стороны ИИ (например, при поиске источников или редактировании текста) и полной «подмены» вклада автора. Это не только усложняет задачу преподавателей и научных руководителей, но и ставит под сомнение ценность образования, базирующегося на самостоятельном интеллектуальном труде⁴.

Объектом исследования в настоящей статье выступают правовые и социально-этические аспекты применения ИИ в образовательном процессе и научной коммуникации. Предметом исследования является комплекс взаимоотношений, возникающих между субъектами образовательной сферы (студентами, преподавателями, администрациями вузов) в связи с использованием генеративных моделей ИИ при подготовке учебных и научных работ⁵.

¹ Жуков А.Д. Генеративный искусственный интеллект в образовательном процессе: вызовы и перспективы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 5 (115). С. 66–75.

² Smith J. et al. Students' Perceptions of AI Tools in Academic Writing // European Journal of Educational Research. 2021. Vol. 10, No. 4. P. 152–167.

³ Васильев П.Н. Право интеллектуальной собственности в эпоху искусственного интеллекта: проблемы и перспективы // Юридический вестник. 2021. № 5. С. 11–20.

⁴ Бегишев И.Р. Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники // Международное публичное и частное право. 2021. № 1. С. 37–40.

⁵ Бегишев И.Р. Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники // Международное публичное и частное право. 2021. № 1. С. 37–40.

Цель работы – раскрыть механизмы академического мошенничества с применением ИИ и охарактеризовать существующие и перспективные подходы к его правовому и этическому регулированию.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты могут быть использованы при разработке и корректировке политики вузов в области академической этики, при написании внутренних кодексов, а также при формировании будущих законодательных актов, регулирующих использование ИИ. Научная новизна работы состоит в комплексном рассмотрении проблемы «ИИ-плагиата» с учётом правовых, морально-этических и организационных аспектов, а также в анализе возможностей и ограничений действующих инструментов контроля.

Материалы и методы исследования.

1. Теоретико-методологическая основа исследования

Методологической базой работы послужили научные подходы к изучению академической честности и плагиата (в том числе рассмотренные в работах), а также концепции цифровой трансформации образования. Для анализа этических аспектов использовались подходы прикладной этики, рассматривающие моральные дилеммы в сфере информационных технологий и авторского права.

2. Анализ нормативно-правовых и регламентирующих документов

В качестве первичных материалов были изучены: законодательные акты РФ (Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ, а также подзаконные акты, регулирующие сферу авторского права и образовательной деятельности); внутренние нормативно-правовые документы вузов (кодексы академической честности, положения об образовательном процессе, регламенты об итоговой аттестации); зарубежные практики на примере публично доступных кодексов ряда университетов США и Великобритании, где регламентировано использование автоматизированных инструментов для написания научных и учебных текстов.

Собранные документы были проанализированы на предмет наличия прямых упоминаний об использовании генеративного ИИ, формулировок об ответственности за «автоматическое» создание текста, а также уровня детализации и полноты регламентации.

3. Эмпирическое исследование (опросная методика)

Общее число участников исследования составило 210 человек (160 студентов и 50 преподавателей) из четырёх российских вузов. В каждом вузе опрос проводился на добровольной основе, с предварительным информированием о конфиденциальности и анонимности. Целью набора респондентов было получить многостороннюю оценку проблемы: со стороны обучающихся, активно вовлечённых в процесс написания учебных и научных работ, и со стороны преподавателей/научных руководителей, отвечающих за контроль и оценку этих работ.

Принципы формирования групп

1. По статусу в образовательном процессе

- Студенты (n=160). Были выделены две подгруппы в зависимости от уровня обучения:
 - Бакалавриат (3–4 курсы): 100 человек;
 - Магистратура (1–2 курсы): 60 человек.
- Преподаватели (n=50). Включают ассистентов, доцентов, профессоров. В зависимости от стажа преподавания в вузе:
 - Меньше 5 лет стажа: 15 человек;
 - От 5 до 15 лет: 20 человек;
 - Более 15 лет: 15 человек.

2. По профилю обучения/преподавания

Как для студентов, так и для преподавателей дополнительно учитывалась направленность дисциплины:

- Гуманитарные специальности/кафедры (филология, история, социология, педагогика, психология): 54 студента и 20 преподавателей;

- Технические специальности/кафедры (информатика, инженерия, математика, физика): 106 студентов и 30 преподавателей.

Данное деление было введено, чтобы выявить возможные различия в отношении к «ИИ-плагиату» в зависимости от специфики научной/учебной деятельности. Ниже в Таблице 3.1.1 представлено сводное распределение респондентов на основные группы:

Таблица 3.1.1

Распределение опрошенных респондентов
по статусу и профилю направления

	Гуманитарное (чел.)	Гуманитарное (%)	Техническое (чел.)	Техническое (%)	Итого (чел.)	Итого (%)
Студенты	54	25,7	106	50,5	160	76,2
Преподаватели	20	9,5	30	14,3	50	23,8
Всего	74	35,2	136	64,8	210	100,0

Для сбора эмпирических данных была разработана онлайн-анкета из 20 вопросов (2 открытых, 18 закрытых/полузакрытых). Часть вопросов касалась личного опыта использования инструментов искусственного интеллекта (ИИ) при написании учебных и научных текстов, а часть – восприятия этических и правовых аспектов такой практики. Анкета состояла из нескольких тематических блоков:

1. Общие сведения (возраст, пол, статус в вузе, профиль/специальность, стаж преподавания – для преподавателей).
2. Опыт применения ИИ (тип сервисов, примерный характер и частота использования).
3. Осведомлённость о существующих внутриуниверситетских политиках и санкциях за «ИИ-плагиат».
4. Этические установки (шкала от 1 до 5, где 1 – «полностью приемлемо», 5 – «полностью неприемлемо») о допустимости использования ИИ.

5. Готовность к обсуждению (например, знают ли студенты о возможности декларировать в работе факт применения ИИ, открыто ли преподаватели относятся к применению алгоритмов).

4. Методы статистической обработки данных.

- Описательная статистика: анализ частотных распределений, средних значений, стандартных отклонений.
- Кросс-табуляция и χ^2 -критерий: проверка наличия статистической связи между фактом использования ИИ (переменная «использует/не использует»), профилем обучения (гуманитарий/технарь) и знанием о санкциях (да/нет).
- t-тест для независимых выборок: сравнение средних значений «индекса опасений» (насколько респонденты боятся последствий при использовании ИИ) среди разных групп (гуманитарных vs технических специальностей, бакалавров vs магистров и т. д.).

5. Анализ нормативных документов и сравнительный анализ политик вузов

Помимо опросных данных, исследование включало:

- Контент-анализ внутренних нормативных документов (кодексы академической честности, положения об итоговой аттестации), опубликованных в открытом доступе на сайтах изучаемых вузов.
- Сравнение результатов российского опыта с зарубежной практикой (на примере 2 университетов США и Великобритании), имеющих подробные регламенты об использовании автоматизированных инструментов при подготовке работ.

6. Этика исследования

- Принцип добровольности: все респонденты принимали участие в опросе по собственному желанию, могли отказаться в любой момент.
- Анонимность: персональные данные (Ф.И.О., контактная информация) не собирались; все ответы обрабатывались в обезличенном виде.

- Информированное согласие: перед началом опроса участникам сообщалось о цели исследования, способах хранения и использования результатов.

Результаты исследования.

В опросе приняли участие 210 респондентов (160 студентов и 50 преподавателей) из четырёх российских вузов. Один из ключевых вопросов анкеты касался того, используют ли респонденты системы искусственного интеллекта (ИИ) при подготовке учебных/научных работ и в каких формах. Важно отметить, что респонденты могли указать несколько вариантов одновременно (множественный выбор), поэтому сумма по строкам может превосходить общее число в каждой подгруппе (табл. 3.1.2).

Таблица 3.1.2

Формы и частота использования ИИ среди студентов и преподавателей

Форма использования	Студенты (n=160) Абс. число / (% от 160)	Преподаватели (n=50) Абс. число / (% от 50)	Всего (n=210) Абс. число / (% от 210)
Не используют ИИ вовсе	68 (42,5%)	35 (70,0%)	103 (49,0%)
Используют для проверки орфографии/грамматики	56 (35,0%)	8 (16,0%)	64 (30,5%)
Используют для стилистической правки / перефразирования	28 (17,5%)	4 (8,0%)	32 (15,2%)
Используют для генерации отдельных фрагментов (черновики)	12 (7,5%)	3 (6,0%)	15 (7,1%)
Используют для полного автоматизированного написания разделов	4 (2,5%)	1 (2,0%)	5 (2,4%)

Почти половина респондентов (49,0%) не используют ИИ вообще. Около 30,5% (64 человека) отметили, что применяют ИИ только для проверки орфографии/грамматики. Полная генерация текста (2,4% от всей совокупности) встречается редко, но именно она порождает наибольшие этические и правовые риски. Из указанных данных следует, что 51% (107 человек) используют ИИ в той или иной форме (210 – 103 неиспользующих = 107 пользователей).

Респонденты отвечали на вопрос: «Знаете ли вы о формальных санкциях, которые могут применяться в вашем вузе при выявлении фактов “ИИ-плагиата”?»». Сопоставив ответы с фактом использования ИИ, получили Таблицу 3.1.3. Согласно результатам выявлено, что 107 человек (51,0% выборки) используют ИИ; среди них 49 знают о санкциях, 58 – нет, а 103 человека (49,0%) ИИ не используют; среди них 52 осведомлены о санкциях, 51 – нет.

Таблица 3.1.3

Наглядный расчёт χ^2 (2×2-кросс-таблица «Использование ИИ» vs «Осведомлённость о санкциях»)

	Осведомлены о санкциях (Yes)	Не осведомлены (No)	Итого (по строке)
Используют ИИ (Yes)	49	58	107
Не используют ИИ (No)	52	51	103
Итого (по столбцу)	101	109	210

Для выявления статистической зависимости между признаками «Используют ли ИИ» и «Знают ли о санкциях» был применён χ^2 -критерий Пирсона (уровень значимости $\alpha=0,05$). Результаты показали следующие данные: $\chi^2 = 4.90$; p-value = 0.0269; dof = 1.

Так как p-value < 0,05, можно заключить, что существует статистически значимая связь между знанием о санкциях и фактом использования ИИ. Любопытно, что доля «знающих» среди пользователей ИИ (49 из 107) примерно равна «не знающим» (58 из 107), что говорит

о недостаточной информированности даже среди тех, кто ИИ уже активно применяет. Сформированная матрица наблюдений соответствует рисунку 3.1.1.

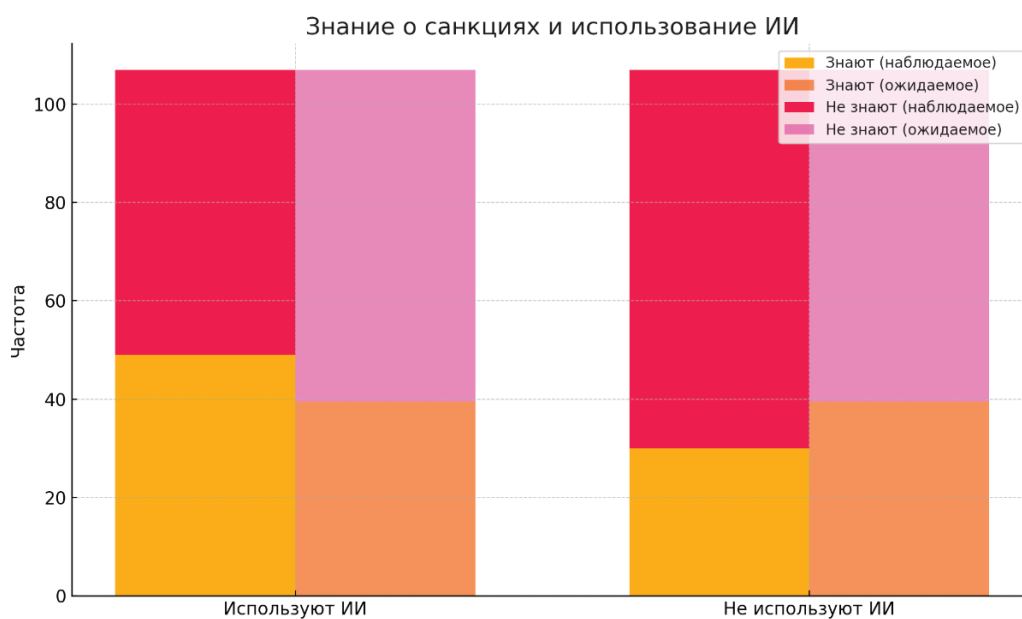


Рис. 3.1.1. Знание о санкциях и использование ИИ

Помимо опроса, для подтверждения масштабов проблемы изучались отчёты деканатов/дисциплинарных комиссий (4 российских вуза), фиксирующих случаи, приравненные к плагиату на основании **полной** (или почти полной) генерации текста ИИ без указания этого факта (табл. 3.1.4). Всего за 3 года (суммарно по 4 вузам) выявлено 44 случая «ИИ-плагиата». Наблюдается явный рост: с 5 в 2020-м до 27 в 2022-м.

Таблица 3.1.4

Детальная динамика: абсолютные значения, прирост и % изменения

Вуз	2020 (А)	2021 (В)	$\Delta(B-A)$	% изм.(В/А)	2022 (С)	$\Delta(C-B)$	% изм.(С/В)	Итого
А	2	5	+3	+150%	9	+4	+80%	16
В	1	3	+2	+200%	6	+3	+100%	10
С	1	2	+1	+100%	7	+5	+250%	10
Д	1	2	+1	+100%	5	+3	+150%	8
Всего	5	12	+7	+140%	27	+15	+125%	44

Таким образом, в Таблице 4 явно видны не только «чистые цифры» за каждый год, но и расчёты (разница, процентный рост). Это позволяет более продемонстрировать, с какой интенсивностью увеличивались случаи «ИИ-плагиата» по каждому вузу и в целом (рис. 3.1.2).

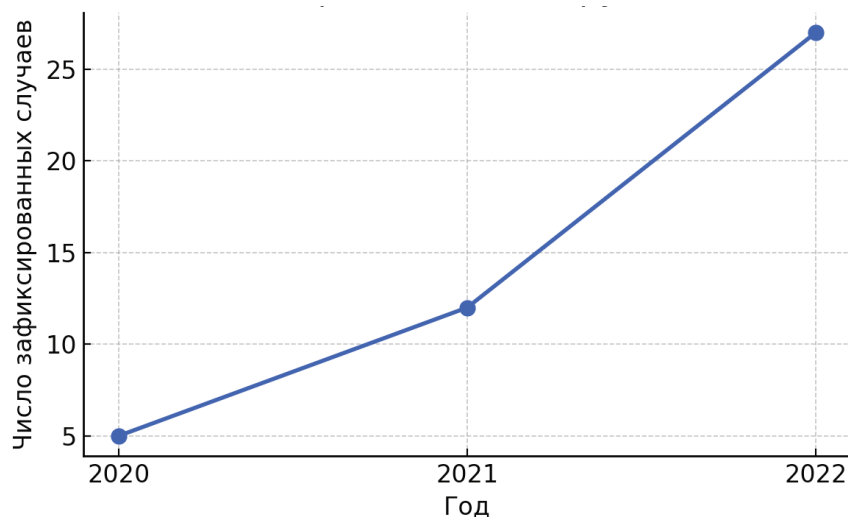


Рис. 3.1.2. Динамика официальных нарушений

За три года число нарушений увеличилось более чем в пять раз. Рост может быть обусловлен как высокой доступностью генеративных ИИ-сервисов, так и повышенным вниманием вузов к выявлению подобных случаев.

Последний блок опроса включал шкалу (от 1 до 5), на которой респонденты оценивали, насколько они опасаются негативных последствий (санкций, аннулирования работы, потери доверия) в случае обнаружения ИИ-плагиата.

- Студенты (n=160): средний индекс опасений = 3,4 ($\sigma=1,0$).
- Преподаватели (n=50): средний индекс опасений = 2,2 ($\sigma=0,7$).

Проверка разницы средних (t-тест) даёт $p < 0,01$, что свидетельствует о существенном различии по уровню опасений. Если студентам есть чего бояться (их работы проходят проверку на оригинальность, а также собеседования), то преподаватели, даже используя ИИ, практически не подвергаются дисциплинарной угрозе.

В целом результаты подтверждают, что использование ИИ в вузах набирает обороты, а регламентирующие механизмы и информирование обучающихся пока отстают от стремительного развития технологий. В перспективе необходима более детализированная политика в отношении допустимых/недопустимых форм ИИ-помощи, а также активная просветительская работа, чтобы предупредить дальнейшее увеличение «ИИ-плагиата» и связанных с ним академических нарушений.

Заключение.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта, особенно генеративных моделей, вносит существенные коррективы в процесс подготовки учебных и научных работ. Результаты проведённого исследования показали, что примерно половина респондентов (51%) применяют ИИ в той или иной форме: от проверки орфографии и стилистических правок до полного написания отдельных разделов текста. При этом уровень информированности о санкциях за «ИИ-плагиат» оказался недостаточно высоким: лишь около 48% опрошенных осознают возможные последствия выявленного нарушения.

На основании опросных данных и официальной статистики вузов можно сделать несколько важных выводов:

1. Рост выявленных нарушений. За последние годы (2020–2022) число зафиксированных случаев «ИИ-плагиата» в рассмотренных вузах выросло более чем в пять раз. Данная тенденция говорит о том, что ИИ-технологии всё активнее проникают в образовательный процесс, а административный контроль и механизмы выявления подобных нарушений начинают усиливаться.
2. Формы использования ИИ. Большинство респондентов, прибегающих к алгоритмам, ограничиваются техническими задачами (коррекция грамматики, помощь в структуре текста), но выявлена и небольшая группа, которая использует ИИ для генерации целых разделов (около 2–3%). Эта практика создаёт наиболее острые этические и правовые проблемы.

3. Этические и правовые аспекты. Уровень «индекса опасений» среди студентов (в среднем 3,4 из 5) указывает на то, что они осознают вероятность санкций, однако не всегда готовы полностью отказаться от «быстрого» решения. Преподаватели, даже используя ИИ для рутинных задач, практически не чувствуют давления или страха наказания, что иллюстрирует асимметрию ответственности.
4. Недостаточная регламентация. Значительная часть студентов и даже преподавателей не знает об официальных университетских правилах, касающихся использования ИИ. Вузы зачастую регулируют проблему «ИИ-плагиата» только общими формулировками о плагиате, без конкретизации особенностей генеративных алгоритмов.

В целом результаты исследования позволяют констатировать, что классические методы борьбы с плагиатом (система «Антиплагиат» и т. п.) требуют актуализации в связи с появлением новых технологических вызовов. Отсутствие чётко прописанных норм и достаточной просветительской работы может привести к дальнейшему росту «ИИ-мошенничества» и, как следствие, снижению качества образования и научных публикаций.

Для эффективного противодействия необходимы следующие меры:

- Разработка унифицированных правил использования ИИ в учебной и научной деятельности, где будет чётко разграничено «допустимое» (грамматические правки, консультации) и «недопустимое» (полное написание текста алгоритмом).
- Повышение уровня информированности. Проведение семинаров, вебинаров, включение информационных модулей в программы академической честности помогут расширить понимание и студентов, и преподавателей относительно потенциала и рисков ИИ.
- Совершенствование инструментов контроля. Университеты могут внедрять программное обеспечение, способное выявлять вероятный «ИИ-след», однако главным остаётся личное общение

преподавателя со студентом, собеседования и проектно-исследовательский подход к заданиям.

- Поддержка академической этики. Формирование ценности самостоятельного труда, развитие навыков критического мышления и академического письма должны оставаться приоритетом. Технические запреты и санкции сами по себе не способны коренным образом решить проблему без подлинной вовлечённости обучающихся в научную культуру.

Таким образом, главная задача научного и образовательного сообщества – обеспечить разумный баланс между использованием ИИ в качестве эффективного инструмента для повышения качества учебно-исследовательских процессов и соблюдением принципов академической честности и ответственности. По мере совершенствования технологий роль регламентирующих и просветительских мер будет только возрастать, требуя дальнейших междисциплинарных исследований и коллективных усилий со стороны вузов, государственных органов и самих обучающихся.

Р.В. Даутова, Э.А. Соколова

3.2. Проблема достоверности и доверия к научному контенту на интернет-платформах

Социальные сети прочно вошли в жизнь как обычных пользователей, так и исследователей в сфере коммуникации, однако совершенно особое место в этом ряду заняли мессенджеры. Появившиеся как каналы для дополнительного общения, они сумели расширить свой функционал и стать полноценными игроками медиарынка. Особенное влияние мессенджеры получили среди нового поколения пользователей: «Привычка к коммуникации вне времени и пространства действительно является отличительной чертой “цифровой молодежи”, а социальные сети и мессенджеры, распространение которых приходится

на время становления поколения, активно этому способствуют. Согласно исследованию Web-Index, представители “цифрового поколения” посвящают социальным сетям больше четырех часов в день. 81 % подростков, имеющих доступ в Интернет, активно используют социальные сети. На 2020 год, согласно данным Deloitte, 91 % молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет назвали “ВКонтакте” самым предпочтительным интернет-ресурсом¹.

В эпоху цифровых технологий, когда доступ к информации становится всё более доступным, вопросы достоверности и доверия к информационным источникам приобретают особую значимость. Всё сложнее становится находить надежные первоисточники среди обилия фейкового и поверхностного медиаконтента. Особенно остро этот вопрос встает в сфере науки, когда достоверность информации является важным и необходимым показателем.

К научному видеоконтенту в Интернете чаще всего прибегают, как к источнику более упрощенных и доступных, наглядных знаний. В комментариях к научным роликам чаще всего встречаются слова зрителей о «простоте и понятности материала», «легкой и интересной подаче», «наглядной 3D-визуализации» и «экспертной подаче спикера». Возникает вопрос: по каким критериям зрители понимают, что научное видео можно считать достоверным?

Стоит отметить, что большинство современных исследователей, изучающих этот вопрос, связывают данную проблему с таким современным феноменом, как фейковая информация, и с необходимостью обеспечения защиты от нее в условиях цифровой трансформации общества. В научных трудах А.П. Ивановой², В.С. Клементьевой³,

¹ Водовозов А. Фактчекинг. Как не сойти с ума от (научных) новостей: [видеолекция]. URL: <https://youtu.be/9mZtpVt3ObA> (дата обращения: 15.05.2024).

² Иванова А.П. Дезинформация в интернете: поиск баланса в борьбе с фальшивыми новостями // Образование и право. 2023. № 2. С. 342–347.

³ Клементьева В.С. К вопросу об ответственности за размещение «фейковых новостей» и оскорбление государственных органов в киберпространстве // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 78–81.

А.Г.Титовой¹, Э.Э.Шульц² обращают внимание на природу Интернета и те условия, которые способствуют, с одной стороны, интеллектуальному и творческому прогрессу, с другой стороны – появлению большого количества фейковых данных. Проблемой увеличения потока фейковых новостей активно занимаются и зарубежные исследователи (D.K.Citron³, R.Delfino⁴, E. Kocsis⁵, M. Mullen⁶).

В поле нашего зрения - проблемы доверия и достоверности именно научного контента на Интернет-платформе YouTube⁷. Как мы считаем, научный контент в большинстве своём предназначен для узкого круга лиц - сообщества ученых и специалистов в научных сферах. В качестве гипотезы нами выдвинут тезис, что доверие аудитории к научному контенту напрямую зависит от таких факторов, как авторитетность источника и автора, от качества и прозрачности представленных данных, а также от использования современных методов визуализации информации.

Были исследованы научные видеоролики, отобранные по специальным критериям и их комментарии со следующих каналов: «Vert Dider», Veritasium, «Редакция.Наука», «Droider», «SciOne» «Vsauce»,

¹ Титова А.Г. Слухи и фейковые новости как фактор дестабилизации социально-политической обстановки: опыт противодействия // Журнал исторических, политологических и международных исследований. Донецк, 2022. № 3 (82). С. 167–172.

² Шульц Э.Э. Фейковые новости в современных коммуникационных процессах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2019. Т. 9, № 3. С. 262–273.

³ Citron D.K. Cyber mobs, disinformation, and death videos: the Internet as it is (and as it should be) // Michigan law review. Ann Arbor, 2020. Vol. 118, № 6. P. 1073–1094.

⁴ Delfino R. Deepfakes on trial: a call to expand the trial judge's gatekeeping role to protect legal proceedings from technological fakery // Hastings Law Journal. San Francisco, 2023. Vol. 74, № 2. P. 293–348.

⁵ Kocsis E. Deepfakes, shallowfakes, and the need for a private right of action // Dickinson law review. Carlisle, 2022. Vol. 126, № 2. P. 621–650.

⁶ Mullen M. A new reality: deepfake technology and the world around us // Mitchell Hamline law review. Saint Paul, 2022. Vol. 48, № 1. P. 210–234.

«ПроНаука» и другие. Всего было просмотрено 20 видеороликов, выложенных на данных каналах.

Прежде всего обратим внимание на отличие научно-популярного контента и научного контента. Первый ориентирован, как правило, на широкую аудиторию, не обладающую специальными знаниями в предметной области контента. Чаще всего это люди, интересующиеся наукой, но не углубляющиеся в тему и профессиональную терминологию. Научный контент в отличие от научно-популярного предназначается для специалистов и исследователей в данной области, включая профессоров, научных работников и студентов университетов¹

Соответственно отличаются их речевые и стилевые характеристики. Научно-популярный контент использует простой, доступный язык, объясняет сложные идеи с помощью аналогий и метафор, иногда включает элементы развлечения, выделения более ярких, но менее важных с научной точки зрения моментов, приёмы приукрашивания информации, создание сенсационного повода с целью привлечь внимание. Наблюдается упрощение языка, облегчение лексических конструкций, нередко вульгарные объяснения сложных тем. Следствием использования данных приемов может стать частичная или полная потеря достоверности данных.

Научный контент чаще всего изложен в академическом стиле с использованием специфической терминологии, так как подразумевается, что подписчик, потребитель такой информации уже обладает определёнными знаниями по рассматриваемой теме.

По мнению А.Ваганова, «наука, которая поддается популяризации, отчасти уже и не наука вовсе (или – еще не наука)»². Трудно не

¹ Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М., 2009. 448 с.

² Ваганов А. Наука и научно-популярная литература // Экология и жизнь. 2008. № 11. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430726/Nauka_i_nauchno_populyarnaya_literatura (дата обращения: 15.12.2015).

согласиться с этим утверждением. В процессе медиатизации науки ставятся прежде всего такие цели, как заинтересовать и удержать внимание аудитории. Главной задачей становится сделать науку доступной и увлекательной широкому кругу лиц. В погоне за популяризацией науки, а соответственно за более интересными формами её репрезентации, контент-мейкеры часто прибегают к приукрашиванию или выделению не столь существенных деталей, что негативно влияет на объективность и достоверность публикуемой информации. Соответственно появляется необходимость проверять материал.

Проблема современного научного контента заключается в том, что наука постепенно начинает подстраиваться под запросы медиа. В конце XX-го века среди наукометрических показателей стали появляться наряду с цитируемостью в авторитетных научных журналах такие параметры как упоминание в СМИ, медийность, узнаваемость. То есть недостаточно получить какой-то научный результат, нужно о нём сообщить обществу так, чтобы о нём долго писали в СМИ.

Такое положение дел повлияло на то, что учёные стали выбирать темы и задачи, которые были бы интересны публике, изучать то, что может вызвать интерес у медиаотрасли. Это связано и с тем, что на фундаментальные долгосрочные исследования с трудно прогнозируемым результатом реже выделяются гранты, чем на резонансные, яркие. Поэтому нередко уже на этапе пресс-релизов журналисты, чтобы сделать информацию яркой, даже сенсационной, искажают суть исследования.

Врач и научный журналист Водовозов А.В¹ выделяет несколько видов нарушений достоверности.

Фейк – ложный факт, фото или утверждение. В его основе, как правило, лежит не ошибка, а намеренный подлог, фальсификация. В качестве примера можно привести случай, когда в 2005 году была опубликована статья и вышел в эфир сюжет на телеканале РенТВ

¹ Водовозов А. Фактчекинг. Как не сойти с ума от (научных) новостей: [видеолекция]. URL: <https://youtu.be/9mZtpBt3ObA> (дата обращения: 15.05.2024).

о том, что из девушки якобы растет кактус. В сети статью можно найти по заголовку: «То ли девочка, то ли растение»¹. Естественно, никаких подтверждений этой информации не было, но сюжет, вышедший на телевидении, выглядел убедительно, и неподготовленный человек мог принять это за правду.

Искажение цитаты – некорректное цитирование реального высказывания (сокращение, смещение акцентов и др.) или приписывание несуществующего высказывания.

Вырывание из контекста – реальные факты сопровождаются ложными пояснительными материалами, в них неверно указано их происхождение контекст и/или смысл. Вычленение слов из исходного текста и интерпретирование их как удобно.

Полуправда – реальные факты сильно разбавляются вымыслами, заблуждениями и ошибочными суждениями, собственными необоснованными выводами и др.

В России контроль достоверности научного медиаконтента включает в себя несколько методов, направленных на поддержание высоких стандартов точности и надежности информации²:

Экспертная оценка или рецензирование – это традиционный и наиболее распространенный метод проверки научных работ перед их публикацией в научных журналах. Работа рецензируется одним или несколькими экспертами в соответствующей области, что помогает гарантировать её научную достоверность и академическое качество, так сказать, заверяется разбирающимися людьми.

Отзывы и корректировки. Научные журналы и издательства используют систему ретракций (отзывов) для статей, в которых после публикации были обнаружены значительные ошибки. Это помогает поддерживать чистоту научного дискурса и предотвращать распространение недостоверной информации.

¹МКРУ: [сайт]. URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/12/06/188509-to-li-devochka-to-li-rastenie.html> (дата обращения 16.05.2024)

² Тимофеев А.А. Тенденции государственного регулирования медиасферы в России (2018 – начало 2019 гг.) // МедиаАльманах. 2019. № 2. С. 20–30.

Нормативные акты и законодательство. В России существует законодательство, регулирующее сферу СМИ и распространение информации, включая законы о защите авторских прав, о борьбе с фейковыми новостями и экстремизмом, что косвенно влияет на контроль за распространением научной информации¹.

Образовательные программы по медиаграмотности. Учебные заведения и общественные организации активно работают над повышением уровня медиаграмотности населения, включая умение критически анализировать научный контент и отличать достоверную информацию.

Саморегулирование профессиональных сообществ. Научные сообщества и профессиональные ассоциации в России, такие как Российская академия наук, устанавливают собственные стандарты и этические нормы для проверки и поддержания качества научных публикаций и медиаконтента. Используются автоматические системы анализа данных, таких как антиплагиат.

Фактчекинг и верификация данных. Специализированные организации и сервисы фактчекинга, такие как «Проверено.Медиа», информационная служба «ФИАН-информ» и другие, предлагают услуги по проверке данных, в том числе и в сфере научного контента, что помогает повысить общую достоверность информации. Из иностранных ресурсов в проверке фактов может помочь проект - Duke Reporters' Lab, там же по данным на 2024 год можно увидеть около 430 отмеченных глобальных сайтов для проверки фактов по всему миру (не включая Российские ресурсы). Международная федерация библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА) сформулировала 7 правил фактчекинга².

¹ О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: * федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320401/ (дата обращения: 10.05.2024).

² Шестеркина Л.П., Красавина А.В., Хакимова Е.М. Фактчекинг и верификация: учебное пособие. Челябинск, 2021. 121 с.

Перейдём к анализу научного медиаконтента на платформе YouTube¹. Научный контент на этой некогда популярной медиаплатформе оказывал значительное влияние на формирование знаний, научные представления широкой аудитории и общественное мнение, поэтому проблему достоверности на цифровых медиаплатформах мы считаем критически важной. В свою очередь любой хостинг, являющийся платформой для размещения аудиовизуального контента, оказывает значительное влияние на тип и характер видео, которые создают и потребляют пользователи.

Начнем с того, что алгоритмы YouTube играют центральную роль в том, какой контент становится популярным. Они анализируют поведение пользователя (какие видео смотрят, «лайкают», комментируют) и на основе анализа предлагают новый контент. Это приводит к тому, что каналы стараются создавать контент, который будет "дружелюбным" к данным алгоритмам, чтобы увеличить свою видимость для аудитории². Кроме этого, YouTube предпочитает контент определённого хронометража, что может влиять на специфику контента. Например, более длинные видео могут получать больше рекламного времени, что делает их более желательными для монетизации.

В свою очередь с появлением TikTok в YouTube набирают популярность видео-Shorts – короткие ролики не более 1.5 минут, замкнутые в бесконечной ленте. За 15 минут человек успевает посмотреть от 10 до 30 различных видео, которые можно быстро переключать, в связи с этим подача информации становится более яркой, динамичной, ёмкой и привлекающей внимание аудитории.

Платформа имеет строгие правила и ограничения относительно того, что допустимо к публикации, включая ограничения на контент,

1 В июле 2024 года в России было объявлено о начале замедления YouTube на 70 % и последующей блокировке видеохостинга осенью 2024 года.

² Лерман А. Какие правила работают на Ютубе? Популярные мифы о контенте. URL: <https://prodvigate.com/ru/blog/kakie-pravila-rabotayut-na-youtube-populyarnye-mify-o-kontente/> (дата обращения: 15.12.2015).

который может считаться нарушающим авторские права или содержащим нежелательные материалы. Также, предоставляется возможность самим потребителям осуществлять «народный контроль», посредством функционала «жалоб» и системы оценки контента – комментарии, лайки, дизлайки и др. Таким образом предоставляется множество форм обратной связи. Данные факторы создают динамическую среду, в которой создатели контента постоянно адаптируют свои стратегии и методы для удовлетворения как аудитории, так и требований платформы.

Также, одной из интересных особенностей Интернет-платформы является так называемый «кризис экспертности». Это социальное явление представляет собой процесс, когда человеку не обязательно иметь профессиональные знания и образование по теме информации, которую он транслирует аудитории, чтобы её публиковать. Достаточно быть убедительным или популярным. Интернет-платформы предоставляют огромную возможность для развития блогосферы разной тематической направленности. Этот процесс характеризуется снижением доверия аудитории к экспертам и профессионалам в различных областях знаний, таких как наука, технологии, медицина, политика и другие¹.

Среди важных для нашего исследования преимуществ выкладывать научный контент именно на видеохостинге мы выделили следующие.

Визуализация и доступность. Создатели могут использовать сложные визуализации для объяснения научных концепций, делая их нагляднее и привлекательнее для аудитории. Видео могут включать анимации, диаграммы, живые эксперименты и интерактивные элементы.

Разнообразии тем и подходов. На видеохостинге можно найти видео на любую научную тему - от квантовой физики до эволюционной биологии. Создатели контента часто адаптируют свои видео к разным

¹ Мартьянов В.С., Руденко В.Н., Фишман Л.Г. Пандемия коронавируса и кризис экспертного знания: перезагрузка чуда, тайны и авторитетов // *Journal of Institutional Studies*. 2022. Т. 14, № 2. С. 47–58.

уровням знаний, обеспечивая доступность как для новичков, так и для более продвинутых зрителей.

Эффекты вовлечения и образовательное влияние. Научные видео помогают привлекать внимание новых специалистов к насущным темам в научном мире, стимулируя их интерес и любопытство. Видео платформы могут служить в качестве вводных материалов, которые затем могут стимулировать более глубокое самостоятельное изучение и сотрудничество.

Критика и обсуждение. Несмотря на открытую возможность публикации научного контента практически без регулирования достоверности, эти ролики смотрят в основном специалисты, которые в комментариях могут раскритиковать или дополнить информацию в видео. Обратная связь помогает учёным развить тему и обратить внимание на ошибки. Поэтому важно, чтобы зрители критически подходили к информации и искали дополнительные источники для более глубокого понимания темы.

Научные Shorts - относительно новый формат видео, поэтому свободен для исследований, однако стоит отметить, что пока что именно научным «шортсам» пока не нашли какое-то уникальное применение помимо демонстрации эксперимента.

Еще одной относительно новой формой научных роликов стали анимации (3D-визуализация теоретических экспериментов, моделирование исторических артефактов) – чаще всего моделируются процессы, которые нельзя увидеть человеческим глазом ввиду различных ограничений (скорость, диапазон световых волн, размеры объекта, нереалистичные условия). Эти процессы озвучиваются за кадром или совмещаются со стендапом от ведущего, в роли основного действующего лица выступает – анимация. Например, каналы «Kurzgesagt – In a Nutshell» и «Droider».

Видео с обратной связью, интерактивные видео (лекции, прямые эфиры) можно увидеть, например, на каналах «Павел ВИКТОР»,

«sibscience». Наличие такого формата научных видео способствует формированию научного общества и в реальном времени¹.

Стоит отметить, что YouTube – это развлекательная платформа, что накладывает определенную специфику на научный контент, интегрируя в него элементы научно-популярного жанра (упрощения, объяснения, заставляет рассматривать и псевдонаучные явления). Задастся ли аудитория научных видео вопросами о достоверности контента и насколько она доверяет представленной информации? Подвергают ли пользователи сомнению информацию научного контента?

Прежде чем ответить на эти вопросы, для удобства определения характеристик зрительского поведения, мы классифицировали целевую аудиторию научного контента по характеру запросов и цели его просмотра, на следующие группы:

- Признанные эксперты (Учёные, профессора, доктора наук, исследователи, критики и др.);
- Обучающиеся (Студенты, школьники и др.);
- Журналисты;
- Случайный зритель, не эксперт.

Первые три группы – чаще всего, люди, которые пришли на канал или включили видео специально, с какой-то целью, либо оно попало им в предложенных на основании их предыдущих осознанных запросов. Представители последней группы «забредают» на канал случайно, если под действием алгоритмов платформы видео вышло в топ или имеет интересный, притягивающий внимание заголовок или визуальное оформление.

Признанные эксперты – люди, которые чаще всего самостоятельно публикуют научный контент или смотрят его с целью узнать новости из мира науки, углубить знания по теме. При анализе комментариев мы определили, что такие люди чаще всего вступают

¹ Макарова Е.Е. Популяризация науки в Интернете: содержание, формы, тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2013. № 2. С. 98–104.

в споры с другими, подкрепляя свои доводы научной лексикой и убедительными аргументами, таким образом формируя «научное сообщество» канала для интерактивного обсуждения идей.

Обучающиеся смотрят научный видеоконтент с целью получения новой информации в более наглядной форме и расширения уже имеющихся знаний. Чаще всего эта группа людей смотрит лекции, прямые эфиры и обучающие видео. В комментариях задают вопросы и оценивают понятность и доступность презентуемого материала, благодарят или ругают спикера.

Журналисты могут заходить на научные каналы в поисках данных для информационных сообщений, пресс-релизов, сенсаций. Иногда оставляют комментарии с целью узнать контакты автора, делают вставки из роликов в информационные выпуски.

Случайные зрители оказываются на таких каналах, последовав за ярким заголовком или по алгоритмам рекомендаций платформы. Комментарии оставляются разнообразные, но в большинстве случаев они носят юмористический характер, связанный с непониманием самой темы или рассказчика.

Эмпирическая база для исследования научного контента была отобрана согласно следующим критериям: научные видеоматериалы, с наиболее популярных каналов, имеющие строгий научный стиль повествования, с открытыми комментариями.

Были выделены параметры для анализа видеороликов. Достоверность контента (или признаки достоверной информации, или специальная маркировка канала). Известность, харизматичность, авторитетность и компетентность ведущего. Наличие или отсутствие 3D-визуальных эффектов, использование анимации и других выразительных наглядных приёмов. Репутация ресурса (история деятельности, количество подписчиков и т.д.).

Кейс 1. Канал Veritasium, видео «Как всё-таки работает электричество?»¹

Канал верифицирован (имеет маркировку от платформы): ведущий консультируется с экспертом и приводит в примеры ссылки на известные работы, в ходе чего складывается ощущение достоверности. Ведущий Дерек Александер Мюллер - ученый, бакалавр прикладной физики, получил докторскую степень за диссертацию «Проектирование эффективных мультимедиа для образования в области физики». Периодически находится в кадре. Используется моделирование электрической схемы. Ресурс существует с 2011 года и имеет 15,7 млн подписчиков. Контент преимущественно научный. Его видео адаптированы и переведены на русский язык каналом Vert Dider² (2,09 млн подписчиков, канал занимается озвучкой и переводом научных видео и лекций с каналов Veritasium, Harvard University и др). Канал нацелен на объяснение научных концепций, феноменов и теорий доступным и увлекательным способом. Основная миссия – развивать любопытство и научное понимание у зрителей через привлекательный визуальный и содержательный контент. Канал затрагивает широкий спектр тем, от физики и химии до биологии и инженерии, при этом подчеркивая важность научного метода и критического мышления.

Кейс 2. Канал «Космический Маффин», видео: «Как посчитать сверх бесконечности?»³.

Приводятся математические формулы и расчётные доказательства, в описании указан помогавший эксперт, однако маркировки о проверке платформой достоверности – нет. Майкл Стивенс – известный американский видеоблогер, популяризатор науки, телеведущий.

¹ Vert Dider. Как всё-таки работает электричество?: [видео]. URL: <https://youtu.be/hNd4mse2C4s> (дата обращения: 12.05.2024).

² Vert Dider: [YouTube-канал]. URL: <https://www.youtube.com/@VertDiderScience> (дата обращения: 27.05.2024).

³ Космический Маффин. Как посчитать сверх бесконечности?: [видео]. URL: <https://youtu.be/vIIA0ujw8II> (дата обращения: 13.05.2024).

Работает в кадре. Присутствуют наглядные схемы и визуализация примеров Количество подписчиков - 172 тыс, человек. Канал существует с 2011 года.

Кейс 3. Канал «Kurzesagt – In a Nutshell», видео: «Могут ли солнечные бури уничтожить цивилизацию? Солнечные вспышки и выбросы корональных масс»¹.

Рассказывается о работе солнечной системы. В описании указаны источники. Канал имеет маркировку «проверен платформой». Ведущего нет в кадре, используется закадровый текст – звучит приятный голос. Видео сопровождается анимацией на протяжении всего ролика и яркой 3D-визуализацией. Канал существует с 2013 года и имеет 22,4 млн. подписчиков. Основан в Германии Филиппом Деттмером. Канал известен своими краткими, информативными и визуально привлекательными видео, которые объясняют сложные научные и философские концепции в легкодоступной и увлекательной форме.

Кейс 4. Канал «SciOne», видео «Большой кризис большого обмана в большой науке | спецвыпуск»².

Канал, на котором выкладывается ролик, верифицирован (имеет маркировку от платформы), размещает список используемой литературы. Ведущий Влад Гончарук харизматичен, убедителен. По образованию журналист-международник, имеет опыт работы в новостях на телевидении. Практически всегда находится в кадре. Представлены вырезки из статей, диаграммы и статьи. Ресурс существует с 2014 года и имеет более 1,29 миллионов подписчиков. Это российский научно-популярный канал, который фокусируется на создании контента, посвященного науке и технологиям. Контент канала включает в себя обучающие видео, эксперименты, интервью с учеными

¹ Kurzesagt – In a Nutshell. Могут ли солнечные бури уничтожить цивилизацию? Солнечные вспышки и выбросы корональных масс: [видео]. URL: <https://youtu.be/oHHSSJDJ4oo> (дата обращения: 12.05.2024).

² SciOne. Большой кризис большого обмана в большой науке | спецвыпуск: [видео]. URL: https://youtu.be/_wTvFOdxZ1A (дата обращения: 13.06.2024).

и обзоры научных исследований и технологических новинок, также освещает последние научные открытия.

Кейс 5. Канал «ПостНаука», видео «Туата Де Дананн в ирландской мифологии»¹.

Канал, на котором выкладывается ролик, верифицирован (имеет маркировку от платформы), в описании имеется сноска о публикации материала ранее. Ведущий – Мария-Валерия Моррис, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории историко-культурных исследований Школы актуальных гуманитарных исследований и доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации ИОН РАНХиГС, редактор журнала «Фольклор и антропология города», кандидат юридических наук. Практически всегда находится в кадре. Лекция в формате интервью. Новые технологии не привлекаются.

Ресурс существует с 2011 года и имеет более 1,35 миллионов подписчиков. Это российский образовательный проект, который предоставляет широкий спектр научных и познавательных материалов. Стремится сделать сложные научные идеи доступными для широкой аудитории. Контент включает видеолекции, статьи и интервью с учеными и экспертами из различных областей науки, таких как физика, биология, химия, история, искусство и многие другие. Эти материалы охватывают как актуальные научные открытия, так и теоретические размышления.

На основании анализа видеороликов и комментариев под видео можно сделать следующие выводы.

Маркировка платформы, подтверждающая достоверность информации, влияет на доверие граждан к материалу положительно. В комментариях под такими видео встречается больше комментариев с благодарностями. Между тем многие учёные, публикующие научный кон-

¹ ПостНаука. Туата Де Дананн в ирландской мифологии: [видео]. URL: <https://youtu.be/IKh21DхyU2c> (дата обращения: 13.06.2024).

тент, не размещают списки литературы и источников. Однако пользователи часто не проявили интерес к проверке достоверности информации. Доверие зрителя во многом зависит от ведущего канала. Многие, даже не видя ведущего, но слыша его приятный голос в «озвучке» – доверяли услышанной научной информации. 3D визуализация и анимация делают информацию более понятной и наглядной, но как показывают комментарии, не влияют существенно на доверие аудитории. Репутация ресурса, безусловно, влияет на доверие аудитории: люди обращаются на канал, ориентируясь на его репутацию, подкреплённую оценочными комментариями.

Таким образом, доверие аудитории к научному контенту в Интернете связано с такими факторами, как репутация видеоканала, специальная маркировка платформы, подтверждающая достоверность видеоинформации, современная визуальная подача с использованием современных IT-технологий, компетентность, авторитетность и харизматичность ведущего.

Г.В. Напреевко

3.3. Студенческая молодежь в цифровой среде: конкуренция аудиального и графического кодов в интернет-коммуникации

В современном мире цифровые технологии и Интернет играют центральную роль в жизни общества, трансформируя как повседневное взаимодействие людей, так и их поведение. Виртуальное пространство стало ареной, где реализуются не только социальные связи, но и различные формы девиантного и делинквентного поведения. Появление искусственной социальности, включая алгоритмы и нейросети, создает новые условия для взаимодействия человека с цифровыми системами и другими пользователями. Эти изменения требуют глубокого социологического анализа, чтобы понять, как они

вливают на социальные практики и какие последствия могут иметь для общества.

Интернет-коммуникация представляет собой форму общения, объединяющую в себе признаки как письменной, так и устной речи, что меняет сложившуюся оппозицию между ними, где аудиальный (устный вербальный) семиотический код является первичным, исходным кодом, а графический (письменный вербальный) – вторичным. Роль письменного вербального кода (не только «написанного от руки», но и напечатанного) возросла. В современной коммуникации визуально-мануальная речь усиливает свои позиции¹, при этом в онлайн-общении конкурирующие формы (акустико-аудиальная и визуально-мануальная) «функционально дифференцированы: каждая ищет и находит в нем свое место»².

Тенденция к возрастанию роли письменного кода, который замещает устную речь, может быть проиллюстрирована, например, случаями передачи на письме эмоций, переживаний в графическом формате, а также, например, в предпочтении студенческой молодежи (и не только) обращаться преимущественно к письменному общению (посредством переписки в мессенджерах), а не использовать звонки по телефону.

В данном параграфе рассмотрим три типа соотношений между устной и письменной формами коммуникации (аудиальным и графическим кодами), активно используемыми студентами в условиях современной коммуникационной среды.

Выбор между коммуникативными действиями: позвонить VS написать. Тема неудобных, несвоевременных звонков, цифрового этикета активно поднимается в интернет-сообществе. Например, в статье

¹ Голев Н.Д. О конкуренции акустико-аудиального и мануально-визуального кодов современной письменной коммуникации // СибСкрипт. 2021. № 4 (88). С. 1024–1031.

² Там же. С. 1025.

«Цифровой этикет: почему звонить в XXI веке – моветон»¹ пишется о том, что внезапные звонки теперь застают врасплох. Еще в 2015 году журналист The Verge Томас Рикер опубликовал статью «First Click: Please stop calling my smartphone»², в которой громко заявил: «Text me. Email me. WhatsApp, Facebook, iMessage, Skype, DM me, or send me a heartbeat from your Apple Watch. I don't care. Just don't call me» (*Скиньте мне СМС, напишите письмо, отправьте сообщение в WhatsApp или фейсбук или даже поделитесь со мной своим сердцебиением через Apple Watch. Только не звоните мне*). Такое же категоричное мнение касается и голосовых сообщений: звонки и голосовые сообщения стали неэтичны. В комментариях к постам с публикациями на эту тему можно встретить солидарные мнения, например: *ДА! не люблю отвечать на звонки, а вот на сообщения легко и просто. Выбрал удобное время, обдумал, и ответил*³. Эти примеры иллюстрируют своего рода смену первичности кода, где наиболее выигрышным становится вербальный графический код: первичным и наиболее социально приемлемым становится обращение к собеседнику посредством письменного сообщения (в мессенджерах, социальных сетях, по электронной почте), а звонить допустимо по договоренности с собеседником.

С целью выявления предпочтений современных студентов в выборе кода в деловом и бытовом (неофициальном) общении был проведен опрос. Объем выборочной совокупности для пилотажного исследования составил 115 единиц и включил в себя студенческую молодежь Кемеровского государственного университета. Опрос проведен

¹ Донских А. Цифровой этикет: почему звонить в XXI веке – моветон // Дзен. 2019. 6 марта. URL: <https://dzen.ru/a/XH9XE4GebgC0X4SB> (дата обращения: 10.04.2025).

² Ricker Th. First Click: Please stop calling my smartphone // Theverge. 2015. June 29. URL: <https://www.theverge.com/2015/6/29/8860709/please-stop-calling-my-smartphone> (дата обращения: 10.04.2025).

³ Комментарии к публикации «Больше не звони мне: Бизнес-общение в цифровую эпоху. Новый деловой этикет» в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/wall-68241326_28924 (дата обращения: 10.04.2025).

посредством Google Forms в период 1 по 15 апреля 2025 года. В таблице 1 представлено распределение ответов на вопросы о предпочтительном способе связи в деловом и бытовом общении.

Как и предполагалось, именно вербально-визуальный код является предпочтительным в обоих случаях: 93,5% в случае делового общения и 90,7% в случае бытового общения (см. Табл. 3.3.1). Интересно, что использование аудиального канала (запись голосового сообщения) достаточно активно используется в неформальном общении; в обоих случаях звонок как аудиальный канал передачи сообщения осуществляется значительно реже.

Таблица 3.3.1

Распределение ответов на вопросы о предпочтительном способе связи в деловом и личном (бытовом) общении

Варианты ответов	Какой способ связи предпочитаете чаще всего для общения с преподавателями / с коллегами (по учебе и работе)?	«Какой способ связи предпочитаете чаще всего для общения с друзьями/однокурсниками?»
звонить по телефону	14%	22,4%
писать в мессенджере, на электронную почту, в социальных сетях	93,5%	90,7%
записывать голосовое сообщение	13,1%	53,3%
другое	2,7%	2,8%

При этом наиболее популярными каналами связи являются мессенджеры (84,9%), социальные сети (49,1%), электронная почта (12,3%).

Большинство студентов (Рис. 3.3.1) согласны с утверждением, что «молодежь больше склоняется к письменной форме общения, чем

старшее поколение» (ответы *согласен полностью* и *скорее согласен* в совокупности составляют 84,1%).



Рис. 3.3.1. Распределение ответов на вопрос «Вы согласны с утверждением, что «молодежь больше склоняется к письменной форме общения, чем старшее поколение»?»

Ответы студентов на вопрос «Когда лучше звонить?» содержат в себе указание на

– временной промежуток: *С 12:00 до 20:00¹; До 7 вечера; С 12 дня до 6 вечера; В любое время до 22:00; В промежутке с 09:00 до 16:00 (Человек вряд-ли спит и ещё не вернулся домой с работы, соответственно, я не отвлекаю его в нерабочее время); 10-19 часов и т.п.;*

– срочность сообщения: *По поводу неотложных дел; Если дело срочное; По очень срочным вопросам; в экстренных моментах, которые требуют быстрого ответа; Когда послание требует срочного ответа; в экстренных ситуациях; решение проблемы требует срочного решения; Если дело очень срочное и требует незамедлительного ответа; Если что-то срочное (я занятой человек, меня не надо отвлекать по всякой ерунде);*

– фатический компонент: *Когда хочется услышать человек или что-то очень срочное; когда что-то срочное, нужно что-то серьезное/хорошее/печальное обсудить, нужна поддержка, скучаешь по*

¹ Орфография и пунктуация ответов студентов сохранены.

тому, кому звонишь, когда хочется просто поговорить; Когда хочешь больше поделиться эмоциями и т.п.;

– фактор адресата: в государственные организации. Но дело скорее не в желании, а в том, что чатов с хорошей поддержкой у них часто нет, например, этот бот на госуслугах умеет только профессионально выводить из себя; Если по поводу работы/учёбы, то в рабочее время. Если кому-то из близких, то где-то с 18:00 до 22:00 и т.п.

– признаки вторичности кода: Когда нужно быстро решить вопрос, если человек не отвечает в сообщениях.

Часть ответов содержит комментарий о необходимости предварительной договоренности собеседников о предстоящем звонке: После того, как спросил разрешения на звонок; По договорённости о звонке. В заранее согласованное время; Предварительно сообщив, что будет звонок, желательно с 10 до 19.

При ответе на вопрос о том, когда лучше звонить, студенты также написали «никогда» (3,4%).

Ответы на вопрос «Когда лучше писать?» даны в разной степени категоричности. Наиболее популярное мнение выражает ответ «в любое время / всегда». Студенты выделяют следующие причины обращения к письменному коду:

– фактор адресата: Например, когда нет возможности увидеться с преподавателем, чтобы не отвлекать; В любое время. Если же писать преподавателю, то лучше не тянуть до вечера; Другу в любое время, преподавателю до 18:00 и т.п.;

– возможность не отвлекать собеседника: Человек сам выберет время прочтения сообщения, так что шанс отвлечь его от каких-либо дел меньше, чем осуществляя телефонный звонок; в любое время, главное отправлять сообщение без уведомления; В любое время, так как я самостоятельно могу выбрать время для ответа;

– фатический компонент: когда ответ от собеседника не настолько быстро нужен, либо просто поделиться своими чув-

ствами; когда что-то срочное, нужно что-то серьезное/хорошее/печальное обсудить, нужна поддержка, скучаешь по тому, кому пишешь, когда хочется просто пообщаться;

– необходимость фиксации информации: *когда есть смысл зафиксировать информацию.*

Распределение факторов, определяющих выбор студентами аудиального или визуального канала, в целом, однородно. Так, обращение к вербально-визуальному коду обусловлено следующими причинами:

- удобство (74%),
- возможностью продумать ответ (69,2%),
- сохранение переписки (58,7%),
- самостоятельный выбор момента чтения: получатель сам решает, когда прочитать сообщение и ответить (57,7%),
- отсутствует чувство неловкости (как при звонке) (45,2%),
- экономия времени (43,3%),
- возможность ответить позже (37,5%),
- контроль над эмоциями (31,7%).

Предпочтение студентов звонить адресату, а не писать, обусловлено следующим:

- экономия времени (решить вопрос можно быстрее) (57,1%),
- стремление услышать реакцию собеседника (50,8%),
- больше возможностей выразить эмоции и тон речи (49,2%),
- историю проще рассказать, чем написать (47,6%),
- обсуждение личных вопросов (36,5%),
- удобство (31,7%),
- рабочее взаимодействие (15,9%),
- привычка (звонок – стандартная форма коммуникации) (9,5%).

Популярным современным способом коммуникации являются голосовые сообщения, представляющие собой своего рода аналог

звонку адресату, но при этом имеющие характерные черты письменной (вербально-визуальной / графической) коммуникации: в первую очередь, это возможность отсрочки как прослушивания адресатом сообщения, так и ответной реакции. Студенты отметили ряд факторов, мотивирующих запись голосовых сообщений:

- экономия времени (56,8%),
- удобство (56,8%),
- историю проще рассказать, чем написать (55,7%),
- больше возможностей выразить эмоции и тон речи (55,7%),
- обсуждение личных вопросов (26,1%),
- самостоятельный выбор момента прослушивания сообщения: получатель сам решает, когда прослушать сообщение и ответить (34,1%),
 - рабочее взаимодействие (8%),
 - другое: не люблю (1,1%), не записываю голосовое сообщение (1,1%).

В целом, проведенный опрос показал, что визуальный (письменный) код смещает аудиальный (звучащий), который традиционно занимал место первичного, на второй план. Предпочтения как в деловом общении (93,5%), так и в личном (90,7%) отдается вербальному коду (конкретно – его графическому проявлению).

2. В связи со своего рода смешением звучащего и графического кода в рамках интернет-общения возникают попытки определения их взаимоотношения и соотношения: интернет как «новая «устно-письменная» система коммуникации»¹, «новая устность» как категория

¹ Лутовинова О.В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 71. С. 58–65.

разговорности, проявляемая графически¹; диджитал-язык как цифровой, виртуальный язык, язык Интернета²; «гибридная форма речи»³; разговорная письменная речь⁴ и т.п.

Устный код проникает в письменную речь. С.Ф. Барышева, Н.И. Клушина выделяют фононаписание как передачу «средствами графики звукового состава слова»⁵, передачу пользователями Интернета «непередаваемых» особенностей голоса. Например, ярким проявлением становится передача эмоций в письменной форме⁶: *Вам спасибо, мне -то за что, ахах); добрый вечер (или утро, ахах, еще не ложилась, всю ночь просидела над статьей), высылаю материал; Ох, треш; ааа, поняла; ооо, а что с ним?; Ааа ааа ааа.... Бесит!!!!!!!!!!!!!!!; ё-мое!!!! наткнулась на инф. письмо апрельской конференции!!; Ух ты, какой красивый цвет!; Он УО????????????????????????????????* и т.п. Он-лайн-общение – письменная форма речи, которая «вбирает в себя определенные, прежде всего функциональные, черты звуковой речи, не меняет таковой ее квалификации.

Современная интернет-коммуникация предоставляет поликодовый текст как основной источник сообщения. Информация транслируется с помощью разных кодов: визуального, аудиального, вербального.

¹ Барышева С.Ф., Клушина Н.И. Креативные ресурсы категории разговорности в современной интернет-коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 23–29.

² Карамалак О.А., Пожидаева Е.В. Об устном, письменном и диджитал-языке с позиции биокогнитивизма в современном языкознании // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2019. № 1. С. 35–42.

³ Лысенко С.А. Орализация как тенденция развития интернет-коммуникации // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 2. С. 69–71.

⁴ Голев Н.Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5 (25). С. 12–30.

⁵ Барышева С.Ф., Клушина Н.И. Креативные ресурсы категории разговорности в современной интернет-коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 23–29.

⁶ Примеры общения со студентами, магистрантами в социальной сети «ВКонтакте».

Главным образом, современная коммуникация характеризуется тенденцией к визуализации информации, тенденцией на зрительный образ¹, а также взаимодополнением устного и письменного, в то время как ранее устный и письменный код являлись взаимоисключающими, конкурирующими формами².

Именно поликодовый текст является тем форматом, в котором при сочетании вербальной и невербальной составляющих доминирует иллюстративно-визуальный ряд³. Авторы отмечают, что чтение только надписи поликодового текста может оказаться недостаточным для понимания его содержания. Однако не только подикодовый текст является характерной особенностью современной коммуникации, другой ее особенностью является предоставление *выбора* кода адресату сообщения: сайты, где видео дополняется текстовым форматом; видеоролики в социальных сетях, сопровождаемые субтитрами.

Яркой конкуренцией устного и письменного/звучащего и визуального является формат лекции. На что обращает внимание студент: слушает лектора или ищет визуальное подкрепление в виде презентации? записывает текст со слуха или списывает текст с экрана? Так, студенческий конспект, первоисточником для которого явилась лекция преподавателя, рассматривается как вторичный (производный) жанр⁴. В работе Н. Б. Лебедевой осуществлено исследование текстовой деривации, то есть механизмов создания конспектов как вторичных текстов посредством прослушивания, понимания и записи лекции, читаемой

¹ Пиле И.А. Текст как поликодовое явление // Дизайн СМИ: Тренды XXI века. 2017. № 3. С. 67–76.

² Сурикова Т.И. Письменная речь на телеэкране: семиотические и прагматические аспекты // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 61–66.

³ Карамалак О.А., Пожидаева Е.В. Об устном, письменном и диджитал-языке с позиции биокогнитивизма в современном языкознании // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2019. № 1. С. 35–42.

⁴ Лебедева Н.Б. Конспект студенческой лекции как жанр естественной письменной речи: текстодериватологический и лингвоперсонологический аспекты // Культура и текст. 2023. № 3 (54). С. 135–143.

преподавателем. Автором выявлены различные стили репродуцирования исходного текста лекции, которые соотносятся с различными степенями его понимания студентами, что (понимание и репродуцирование) обусловлено, в том числе, типами языковой личности студентов.

Современные студенты сталкиваются с необходимостью знакомиться с содержанием лекций на различных платформах, например, MOODLE. Переходу на дистанционный формат обучения способствовало, кроме бурного развития современных коммуникационных технологий, конечно, пандемия COVID-19. Если ранее студенты могли только слушать преподавателя, затем слушать и смотреть презентации, то сейчас появился новый формат, который предоставляет возможность выбора между просмотром видеозаписи лекции и/или чтением его содержания. Преимуществом такого подхода является возможность многократного обращения к лекциям, а также выбора наиболее удобного формата для студента.

С целью выявления предпочтений современных студентов в выборе кода в рамках учебного дискурса проведен опрос студенческой молодежи Кемеровского государственного университета посредством Google Forms. Объем выборочной совокупности составил 115 единиц.

Результаты данного опроса (на Рис. 3.3.2) не так категоричны по сравнению с первым опросом, однако, даже если исключить вариант *«иногда читаю текст, иногда смотрю видео»*, оставшиеся ответы распределены таким образом, что именно *чтение текста* является более предпочтительным вариантом (36,6%), чем *просмотр/прослушивание видеолекции* (16,1%).

Основной причиной выбора *чтения лекции* (Таблица 3.3.2) является то, что чтение *позволяет лучше понять смысл* (44,4%). Ответ *обращаюсь к тексту после просмотра видеозаписи лекции* иллюстрирует, с одной стороны, вторичность письменного кода относительно звучащего первичного, с другой стороны, недостаточность просмотра/прослушивания видеозаписи лекции и необходимость обращения к визуально-вербальному коду (тексту лекции).

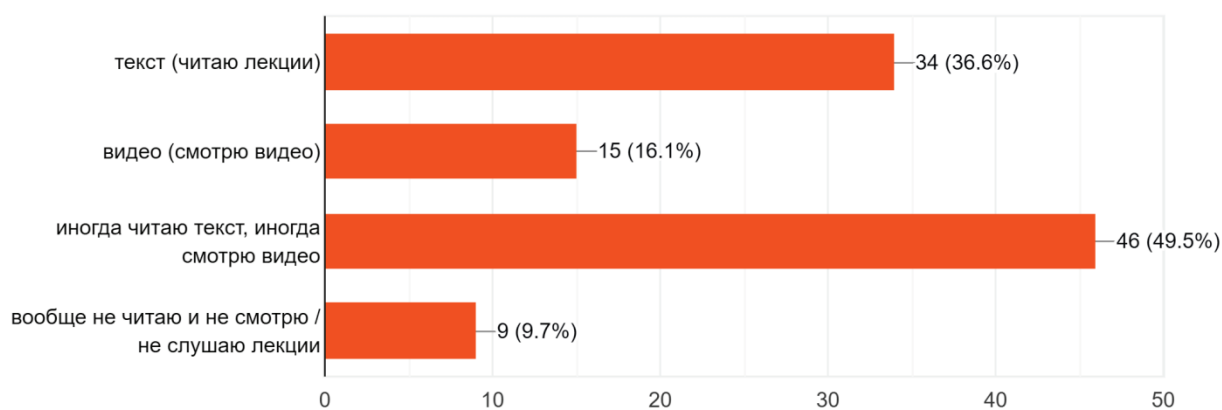


Рис. 3.3.2. Распределение ответов на вопрос «На MOODLE (open.kemsu) лекции представлены в формате видео и текста. Какой из вариантов Вы предпочитаете?»

Таблица 3.3.2

Распределение ответов на вопрос «Если вы читаете текст лекции, то укажите причины»

Варианты ответов	Общее количество ответов
Чтение текста лекции позволяет лучше понять смысл	44,4%
Обращаюсь к тексту после просмотра видеозаписи лекции, чтобы перечитать некоторые моменты	40,7%
Скорость (прочитать лекцию быстрее, чем смотреть видеозапись)	23,5%
Читать лекции удобнее	18,5%
Нравится читать	7,4%

Причиной просмотра видеозаписи лекции является ее *наглядность* (42,9%) и *возможность осуществлять другой вид деятельности одновременно с прослушиванием лекции* (36,9%). В таком случае студент выбирает не совокупность аудиального и вербального канала, который предоставляет видеозапись, а только аудиального, т.к. буквально не смотрит и слушает лекцию, а только слушает (Таблица 3.3.3).

Таблица 3.3.3

Распределение ответов на вопрос «Если вы смотрите видеозапись лекции, то укажите причины»

Варианты ответов	Общее количество ответов
Наглядность изложения (видеолекция демонстрирует живой контакт преподавателя с аудиторией, жестикуляцию, мимику, что способствует лучшему пониманию содержания)	42,9%
Можно слушать лекцию и параллельно выполнять другие задачи (лекция идет фоном)	36,9%
Можно регулировать скорость просмотра лекции.	23,8%
Просмотр видеозаписи лекции позволяет лучше понять смысл	22,6%
Скорость (посмотреть видеолекцию быстрее, чем прочитать лекцию)	21,4%
Удобнее посмотреть лекцию	8,3%
Нравится смотреть видеозаписи	4,8%

Этот факт подтверждают и ответы на следующий вопрос, направленный на выявление предпочтений в выборе между *просмотром* видео и *прослушиванием* (Рис. 3.3.3).

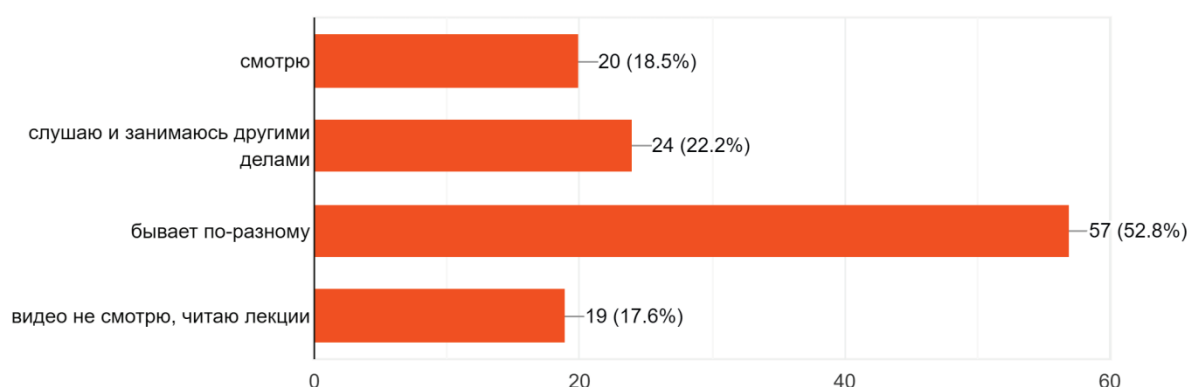


Рис. 3.3.3. Распределение ответов на вопрос «Если Вы выбираете видео, то вы его только слушаете (занимаясь параллельно другими делами) или смотрите?»

Интересным с точки зрения первичности – вторичности кода является распределение ответов на следующие вопросы (Рис. 3.3.4 и Рис. 3.3.5):

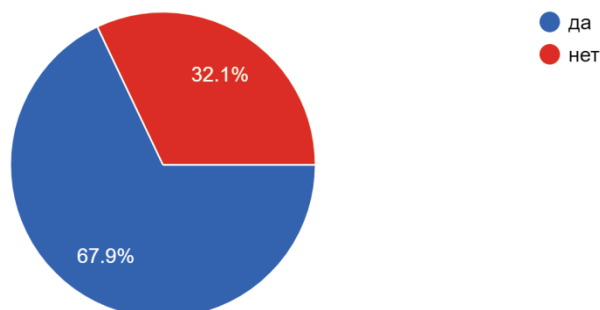


Рис. 3.3.4. Распределение ответов на вопрос «Бывает ли, что вы сначала смотрите и слушаете видеозапись лекции, затем обращаетесь к тексту?»

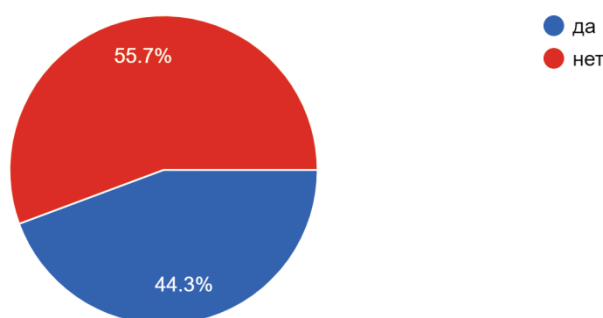


Рис. 3.3.5. Распределение ответов на вопрос «Бывает ли, что вы сначала читаете текст лекции, а затем смотрите видеозапись?»

Ответы студентов показывают, что в случае если первичным кодом избирается письменный (напечатанный, графический) вариант лекции, то обращение к видеозаписи осуществляется только 44,3%, т.е. для 55,7% студентов письменного варианта достаточно для ознакомления с содержанием лекции. В то время как выбор видеозаписи лекции как первичного кода является недостаточным для 67,9% студентов, которые впоследствии обращаются к письменному варианту лекции.

Студентами обозначены следующие факторы, влияющие на выбор кода:

– удобство: *Всегда предпочитаю прочитать; во всех случаях предпочитаю текст, так удобнее; Обычно я выбираю текстовый формат лекции, если у меня загруженный день и я не успеваю посмотреть видео. Тогда я могу прочитать лекцию, например, в автобусе по дороге домой. В остальных случаях формат видео для меня более удобен.*

– дисциплина: *Я считаю, что послушать или посмотреть лекцию можно по более легкой дисциплине, которая напрямую не связана с процессиональной деятельностью, что не вызывает необходимости полного погружения; всё зависит от дисциплины. какие-то мне легче прочитать и проанализировать, а какие-то легко запоминаются при просмотре; Когда предмет важный или интересный то я предпочитаю читать, когда предмет не интересный предпочитаю слушать и заниматься своими делами; Зависит от сложности дисциплины; Если есть много времени, то я одновременно могу смотреть лекцию и выделять в тексте главные вещи. Если времени совсем нет, то я просто пробегаюсь глазами по тексту, стараясь понять только суть лекции.*

– время, скорость: *Зависит от нужной скорости изучения материала; Прочитать предпочитаю в случае если нет времени и условий для просмотра видео; Я предпочитаю посмотреть лекцию, чтобы сократить время; потому что тратится меньше времени, чем на видео; В случае если есть время я читаю. Если нет, то смотрю лекцию; чаще всего я читаю, тк лучше усваивается, не надо перематывать и занимает меньше времени.*

– персональные особенности восприятия кода: *Не воспринимаю информацию через звук и видео; всё зависит от настроения, эмоционального состояния и уровня сконцентрированности; Я люблю смотреть, потому что так проще сосредоточиться и т.п.*

– лучшее усвоение материала: *Предпочитаю всегда читать лекцию. Так я лучше усваиваю материал, могу быстро глазами вернуться к моменту, который не поняла. В видео формате найти нужное место трудно; Слушаю редко. Предпочитаю читать, потому что так больше улавливаю смысл и т.п.*

Дифференциация факторов, влияющих на выбор кода: *Читаю когда есть время, смотрю видео когда нет времени; например – уставшим удобнее смотреть, в бодром состоянии можно и прочитать; прочитать для полного разбора темы, просмотреть/ прослушать для базового ознакомления; Предпочитаю посмотреть, если хочу больше наглядности и удобной подачи материала; Предпочитаю послушать, когда по каким-либо причинам нет возможности глубоко погрузиться в материал; Предпочитаю прочитать, если хочу подробно разобраться в отдельных моментах; если тема выглядит сложной, предпочитаю посмотреть видео, так как это нагляднее, обычно. если вижу, что тема мне знакома, или данная информация уже была где-то услышана – просто читаю лекцию, чтобы освежить знания.*

3. Другим ярким и наиболее современным и актуальным примером конкуренции устного и письменного кода при получении информации о содержании сообщения являются видеоролики в социальных сетях, например, в социальной сети «ВКонтакте», короткие ролики в YouTube (YouTube Shorts). Короткие ролики, называемые *клипы*, содержат автоматические субтитры, что иллюстрирует тенденцию к взаимодополнению устного, письменного и визуального кодов. Субтитры – графический код, текстовое сопровождение видеоряда, который в разной степени тождества передает содержание ролика. Сама платформа «ВКонтакте» в 2021 году¹ запустила в видео автоматические субтитры, используя технологию распознавания речи.

Появление автоматических субтитров, их популярность иллюстрирует тенденцию к наиболее активному использованию именно графического кода в коммуникации. Кроме этого, появление субтитров изменило модель коммуникации, у адресата появилась возможность обращения не только к одному коду (например, телевидение использовало визуальный и аудиальный каналы передачи сообщения,

¹ Пресс-релиз «ВКонтакте запустила в видео автоматические субтитры на базе собственных технологий распознавания речи». URL: <https://vk.com/press/subs> (дата обращения: 01.04.2025).

статья в газете – графический код), а к коду, наиболее удобному по тем или иным причинам для адресата.

Безусловно, появление автоматических субтитров стало предметом интереса у специалистов не только в области ИТ, но и в области коммуникации. Исследуется удобочитаемость субтитров и, в частности, знаков препинания, используемых в субтитрах¹; большую роль автоматические субтитры играют в области перевода².

С целью выявления предпочтений студентов в выборе кода при обращении к видеороликам (без специфики их содержания) был также проведен опрос среди студентов Кемеровского государственного университета (115 респондентов). Результаты опроса иллюстрируют состояние оппозиции устного и письменного кодов и их соотношение в студенческой цифровой среде. В качестве первого пункта опроса студентам было предложено перейти по ссылке и ознакомиться с содержанием ролика³ (Таблица 3.3.4).

Таблица 3.3.4

Распределение ответов на вопрос «При просмотре ролика Вы включили звук или читали субтитры?»

Варианты ответов	Общее количество ответов
Включил звук и читал субтитры одновременно	46,5%
Включил (-а) звук	28,1%
Читал (-а) субтитры	25,4%
Не слушал и не читал, только посмотрел визуальный ряд («картинку»)	4,4%
Другое	0,9%

¹ Datta P., Jakubowicz P., Vogler C., Kushalnagar R. Readability of Punctuation in Automatic Subtitles // Computers Helping People with Special Needs: proceedings of the International Conference, ICCHP 2020. Cham, 2020. Vol. 12377. P. 407–414.

² Li T., Chmiel A. Automatic subtitles increase accuracy and decrease cognitive load in simultaneous interpreting // Interpreting. International Journal of Research and Practice in Interpreting. 2024. Vol. 26. № 2. P. 253–281.

³ Видеоролик, размещенный в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/clip-223390387_456249961 (дата обращения: 01.04.2025).

К основным причинам того, что студенты не включили звук, когда перешли по ссылке, респонденты отнесли следующее: *желание избежать шума, т.к. нахожусь в помещении/в транспорте* (32,6%) и *приватность просмотра (не хочу, чтобы другие слышали то, что я смотрю)* (30,4%). Другие ответы акцентируют внимание на особенностях кода: *чтение помогает лучше понять смысл* (30,4%), *просто удобно (привычка быстро пролистывать ленты социальных сетей позволяет моментально получать суть контента без ожидания загрузки звукового потока)* (17,4%); *предпочтение визуального восприятия (привык воспринимать информацию визуально)* (10,9%). Таким образом, к основным причинам, которые легли в основу выбора ознакомления с роликом без звука, относятся экстралингвистические факторы, а также предпочтения в выборе субтитров как графического кода.

Основными причинами того, что студенты включили звук, когда перешли по предложенной ссылке, также являются особенности кода и восприятия сообщения: *звук помогает лучше понять смысл (аудиоряд добавляет нюансы, оттенки эмоций, интонаций и акцентов, помогающие лучше понять идею автора)* (54,8%), *привычка* (15,1%), *удобство, не нужно фокусироваться на чтении (возможность прослушивать ролик, занимаясь другим делом (например, готовкой еды), освобождает взгляд и руки)* (22,6%), *облегчение понимания* (14%), *субтитры искажают информацию* (1,1%).

Вызывает интерес ответы на вопрос о типичных действиях, связанных с просмотром видеороликов: *слушание и чтение как виды речевой деятельности осуществляются одновременно* (61,1%) (Рис. 3.3.6).

К причинам выбора кода при ознакомлении с содержанием коротких роликов в ВКонтакте, Youtube студенты в большей степени относят экстралингвистические факторы (*зависит от обстановки* (43,9 %), *Не хочу, чтобы другие слышали то, что я смотрю* (13,2 %)), привычка (*Привык смотреть ролики со звуком* (43 %)), удобство (*Удобнее слушать то, о чем говорится в ролике, а не читать субтитры* (25,4 %)), скорость (*Включаю звук, потому что быстрее послушать,*

а не прочитать (11,5 %), Читаю субтитры, потому что быстрее прочитать содержание, чем слушать (7 %)). Популярным ответом также является Включаю звук и читаю субтитры одновременно, чтобы лучше понять содержание ролика (39,5 %), который иллюстрирует выбор одновременно обоих кодов. Студенты также предложили свои ответы: Чаще всего могу смотреть без звука, т.к. привычка возникла с рождения детей (0,9 %); в наушниках (0,9 %); если дома – то включаю звук, если в общественном месте, то зависит от наличия при себе наушников (0,9 %) (Таблица 3.3.5).

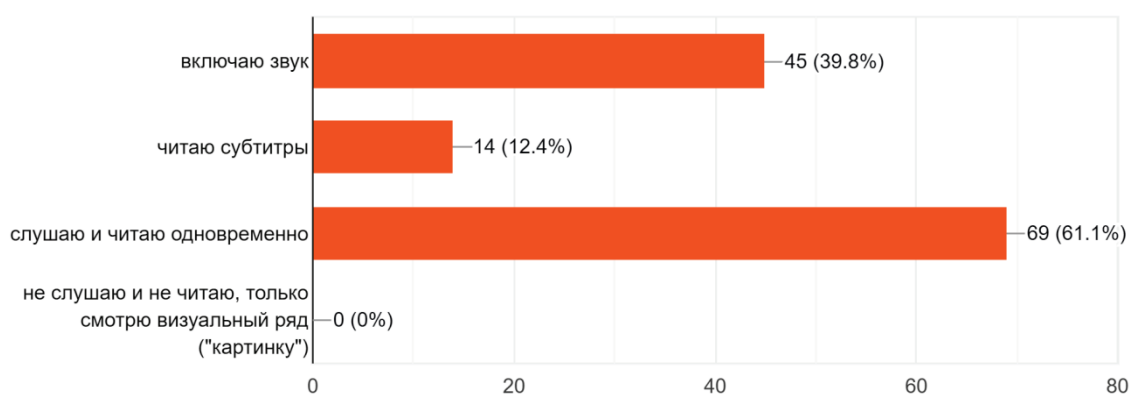


Рис. 3.3.6. Распределение ответов на вопрос «Как вы обычно знакомитесь с содержанием коротких роликов в ВКонтакте, Youtube и пр.: смотрите и слушаете их или читаете?»

Таблица 3.3.5

Распределение ответов на вопрос «От чего зависит Ваш выбор?

Укажите причины (можно несколько вариантов ответа).

Если в перечне нет подходящего ответа, напишите свой вариант»

Варианты ответов	Общее количество ответов
Привык смотреть ролики со звуком	43%
Зависит от обстановки	43,9%
Включаю звук и читаю субтитры одновременно, чтобы лучше понять содержание ролика	39,5%
Не включаю звук, потому что не хочу шуметь, нахожусь в общественном месте	27,2%

Удобнее слушать то, о чем говорится в ролике, а не читать субтитры	25,4%
Не хочу, чтобы другие слышали то, что я смотрю	13,2%
Включаю звук, потому что быстрее послушать, а не прочитать	9,6%
Субтитры обычно не соответствуют тому, что говорится в ролике	8,8%
Читаю субтитры, потому что быстрее прочитать содержание, чем слушать	7%
Удобнее прочитать, чем слушать	5,3%
Другое	2,7%

Распределение ответов на вопрос «Если вы сначала читаете субтитры, включаете ли вы потом звук, чтобы прослушать то, о чем говорится?» (Рис. 3.3.7) иллюстрируют первичность – вторичность кода: для большего количества опрошенных субтитров как первичного кода достаточно для восприятия и понимания сообщения (51%), 41,8% студентов включает звук, чтобы еще раз прослушать то, о чем было прочитано.

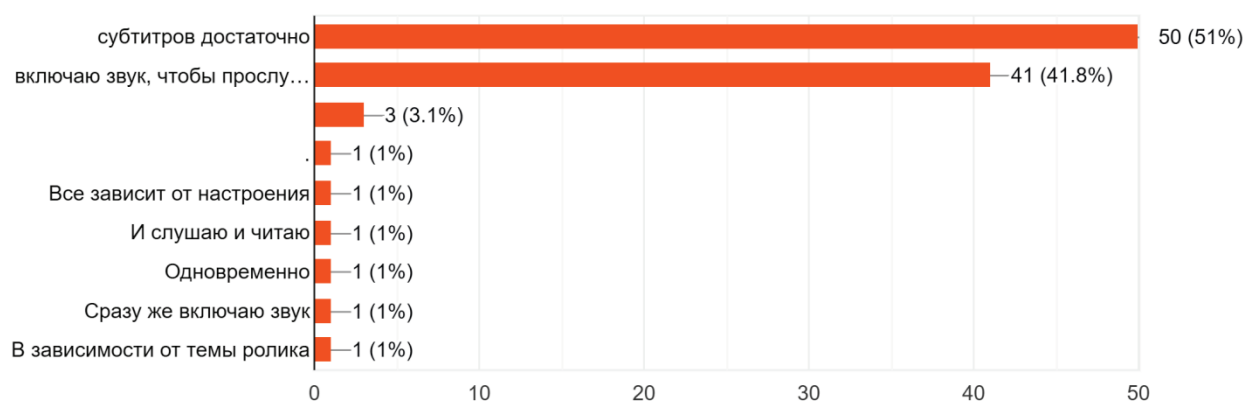


Рис. 3.3.7. Распределение ответов на вопрос «Если вы сначала читаете субтитры, включаете ли вы потом звук, чтобы прослушать то, о чем говорится?»

Ответы также были дополнены: *все же отмечу, что зависит от ситуации и важности (имею в виду, как смотреть ролик: только с субтитрами или со звуком и с субтитрами). Например, когда укладываю ребенка спать, то смотрю исключительно без звука, читаю только субтитры. Если ролик сильно заинтересовал, является важным, то сохраняю в «избранном» и переслушиваю потом со звуком, но все равно глазами читаю субтитры); Буду ли я включать звук – зависит от ситуации. Если это социальные сети, которые содержат в себе «истории», где так же люди накладывают субтитры, то зависит от того, кто на экране; Иногда в роликах музыка громче голоса, иногда голос плохо слышно из-за некачественного аудиомонтажа.*

Следующий комментарий студента, как нам кажется, иллюстрирует тенденцию к одновременному обращению к двум кодам (чтению субтитров и прослушиванию голоса в субтитрах) (Таблица 5): *Я вообще автоматически читаю любой текст, которые мне попадает на глаза, даже если это вывески на магазинах в центре города, где я живу уже несколько лет. Это не столько моё желание, сколько неосознанное действие.*

Таким образом, проведенное исследование, направленное на изучение соотношения графического (письменного вербального) и аудиального (звучащего вербального) семиотических кодов, позволило подтвердить тенденцию если не к смене первичности и вторичности кода, где первичным становится именно графический (напечатанный) вариант, то по крайней мере усилением его значимости в современной интернет-коммуникации в студенческой среде. Мы видим, как сложившаяся система «устный – письменный», где письменная форма являлась вторичной, претерпевает изменения: вербально-визуальный канал передачи информации усиливает свои позиции.

3.4. Поколенческая теория и молодежные Интернет-сообщества: «эстетическая власть»

В современную цифровую эпоху видеоигры, на наш взгляд, постепенно утрачивают свой трансгрессивный характер из-за плотного взаимодействия с различными социальными системами, вбирая их в себя. В то же время происходит и обратный процесс, когда уже общество принимает видеоигровые формы в качестве легитимных для использования.

Исследователи все больше проявляют интерес к молодежной культуре, которая возникла в новой антропологической реальности цифровизации. Цель этих исследований – предсказать будущую парадигму и использовать молодежь как контрольную группу людей в цифровых трансформациях. Главная особенность парадигмы в том, что она выступает единственной реальностью для ее обитателей, именно из парадигмы формируется дискурс.

Дискурс современной молодежи, как видится, связан с теорией поколений. Теория Штрауса и Хау предполагает, что люди одного поколения обладают схожими чертами, поскольку развиваются в одинаковых исторических условиях, что влияет на ценности и поведение¹. Для нас это не что иное, как цифровизация. Если поколение конца 90-х – начала 2000-х годов застало развитие цифрового пространства, то поколение 10-х уже родилось в сформированной интернет-среде, такой, какой мы ее знаем. Молодежь сталкивается с «занятостью ниш» в реальном мире, где экономические, социальные и культурные пространства контролируются старшими поколениями. Интернет становится альтернативным новым пространством, где молодое поколение экспериментирует с идентичностью, создаёт новые культурные коды, создаёт или находит сообщества, соответствующие их интересам. Философ и публицист Макаров

¹ Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1 (3). С. 78–85.

А.И. в своём интервью назвал позднее поколение «людьми потустороннего мира» и «бесчувственными романтиками», поскольку они предпочитают «онлайновый иной мир», и больше увлечены погоней за знаниями и впечатлениями, чем материальными ценностями¹. Согласно его расширенной теории поколений, молодые люди выбирают для своего развития и становления Интернет-пространство, поскольку реальность остается захваченной, по сути, их старшими предшественниками, которые не слишком охотно делятся этими привилегиями.

Современные государства пытаются разными способами привлечь оторванную от реальности молодежь к политической активности. Для этого они пробуют говорить на их языке, создают агитирующие «мемы», внедряют тысячи ботов на популярные молодежные интернет-платформы. Учитывая своеобразную геронтократию властных институтов, можно сказать, что поколенческое противостояние теперь переходит и в Интернет, поскольку «старшие» не хотят отдавать столь «сладкий кусок пирога». В данной работе вводится термин «нуминозная эстетика» и делается попытка создать теоретический образ «эстетического государства» как идеальной модели для привлечения молодежи в политическую жизнь.

Левада Ю.А. в своей статье описывает механизмы смены поколений, где делит поколенческие группы на «закрытые» и «открытые»². «Открытые» системы полагают ротацию её членов свободно, но «закрытые» системы являются «кастово-замкнутыми», где ротация, скорее, случайна, обусловлена физической смертью или радикальными социальными изменениями. Такие «закрытые» общества условно можно назвать «гностическими», поскольку там крайне важным является наличие особенного, ключевого, формообразующего знания её

¹ Поколение Z подготовлено к миру, которого уже нет – философ Андрей Макаров. URL: <https://moskvichmag.ru/lyudi/pokolenie-z-podgotovleno-k-miru-kotorogo-uzhe-net-filosof-andrej-makarov/> (дата обращения: 19.04.2025).

² Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). С. 8–13.

членов, а также жесткие межличностные связи. Можно предположить, что, со временем, любая поколенческая группа будет тяготеть к своему «закрытию», которая будет предвещать скорое вымирание этой группы в связи с полной ротацией населения. Это «закрытие» происходит в связи с сильным отрывом в понимании культурных кодов, тяготению к «пуританству» своего сообщества и попыткой защитить своё сообщество от влияния извне. Подобный механизм был описан Освальдом Шпенглером в отношении «заката» культур, когда «становящиеся» культуры превращаются в «ставшие» цивилизации.

Что касается Интернет-пространства, то понятие «поколенческих групп» здесь претерпевает метаморфозы. Одним из свойств Интернета вообще является его способность к «сгущению» времени и пространства – в сети события происходят быстрее и практически не зависят от расстояния. Поэтому ротация поколенческих групп происходит в несколько раз чаще – меняются «тренды», меняются платформы, уходят и приходят культурные коды. Для определения «закрытия» сообществ можно использовать сетевой неологизм «оукливание». Этим словом называют различные ограничения доступа к ресурсу, на котором происходит коммуникация поколенческой группы. К ограничениям можно отнести невозможность регистрации без приглашения от члена платформы и осуждение привнесения в обсуждение новых форм сетевой активности. «Оукливание» – это все методы для попытки сообществом сохранения своего статуса-кво, чтобы свободное, по сути – рыночное, конкурентное пространство не уничтожило их.

Одним из методов «оукливания», «закрытия» своего пространства от чужаков является продуцирование «гностического» знания. Молодежь, как поколение, выбравшее для своей индивидуации Интернет, стремится отринуть рутинные формы социальной практики в поисках знаний и впечатлений¹. Для этого могут создаваться новые сим-

¹ Кулакова А.Б. Поколение z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 6. С. 1–10.

вольные системы, группы и сообщества внутри многослойного виртуального мира. Цель молодого сетевого «актера» – изучение совершенно нового, неизведанного, рукотворного пространства. Для описания этих схем в рамках этой работы я введу термин «нуминозная эстетика». Почему эстетика? Потому, что отличительной характеристикой этих субкультур будет их внешнее проявление. Здесь присутствует ложная дихотомия того, что поколенческие группы в Интернете своими ценностями как-то отличаются от поколенческих групп вообще – главным является посторенние искусственных границ «окукливания», чтобы пережить культурную сетевую конкуренцию. Почему нуминозная? Этот термин был позаимствован из теории Рудольфа Отто, где одним главных критериев нуминозного является присутствие и ощущение некоторой тайны¹. Нуминозность противопоставляется профанной повседневности, где «божественная реальность знания» устанавливается как более реальная, чем повседневная рутина. «Нуминозная эстетика» предполагает создание образов, чтобы те несли в себе «гностический» характер, а владельцами знания могли быть только избранные члены закрытого сообщества. Особенностью «нуминозной эстетики» является крайняя сложность его внешнего описания, практически трансцендентность его природы. Тайнственность и событийность образов «нуминозной эстетики» привлекает тянущихся к знанию, как форме индивидуации, молодежи. Важно отметить, что эти формы знания могут иметь нулевую практическую ценность, главное, как было отмечено, это тайнственность как формат удержания сообщества. Подобным образом Морис Бланшо описывает один из способов такого удержания, и точно так же, «закрытое» сообщество обречено на уничтожение после кратковременного «экстаза» от тайного знания и эстетического наслаждения².

¹ Отто Р. Священное. URL: <https://predanie.ru/book/216242-svyaschennoe/> (дата обращения: 19.04.2025).

² Бланшо М. Неописуемое сообщество. URL: https://lib.ru/INPROZ/BLANSHO/soobshestwo.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 19.04.2025).

В процессе создания концепции «эстетического государства» нас интересует этико-эстетическая концепция Артура Шопенгауэра. Критикуя категорический императив Канта, Шопенгауэр предлагает использовать для нравственных поступков эстетическую мерку, связанную с его тотальным пессимизмом, где исключительно прекрасное может сплотить и связать людей перед существованием в «худшем из миров». Главным коммуникативным элементом для Шопенгауэра является понятие «сострадания», которое он развязывает от этики и нравственности¹. С помощью метаэтики необходимо продемонстрировать, что этика и эстетика имеют один общий референт, и что «добро и зло» это лишь синонимы к «прекрасному и безобразному» в духе древнегреческой калокагатии. Далее демонстрируется институциональное строение социальных институтов, берущих свое начало из этических норм. Согласно Ницше, мы видим, что изначально этика развивается из социального, а потом само начинает его трансформировать – например, так делает ресентимент, на котором по Ницше, устроена современная мораль². Для этого стоит обратиться к археологии власти Фуко.

Фуко, исследуя сложный и интересный феномен сопричастности этического и эстетического, находит совершенно удивительные проявления и традиции в ранней и поздней античности. Практика заботы себя, будучи выражением древнегреческой пайдеи, направлена на формирование индивида и гражданина. Пафос этой практики связан с непрерывным оборачиванием на себя, постоянным вниманием к жизни души в течение всей жизни. При этом мы можем встретить и другое толкование практики заботы себя – как духовных упражнений (П. Адо), что впоследствии практически было узурпировано христианской традицией. Но античность являет нам ясные рациональные смыслы эстетического отношения индивида к себе, к дому, к гражда-

¹ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. 2-е изд., испр. М.; СПб., 2015. 592 с.

² Ницше Ф. К генеалогии морали. URL: <https://nietzsche.ru/works/main-works/genealogia> (дата обращения: 19.04.2025).

нам, к больным и т.д. И такую практику даже сложно назвать индивидуальной. Вся античная культура выстраивалась как воспитание себя, поиск лучшего в себе, того, что никогда не было. Словом, это всё то, что творится непрестанно в течение всей человеческой жизни. Конечно, цель таких практик была связана с вопросами внутреннего содержания человека, но это внутреннее формирует и внешнее социальное – возможность и способность быть в социуме, быть гражданином. Таким образом, внутренняя гармония создает предпосылки социальной жизни. Фуко говорит про соразмерность, осмысленность, обращение к своей природе как про «искусства (или эстетики) существования» и подразумевает под ними «продуманные и добровольные практики, посредством которых люди не просто устанавливают для себя правила поведения, но стараются изменить самих себя, преобразовать себя в собственном особом бытии и сделать из своей жизни произведение, несущее в себе определенные эстетические ценности и отвечающее определенным критериям стиля»¹. Такой «эстетизм» Фуко имеет место не только для античной истории, но и в современной действительности, в которой для человека мыслится определенная модель жизни - «эстетика существования»². Взгляд Фуко обращен на всевозможные практики совершенствования себя как на воспитание добродетели, что проявляет себя как эстетический феномен, но глубинный смысл все-таки связан с воспитанием гражданина.

Аналитический философ Джордж Мур называет одинаковые начала у этики и эстетики в виде простых дефиниций. То есть, по Муру, «добро» или «прекрасное» это простые дефиниции, которые мы

¹ Фуко М. История сексуальности. Том 3. URL: https://lib.ru/CULTURE/FUKO/fukosex.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 19.04.2025).

² Гаджикурбанова П.А. «Духовные упражнения» или «забота о себе» (стоическая этика в интерпретации П. Адо и М. Фуко). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnye-uprazhneniya-i-zabota-o-sebe-stoicheskaya-etika-v-interpretatsii-p-ado-i-m-fuko> (дата обращения: 19.04.2025).

не можем разложить, прямо как понятие «желтый»¹. Конечно, мы можем выделить, какой спектр лучей ответственен за желтый цвет, но мы не видим эти лучи, а воспринимаем только сам цвет, кроме того, существуют дальтоники, для которых понятие «желтого» отличается от здорового взгляда. Поэтому, такие высказывания, как «удовольствие это добро» или «пластика – это прекрасно» можно расшифровать только как «добро это добро» и «прекрасное это прекрасное», то есть как тавтологии. Поэтому основы этики и эстетики являются интуитивными.

Джордж Мур говорит, что у этики есть два слоя, недоказуемый (интуитивный) и аргументативный (то, где может работать логика). Получается, что у эстетики также есть два этих слоя – интуитивное понятие красоты и аргументация, например, критика искусства. Но, по Муру, то, что отличает этику – это оценка поведения. Если применить подобное к эстетике, что необходимо, когда мы говорим о проекте социальных институтов, то мы получаем из такого понимания эстетики просто новую этику. Это может порушить нашу теорию о принципиальной непрескрептивистской эстетике.

Русский писатель и мыслитель Лев Николаевич Толстой в своем эссе «Что такое искусство?» приходит к подобным выводам. Он пишет, это эстетика является социальным институтом изначально, что выражается в театрах, выставках и музеях. Ради искусства тратятся огромные средства, обучаются люди, причем Толстой утверждает, что эстетические практики их травмируют, поскольку делают их неспособными к настоящей жизни вне богемы. Он тщательно перечисляет известные ему эстетические теории, и каталогизирует их в два вида: те, что возводят эстетику туда же, куда и этику, к единому знаменателю Бога, Духа или Воли – объективные теории, и те, что отделяет эстетику в область исключительно чувственную – субъективные теории. А поскольку объективное, это субъективное со свойством всеобщности,

¹ Мур Дж. Принципы этики. М., 1984. 327 с.

Толстой констатирует их единообразие и одновременно полную невозможность точно сказать, что такое этика и эстетика¹.

Таким образом, принимая к сведению метаэтический компонент, найденный ранее, мы предполагаем, что возможно построение социальных институтов, основанных не на этике, а на эстетике, то есть, мы строго разделяем власть и нравственность. Мы начинаем выводить коммуникативную модель, схожую со состраданием, из интересубъективности, основой которой служат идеалы эстетической повседневности, естественного эстетического чувства. Таким образом, предполагается возможность построения эстетической власти, которая имеет менее тоталитарные рамки благодаря естественному принципу самого чувства общности людей.

Нам следует рассмотреть область зарождения этики. Фридрих Ницше в работе «К генеалогии морали» связывает рождение эстетического с появлением ресентиментарного государства. Он описывает представляемое им время могущественной аристократии, где понятие «хорошего» принадлежало сильнейшим и ими сводилось к красоте силы. Слабые, превосходящие их числом, завладели термином «хорошего» и превратили его в «злое», как «овцы называют злым коршунов». Понятие «долга» и «чести» было образовано из ростовщических терминов долженствования, где в случае неуплаты должник лишался свободы, которая переходила ссудителю (ростовщику). Понятие «совести» Ницше называет «социальным внешним органом», который был искусственно создан государством для облегчения внешнего контроля, путем самоконтроля человека над своими поступками. Таким образом, само появление современной этики тесно связано с социальным и государством.

«Эстетическое государство», проектом которого мы озабочены, не должно возвращать нас к периоду воли сильнейшего, поскольку, из

¹ Толстой Л.Н. Что такое искусство? URL: <https://tolstoy.ru/online/online-publicism/chto-takoe-iskusstvo/index.xhtml> (дата обращения: 19.04.2025).

этих выводов мы находим, что сильнейший по роду будет всегда слабее объединенных слабейших, слабейших по своему положению в виду онтологической изначальной несправедливости.

«Эстетическое государство», построенное на «нуминозной эстетике», ставит себе цель контроля над разобщенными сообществами. Но, для этого должно использовать совершенно неконцептуализируемые приёмы. Такое государство способно одновременно удерживать гигантское количество групп, но оно не должно допускать их выделения в монокультуру, иначе произойдет дальнейшее их отслоение и отделение. Современные государства же хотят преодолеть этот разрыв, а не сохранять его. Хорошо это видно в падении метанарратива у Жан-Фарнсуа Лиотара, который заменяется полемикой мелких нарративов¹. Цели преодоления разрыва, такие как «справедливость» и «равенство» в эстетике осмысляются как невозможные, например, через трагедии и катарсис. Идеализирующее искусство, где, к примеру, представлен образ утопии всегда на самом деле является трагичным, из-за отсутствия этого «разрыва», а значит демонстрации нам полной бессмысленности. «Прекрасное», которое является нам, изначально не может быть вечным.

Этическое государство тотально, поскольку вводит некоторый метанарратив для легитимации своей власти. Например, оно может апеллировать к справедливости. В ситуации «нуминозной эстетики» этические государства теряют свои референты в глазах других нарративов. Другие, малые локальные нарративы теперь становятся равными бывшим метанарративам. Лиотар называет это новым язычеством. Этическое работает на локальных нарративах, если понимается неклассично, то есть в дискурсе того, что действительно прекрасно и безобразно, без отождествления безобразного со злом, а прекрасного с красотой. Термин язычества валиден из-за отсутствия легитимации единым монотеистическим богом, нуминозность понимается в рамках политеизма. Буквально теперь у каждого есть свой собственный индивидуализированный и эстетизированный кумир его личного общества и его личного знания.

¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб., 1998. 160 с.

«Эстетическое государство» – это место для прекрасных идолов «нуминозной эстетики», которые хранят в себе экзальтированное искусственное знание о виртуальном мире и впечатления, которые вместе с общечеловеческой социальной природой и высокими технологиями создают бесконечное пространство для индивидуации и социализации. «Эстетическое государство» владеет этим пантеоном богов, не выделяет из них главного, а создает поводы для консолидации разрозненных групп. Именно эстетическая теоретизация, нам кажется, может создать почву для нового прочтения антропоцентризма и практик себя, политики и теории культуры. Эстетика – это всегда критика, метафорическая деконструкция, в которой сохраняется антагонизм. Это приводит нас к самой невозможности модели «эстетического государства», но при этом эта модель как линза может метафорически пронять существующий уклад, перенести и обнажить его реальный смысл.

Далее происходит то, что описывает Жан Бодрийяр, и то, куда мы попытались зайти с точки зрения теории поколений. Этот «густой» и полный знания мир можно сравнить с феноменом «гиперреальности». То, что называют конфликтом поколений, здесь определяется как конкуренция за пространство жизни и индивидуации. Таким образом, само создание «гиперреальности» может быть обусловлено подобным поколенческим конфликтом. И в этой конкуренции, как было указано в самом начале, происходят своеобразные политические «операции», своеобразная «эстетическая власть», когда институты хотят сами использовать принцип «нуминозной эстетики» для контроля за сетевыми поколенческими группами, путём продукции соответствующих культурных кодов. Сетевые сообщества можно назвать тем самым «излишком», на котором стоит само социальное, и этот излишек, безусловно, следует уничтожить, если мы имеем в виду конкуренцию (не побоюсь этого слова – «волю к власти») как основополагающий принцип¹.

¹ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. 96 с.

ГЛАВА 4. ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ, МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ

А.В. Липатова, Р.Г. Минзарипов, Ю.В. Виноградова

4.1. Большие данные как инструмент оценки потребительских компетенций и практик молодежи

Искусственный интеллект в образовании (AIEd) является одной из ключевых технологических тенденций в сфере высшего образования. Об этом свидетельствует достаточно высокий уровень научной публикационной активности в области исследования потенциальных возможностей применения искусственного интеллекта в высшем образовании, который сконцентрирован по четырем основным направлениям: а) адаптивные системы и персонализация, б) оценка, в) профилирование и прогнозирование и г) интеллектуальные обучающие системы (ITS)¹.

Возрастание роли аналитики данных определяется тем, что информация становится стратегическим ресурсом в развитии общества нового типа благодаря возникновению и распространению цифровых технологий². В 2024 году объемы всех накопленных человечеством данных приблизились к отметке в 149 зеттабайт (1 зеттабайт = 10^{21} (секстиллион) байт), а до 2028 года эта цифра превысит 394 зеттабайта³. Ежедневно пользователи Интернета генерируют 5 квинтиллионов байт данных, в 2024 году объем глобального рынка инструментов

¹ *Zawacki-Richter O., Marín V.I., Bond M., Gouverneur F.* Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education – where are the educators? // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2019. Volume 16. Issue 39. P. 1–27.

² *Удовик В.Е., Селютин А.В.* Информационная революция и становление информационного общества // *Известия МГТУ*. 2011. №2. С. 263–267.

³ Volume of data/information created, captured, copied, and consumed worldwide from 2010 to 2023, with forecasts from 2024 to 2028 // Statista. URL:

аналитики Больших данных (Big Data) в логистике достиг \$7,77 млрд¹. Исследование поведения молодежи в цифровой среде становится высокотехнологичным, однако проблема заключается в уровне готовности внедрять новые методы и технологии в изучение молодежной аудитории. 38% опрошенных руководителей ИТ-подразделений из 150 российских компаний не работают с Большими данными². Большинство руководителей и бизнес-лидеров (79,8%) главным препятствием к работе с Большими данными называют не технологические ограничения, а барьеры, связанные с персоналом, корпоративной культурой и внутриорганизационным согласованием. Вместе с тем, опыт крупных мировых компаний показывает, что data-based подход позволяет более точно выстраивать стратегию, управлять рисками и привлекать новые аудитории. В данной статье мы предпримем попытку исследовать возможности внедрения инструментария Больших данных для понимания «точек приложения и роста» в сегменте изучения потребительских компетенций молодежи.

Большие данные как социально-экономическую категорию начали рассматривать в конце 2000 годов, уже в 2011 году этот термин стал активно распространяться и применяться в отношении работы с огромным информационным массивом³. Компания «PricewaterhouseCoopers» в 2010 году охарактеризовала термин «Большие данные» как совокупность данных с возможным экспоненциальным ростом, которые слиш-

<https://www.statista.com/statistics/871513/worldwide-data-created/>(дата обращения: 01.04.2025).

¹ Большие данные (Big Data): мировой рынок // TAdviser. 13.02.2025. URL: <https://www.tadviser.ru/> (дата обращения: 01.04.2025).

² Как российские компании будут работать с большими данными в 2022 году // Research by VK Cloud and Arenadata. URL: <https://cloud.vk.com/promopage/bigdata-issledovanie/> (дата обращения: 01.04.2025).

³ *Gandomi A., Haider M.* Beyond the hype: Big Data concepts, methods, and analytics // International Journal of Information Management. 2015. Volume 35 (2). P. 137–144.

ком велики, слишком неформатированы или слишком неструктурированы для анализа традиционными методами¹. Как показывает аналитика запросов по ключевому слову «Большие данные» в Google Trends, интерес к ним резко возрос с 2010 по 2015 годы и далее остается относительно-стабильным (Рис.1).

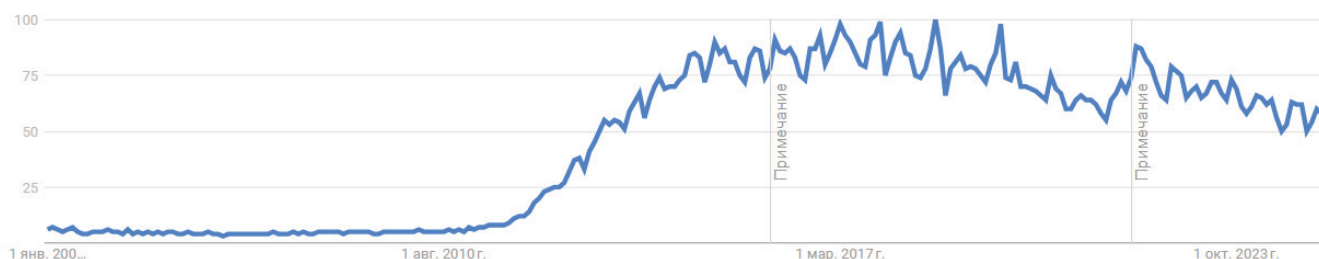


Рис. 4.1.1. Динамика запросов по Большим данным (Google Trends, мировая статистика, 2004-2025 гг.)

В научном и профессиональном сообществе растет понимание значимости применения Больших данных и интеллектуальных ресурсов в создании стоимости организации². Области исследования влияния Больших данных на сферу потребления концентрируется, в основном, в следующих направлениях:

– Большие данные описываются через свойства: объем, выраженный в терабайтах, петабайтах или зеттабайтах, нарастающую скорость генерирования данных и высокое разнообразие информации различного типа, что отличает их от простых структурированных данных³;

¹ Morrison A. Big Data: how to extract insights from it // Technology Forecast. 2010. Volume 3. P. 1–8.

² Li Y., Luo Ch., Dong L., Gui M. Data Asset Disclosure and Nonprofessional Investor Judgment: Evidence from Questionnaire Experiments // Mobile Information Systems. 2022. P. 1–8.

³ Kitchin R., McArdle G. What makes Big Data, Big Data? Exploring the ontological characteristics of 26 datasets // Big Data & Society. 2016. Volume 3(1). P. 1–10.

– Большие данные рассматриваются как инструмент аналитики, связанной с информационным менеджментом, в частности, их применение раскрывает возможности для стратегического планирования с учетом преимуществ и рисков¹;

– Исследуется влияние применения Больших данных для внедрения инноваций в производство и моделирование более эффективных бизнес-процессов и маркетинговой политики (рассматриваются как инвестиции и активы)², а также на развитие социальных практик и социальных процессов в обществе³.

В научной литературе исследование Больших данных связано с моделированием процессов: одна из основных концепций интегрирует возможности Больших данных в пятиэтапную цепочку создания стоимости (*virtual value chain – VVC*)⁴; вторая концепция основана на четырехуровневой системе *DIKW* (*data, information, knowledge, wisdom* – данные, информация, знания, мудрость). Подход *DIKW* позволяет проследить маршрут работы с информацией: от получения неструктурированных данных – самой нижней ступени иерархии до перевода их в контекст в виде готовой к интерпретации информации⁵.

Каждая из моделей предполагает применение инструментов Больших данных для выделения целевых групп и глубокого изучения потребительских характеристик (географических, социально-демографических, поведенческих, психографических и т.д.). Под решением потребительских задач в данном исследовании мы понимаем модель

¹ *Mouratidis I., Kamariotou M.I.* Big Data Strategy and Business Analytics: A Literature Review // *Operational Research in the Era of Digital Transformation and Business Analytics*. 2023. P. 171–178.

² *Janssen M., Voort H. van der, Wahyudi A.* Factors influencing big data decision-making quality // *Journal of Business Research*. 2017. Volume 70(1). P. 338–345.

³ *Erol S.E., Aksoy C., Sagiroglu S.* Social big data applications and challenges // *Concurrency and Computation Practice and Experience*. 2022. Volume 35(12). P. 1–22

⁴ *Miller H.G., Mork P.* From data to decisions: a value chain for big data // *IT Professional*. 2013. Volume 15(1). P. 57–59.

⁵ *Abbasi A., Sarker S., Chiang R.H.* Big Data Research in Information Systems: Toward an Inclusive Research Agenda // *Journal of the Association for Information Systems*. 2016. Volume 17(2). P. 1–25.

потребительского выбора между альтернативами с учетом заданных ограничений в виде экономических и психологических компонентов. Потребительское поведение и практики отличаются от места к месту, от страны к стране, от одного культурного контекста к другому, и в задачи маркетинга входит исследование данных категорий.

Несмотря на рост интереса к инициативам, связанным с Большими данными, понимание того, как потенциал таких технологий может повысить понимание молодежной аудитории, остается ограниченным. Рассмотрим, с какими сдерживающими факторами сталкиваются сегодня исследователи и практики при работе с Большими Данными:

– скорость и объем Больших данных, а также слабая осведомленность об их приложении к бизнес-процессам значительно превышают реальные возможности компаний и готовность инфраструктуры для их обработки (согласно данным агентства финансовой информации Bloomberg, лишь 20% компаний используют все собранные данные для разработки маркетинговой стратегии, а количество неструктурированных данных в мире превышает 90% от общего объема информации)¹;

– недостаток опытных ИТ-специалистов с компетенциями, необходимыми для научной и прикладной работы с Большими данными (согласно исследованию крупнейшего российского рекрутингового агентства HeadHunter (2024 г.), объём вакансий в ИТ-сфере растёт, причем это характерно как для мирового рынка труда, так и для российского, однако соискатели не спешат откликаться на предложения, которые не соответствуют их ожиданиям²), здесь важно подчеркнуть, что в ТОП-5 требуемых навыков ИТ-специалистов в России и Центральной и Восточной Европе входит анализ Больших данных³;

¹ Study Reveals Massive Incentive to Activate Unused Data // Bloomberg. 2022. URL: <https://www.bloomberg.com/press-releases/2022-05-05/study-reveals-massive-incentive-to-activate-unused-data> (дата обращения: 01.04.2025).

² Рынок труда в сфере ИТ 1 кв. 2024 года // HeadHunter. URL: <https://hhcdn.ru/file/17807046.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).

³ Building careers has become faster // Research Center of Superjob.ru portal. 2022.

– проблема выбора методик, технологического стека и программного обеспечения (проблема формулируется как выбор элементов из множества возможных решений: выбор системы управления базами данных, платформы и используемых фреймворков);

– ограничения, связанные с законодательными нормами, обработкой Больших данных, конфиденциальностью и приватностью данных, также вызывают трудности; сбор и обработка социальных Больших данных являются серьезным препятствием для реализации многих исследований.

Вместе с тем компании видят большой потенциал в применении Больших данных, в первой тройке – повышение эффективности и производительности, эффективное принятие решений и улучшение финансовых показателей (см. Таблицу 1).

Таблица 4.1.1

Преимущества, которые получают компании от использования аналитики Больших данных (MicroStrategy, 2020)¹

Повышение эффективности и производительности	64%
Более быстрое и эффективное принятие решений	56%
Улучшение финансовых показателей	51%
Выявление и создание новых продуктов и услуг, приносящих доход	46%
Повышение эффективности привлечения и удержания клиентов	46%
Улучшение потребительских практик	44%
Конкурентное преимущество	43%

Методология исследования основывается на комплексном подходе. На первом этапе были собраны и проанализированы техники и методы исследования Больших данных. Нами разработан сводный классификатор методов и технологий, которые сегодня представляют возможности для сферы маркетинга.

¹ The 2020 global state of enterprise analytics // MicroStrategy. 2020.

Прикладная значимость использования инструментария Больших данных продемонстрирована на примере анализа молодежных групп ВКонтакте с применением Аналитического сервиса автоматизированного парсинга и обработки данных для изучения цифровой социализации и цифровых практик в соцсетях (разработка КФУ)¹.

Эмпирическим материалом послужили виртуальные сообщества в социальной сети ВКонтакте, которые были классифицированы по двум группам (2 группы по 10 сообществ, n=20): в Группу I включены сообщества, ориентированные на продвижение молодежных брендов одежды (имиджевые паблики), в Группу II – сообщества, посвященные тематике моды и стиля (молодежные паблики по интересам).

Обоснование отбора виртуальных сообществ включало следующие критерии:

- объем подписчиков в каждой из групп от 2000 до 5000 пользователей;
- с периодом активности в 2 дня, возможностью пользователей размещать комментарии;
- соответствие первой группы имиджевых сообществ цели – продвижение бренда, позиционирование объекта потребления (ключевые слова: «бренд одежды», «бренд одежды для девушек», «дизайнерская одежда», «молодежная модная одежда»), в название включено наименование бренда;
- соответствие второй группы сообществ, посвященных теме молодежной моды и стиля, цели – информирование подписчиков о новостях в сфере модной индустрии, советы по стилю; облако ключевых

¹ Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2025615506 Российская Федерация. Программа парсинга и обработки данных для проведения исследований цифровой социализации молодежи в социальных сетях : заявл. 26.02.2025 : опубл. 05.03.2025 / Э. Р. Янгирова, К. А. Григорян, М. Ю. Ефлова, А. В. Липатова ; заявитель федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский федеральный университет».

слов относится к синонимичному ряду: «стиль», «тренд», «индустрия», «показ», «модная тенденция».

Выборка формировалась с помощью алгоритма автоматизированного поиска ВКонтакте, в финальный вариант эмпирической базы были включены виртуальные сообщества, имеющие публичный статус открытой группы, который подразумевает свободный доступ ко всей информации и самостоятельное вступление пользователя в группу. Всего были обследованы профили и активность 8637 пользователей, проанализировано 2630 постов и комментариев.

На третьем этапе методом парсинга производился анализ тональности постов и комментариев выбранных групп, составление облака ключевых слов, поиск пересечений между пользователями, полученные данные были визуализированы в виде графов. Все собранные данные являются открытыми и при обработке были деперсонализированы.

Результаты аналитики были сопоставлены с основным направлением, определяющим потребительские практики с учетом цифровой среды. Для оценки восприятия информации применялись медиаметрические показатели: индекс вовлеченности по репостам и реакциям, лайкам и просмотру поста (ER – Engagement Rate Reposts/Comments, LR – Love Rate, VR – View Rate); соотношение комментариев с позитивной, негативной и нейтральной коннотацией.

Исследование литературы и мировых практик обращения к Большим данным продемонстрировало широкую вариативность применения методов и техник, нацеленных на решение потребительских задач (Таблица 2). Однако каждый из них требует своего технологического стека и методологии под решение тех или иных задач, в том числе и с учетом кроссканального подхода. Как видно из сводных данных по инструментарию, гибкий подход к выбору и встраиванию технологии в стратегию решения потребительских задач позволит смоделировать поведенческую модель потребления.

Таблица 4.1.2

Классификатор техник и методов анализа, применимых к Большими данным, для решения потребительских задач

Техники и методы анализа, применимые к Big Data	Возможности для решения потребительских задач
Data Mining	определяет наиболее восприимчивые для продвигаемого продукта категории потребителей, моделирует прогнозы потребительского поведения
Краудсорсинг	определяют привлекательные характеристики продукта (в первую очередь, для запуска нового продукта) через сбор данных из большого количества источников
Интеграция данных	позволяет анализировать комментарии пользователей социальных сетей и сопоставлять с результатами продаж в режиме реального времени
Машинное обучение	технологии и алгоритмы самообучения осуществляют предиктивную аналитику управления сервисным обслуживанием и бизнес-процессами организации
Распознавание образов	позволяет выстроить систему быстрого поиска в большом массиве данных нужного товара по его изображению
Прогнозная аналитика	предлагает математическую модель прогноза сценариев поведения потребительской аудитории
Сентимент-анализ	распознает естественный язык человека и позволяет из большого информационного массива выделить потребительские интересы (а также оценить коннотацию суждения, эмоциональность и т.д.)
Техники и методы анализа, применимые к Big Data	Возможности для решения потребительских задач
Пространственный анализ	позволяет выделить пространственные предпочтения потребителей (территориальные точки, которые наиболее привлекательны для покупателей)
Визуализация аналитических данных	позволяет графически представить и интерпретировать результаты обработки больших объемов данных – в виде инфографики, диаграмм, анимации и т.д.
Сетевой анализ	позволяет выстроить сложную схему сетевой интеракции между узлами-пользователями в социальных сетях или сообществами в виде графов

В 2022 году лишь 16,5% российских организаций применяли технологии сбора, анализа и обработки больших данных (Big Data), что на 9,3 процентных пункта ниже, чем в 2021 году (25,8%). Такое резкое снижение связано с рядом структурных и внешних факторов, включая уход с российского рынка иностранных вендоров, разрыв логистических и технологических цепочек, а также общую неопределённость в условиях санкционного давления. Эти тенденции нашли отражение и в динамике рынка хранения и обработки данных: если в 2021 году его объём оценивался в 72 млрд рублей, то в 2022 году он сократился до 56 млрд рублей. Однако уже в 2023 году прогнозируется частичное восстановление – до 67 млрд рублей, что свидетельствует о постепенной адаптации бизнеса и государственного сектора к новым условиям.

Ключевыми драйверами восстановления выступают ускоренная цифровизация ключевых отраслей экономики (в первую очередь промышленности, финансов, здравоохранения и госуправления), а также активная государственная поддержка в рамках стратегии технологического суверенитета. Важную роль играет процесс импортозамещения: развивается отечественная ИТ-инфраструктура, создаются локальные решения для хранения и анализа данных, в том числе на базе отечественных СУБД и облачных платформ. Особое значение придаётся реализации национального проекта «Экономика данных», разработка которого находится на завершающей стадии (табл. 4.1.3).

На втором этапе анализ географических и демографических характеристик открытых и деперсонализированных профилей участников 20 виртуальных сообществ (n=8637) продемонстрировал преобладание женской аудитории (73-93%), в подавляющем большинстве проживающей в крупных городах с населением от 100 тысяч человек и выше (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Красноярск, Екатеринбург, Самара и др.). Данные более двух третей исследуемых профилей содержат информацию о возрасте от 18 до 35 лет, процент скрытых профилей в данных группах – от 49% до 61%.

Таблица 4.1.3

Удельный вес организаций РФ, использовавших цифровые технологии (в % от общего числа обследованных организаций)¹

Технологии	2020	2021	2022
геоинформационные системы	13,0	12,6	13,0
цифровые платформы	17,2	14,7	14,9
технологии сбора, обработки и анализа Больших данных	22,4	25,8	16,5
технологии искусственного интеллекта	5,4	5,7	6,6
«облачные» сервисы	25,7	27,1	28,9
Интернет вещей	13,0	13,7	10,0

Выявлено значительное отклонение между I и II группами виртуальных сообществ в индексе вовлеченности по постам, реакциям и комментариям (Таблица 4.1.4). Показатель ER Repost II в 4 раза превышает аналогичный индекс в группе I (0,01% и 0,04%), зафиксирована 10-кратная разница в показателях комментариев и реакций (0,001% и 0,01%; 0,03% и 0,3%). Вместе с тем индекс вовлеченности по просмотрам между двумя группами исследуемых сообществ имеет разницу лишь в 31%. Таким образом, интерес пользователей к просмотру постов на стене виртуального сообщества выше у группы II, где пользователи получают информацию в виде жанров социатива (заметки об интересных явлениях и событиях, например, о Неделе моды или о выходе новой коллекции у известного дизайнера), инструктива (советы по решению конкретной проблемы, например, по стилю или модному решению), аттрактивов (занимательные юмористические сообщения). Однако мы можем наблюдать тенденцию интереса пользователей и к контенту сообществ, нацеленных на продвижение бренда

¹ Использование цифровых технологий организациями в Российской Федерации, субъектах Российской Федерации и видах экономической деятельности (с 2003 года). Отчет Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>. (дата обращения: 01.04.2025).

в виде лаконичных рекламных постов (Группа I). Вместе с тем участники предпочитают не вовлекаться в обсуждения в виде реакций/комментариев, оставаясь в роли наблюдателя.

Таблица 4.1.4

Сравнение показателей по индексу вовлеченности по просмотрам, постам, реакциям и комментариям виртуальных групп

Исследуемая группа	LR	ER Reposts	VR	ER Comments
I группа брендовых виртуальных сообществ No 1-10	0,03%	0,01%	8,40%	0,001%
II группа тематических виртуальных сообществ No 11-20	0,30%	0,04%	12,20%	0,01%

Комментарии в Группе I имеют характер скорее нейтральных или положительных (их суммарный индекс равен 96%), в то время как в Группе II 18% оставленных пользователями комментариев к посту оцениваются как экспрессивные, эмоционально-окрашенные или негативные (82% нейтральных или положительных сообщений к посту). Наличие несогласия в комментариях является сигналом к вовлечению в прочтение новостей и повышению визуального внимания к информации и полю комментариев¹. Поэтому прирост объема комментариев в Группе II напрямую коррелируется с уровнем их экспрессивной и в некоторых случаях негативной окраской.

Пользователи из молодёжной возрастной группы демонстрируют открытость к знакомству с информацией о продукте, особенно если она представлена в формате, соответствующем их коммуникативным и эстетическим ожиданиям. Однако чисто рекламное сообщение с традиционной, шаблонной подачей – например, в виде прямого промо-

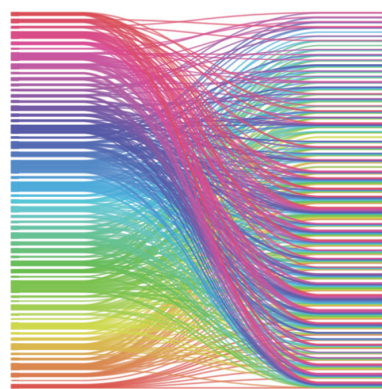
¹ Segesten A.D., Bossetta M. The Cueing Power of Comments on Social Media: How Disagreement in Facebook Comments Affects User Engagement with News // Information Communication and Society. 2020. P. 1115–1134.

текста с акцентом на цену, скидку или функциональные характеристики – снижает их вовлечённость и ослабляет мотивацию к взаимодействию, включая намерение совершить покупку. Это связано с тем, что молодёжная аудитория склонна воспринимать контент как часть культурного или идентификационного дискурса, а не как коммерческое предложение.

Анализ текстов, размещённых участниками в исследуемых виртуальных сообществах, позволил сформировать облако ключевых слов, в котором наиболее частотными лексемами оказались: «образ», «идеи», «выбрала», «идеальное», «хотела», «пальто», «юбка», «осень» и другие. Эти слова отражают не просто интерес к одежде как товару, но стремление к конструированию стиля, поиску вдохновения и личностной самореализации через моду. Таким образом, дискурс в молодёжных сообществах строится вокруг эмоционально окрашенных категорий, связанных с эстетикой, сезонностью, индивидуальным выбором и визуальной гармонией.



Пример графа пар общих виртуальных сообществ – Группа I (283 пары по 46 общим группам)



Пример графа пар общих виртуальных сообществ – Группа II (413 пар по 56 общим группам)

Рис. 4.1.2. Примеры графов общих виртуальных сообществ для каждой пары пользователей

Высокий уровень совпадения выявлен по сообществам – новостным агрегаторам, а также по смежным с модной индустрией тематикой: красота, фитнес, макияж, интересные факты из мира шоубизнеса и т.д. Визуализация сетей и выделенные узлы пересечений позволяют выявить потребительские предпочтения молодежи, которые лежат вне контекста исследуемого сообщества. Также обращение к теории графов позволяет оценить влияние внешних эффектов на потребительские практики.

В данном исследовании были определены очевидные преимущества и возможности применения аналитики Больших данных, учитывая ограниченность применения data-based инструментария и необходимости его адаптации под запросы отдельно взятой компании. Показано, что исследование Больших данных позволяет не только осуществить сбор и аналитику данных, которые не подлежат традиционной ручной обработке, но также выявить неочевидные закономерности, которые в ходе интерпретации могут быть полезны для принятия управленческого решения. В ходе исследования были получены следующие выводы:

- Большие данные представляют ценный ресурс для исследования потребительских практик и повышения эффективности изучения потребителя; сценарии проведения исследования вариативны и зависят от поставленной задачи и поля исследования (в данной статье мы обращались к полю контента в социальных сетях);

- контент виртуальных сообществ является источником Больших данных, а собранный материал требует дальнейшей интерпретации и обработки для выявления мотивов, мнений и ожиданий потребителей, а также воспринимаемой ценностью;

- метрики вовлеченности пользователей, их интеракций и показатели общих интересов становятся основанием для выделения характеристик потребителя из молодежной возрастной группы и конструирования его социального портрета;

– формирование контента и семантического ядра влияет на визуальное внимание потребителя.

Дискуссионным остается вопрос формирования методологии и выборки с учетом ряда ограничений: ограниченности доступа к данным, более половины которых в социальных сетях могут носить закрытый формат, верификации информации, указанной самим пользователем на странице.

М.Ю. Ефлова, И.С. Глебова, А.М. Закиров

4.2. Сравнительный межпоколенческий анализ цифровой активности жителей Республики Татарстан

Цифровая активность населения становится все более значимым аспектом современного общества, оказывая влияние на различные сферы жизни, включая образование, работу, общение и досуг¹. В условиях стремительного развития информационных технологий и интернета, изучение цифровой активности различных поколений приобретает особую актуальность². Введение цифровых технологий в повседневную жизнь изменяет не только способы получения и распространения информации, но и формирует новые социальные практики и нормы³. В этом контексте особое внимание уделяется межпоколенческим различиям в использовании цифровых технологий, что позволяет выявить специфические особенности и тенденции в цифровой активности различных возрастных групп⁴.

¹ Gabdrakhmanova G. Is It Matters to Have a Higher Education for the Young People Behavior on the Internet? // *Vysshee Obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2024. Vol. 33, № 8-9. P. 123–139. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-123-139.

² Raffini L. "European Natives," Everyday Life, and the Digital Public Sphere. *The Communication Dimension of European Integration // The Communication Dimension of European Integration*. 2024. P. 45–62. DOI: 10.1007/978-3-658-45786-0_4.

³ Georgieva M., Mahmud S., Sabeva V., Tsanova M., Kitanovski V., Hauser P., Marzec-Balinow K. Research on current risks among young people as users of social networks // *Social Networks and Education*. 2024. Vol. 15, № 2. P. 88–102.

⁴ Arkhipov A.Ye., Yes'kov V.D. The theory of generations in marketing management: a retrospective-discursive aspect of the problem // *Sovremennyye tekhnologii upravleniya = Modern technologies of management*. 2020. № 3 (93). P. 14–25.

Цифровая активность включает в себя широкий спектр действий, связанных с использованием интернета и цифровых устройств, таких как смартфоны, планшеты и компьютеры¹. Эти действия могут варьироваться от простого поиска информации и общения в социальных сетях до более сложных задач, таких как онлайн-обучение, работа в облачных сервисах и использование сервисов на основе искусственного интеллекта². Изучение цифровой активности позволяет понять, как различные возрастные группы адаптируются к новым технологиям и как эти технологии влияют на их повседневную жизнь³.

В частности, рассматривается общая самооценка респондентов уровня своей цифровой активности. Также анализируются каналы получения и распространения информации, такие как социальные сети и мессенджеры, интернет-СМИ и тематические веб-сайты, телеканалы, радиостанции и печатные СМИ. Исследуются цели веб-серфинга, включая работу и бизнес, общение, образование, творчество, новости и аналитика, приобретение товаров и услуг, а также развлечение и отдых. Особое внимание уделяется направлениям, по которым респонденты чаще всего ищут информацию в интернете, таким как развлечение и хобби, наука и образование, культура и творчество, экономика и финансы, политика и государственное управление, техника и технологии, спорт и физическая культура, информационные технологии, медицина и здравоохранение, журналистика и СМИ, экология и сельское хозяйство, а также другие темы. Кроме того, изучается частота использования различных онлайн-сервисов, включая маркетплейсы, сервисы объявлений, облачные сервисы, видеоконференции, сервисы на основе искусственного интеллекта, такси и доставку еды.

¹ Glebova I., Alhasov Z., Zakirov A. Digital activity and literacy of youth in Tatarstan: Digitalisation prospects the regional socio-economic development // E3S Web of Conferences. 2023. Vol. 460. P. 02006. DOI: 10.1051/e3sconf/202346002006.

² Safari M.Ch., Wass S., Thygesen E. Digital technology design activities—A means for promoting the digital inclusion of young adults with intellectual disabilities // British Journal of Learning Disabilities. 2023. Vol. 51, № 2. P. 238–249. DOI: 10.1111/bld.12521.

³ Bikeeva M. Assessment of Digital Activity of the Population in the Context of the Theory of Generations // Statistics and Economics. 2022. Vol. 19, № 5. P. 25–34. DOI: 10.21686/2500-3925-2022-5-25-34.

Цель данной статьи заключается в проведении сравнительного межпоколенческого анализа цифровой активности жителей Республики Татарстан. Исследование направлено на выявление ключевых различий в использовании цифровых технологий между молодежью и старшими поколениями, а также на определение факторов, влияющих на эти различия. Основная задача статьи – предоставить комплексное представление о цифровой активности различных возрастных групп и предложить рекомендации для разработки стратегий цифровой социализации и повышения цифровой грамотности, что в итоге способствует снижению цифрового неравенства.

В данной статье приводятся результаты опроса, проведенного в рамках социологического исследования цифровой социализации жителей Республики Татарстан" в марте-апреле 2023 году на основе вероятностной (случайной) выборки, что позволило обеспечить репрезентативность результатов.

Для проведения исследования цифровой активности жителей Республики Татарстан была использована вероятностная (случайная) выборка, что позволило обеспечить репрезентативность результатов. В рамках исследования было опрошено 1554 респондента, охватывающих различные возрастные группы: 802 человека представители молодежи в возрасте 14-35 лет и 752 человека представители старших поколений (старше 35 лет). Анкета содержала 48 вопросов, охватывающих различные аспекты цифровой активности. В данной статье анализируются результаты ответов на 6 вопросов, касающихся различных аспектов цифровой активности.

Рассмотрим полученные результаты. На рисунке 4.2.1 представлены результаты ответов респондентов разных возрастных групп на вопрос о самооценке уровня цифровой активности. Вопрос был закрытым с возможностью выбора только одного варианта ответа.

На диаграмме представлены данные, которые показывают, что респонденты младше 35 оценивают уровень своей цифровой активности преимущественно как высокий (67%) и в существенно меньшей степени как средний (30%), а как низкий – всего 2% респондентов. При

этом респонденты старше 35 лет оценивают уровень своей цифровой активности скорее как средний (47%), а не на высоком (34%) или низком (12%) уровнях. Эти данные подчеркивают значительные межпоколенческие различия в самооценке цифровой активности. Молодежь, вероятно, более уверена в своих навыках использования цифровых технологий, что может быть связано с их более ранним знакомством с интернетом и цифровыми устройствами. В то время как старшие поколения, возможно, испытывают меньшую уверенность в своих цифровых навыках, что может быть результатом их более позднего вхождения в цифровую среду и меньшего опыта в использовании современных технологий. Эти различия подчеркивают необходимость разработки целевых программ и инициатив, направленных на повышение цифровой грамотности и комфорта в использовании цифровых технологий среди старших поколений.

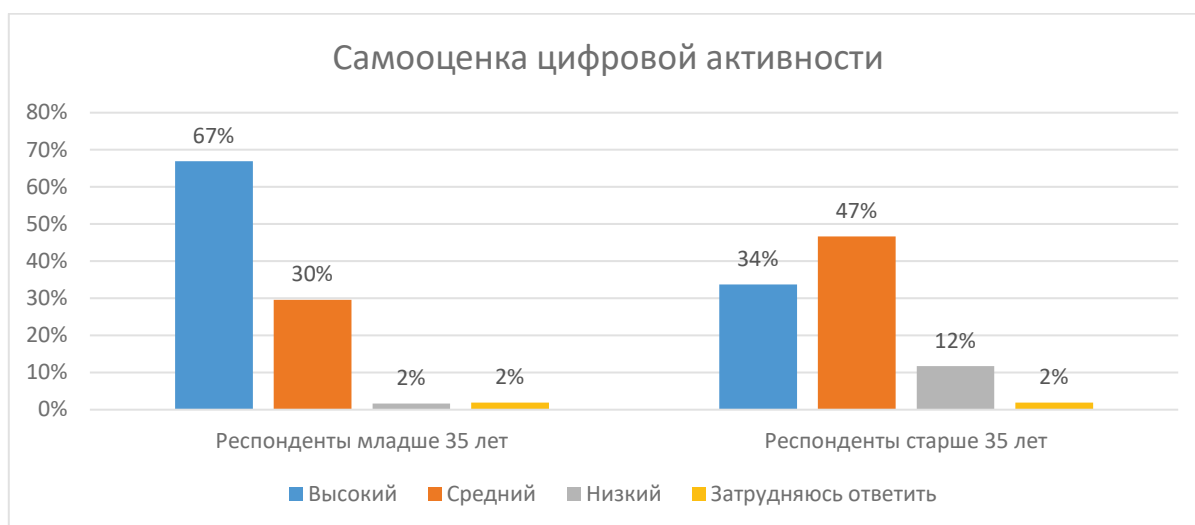


Рис. 4.2.1. Самооценка респондентами уровня цифровой активности

На рисунке 4.2.2 представлены результаты ответов респондентов в возрастном разрезе на вопрос о каналах получения и распространения информации. Вопрос закрытый с множественным выбором вариантов ответов.

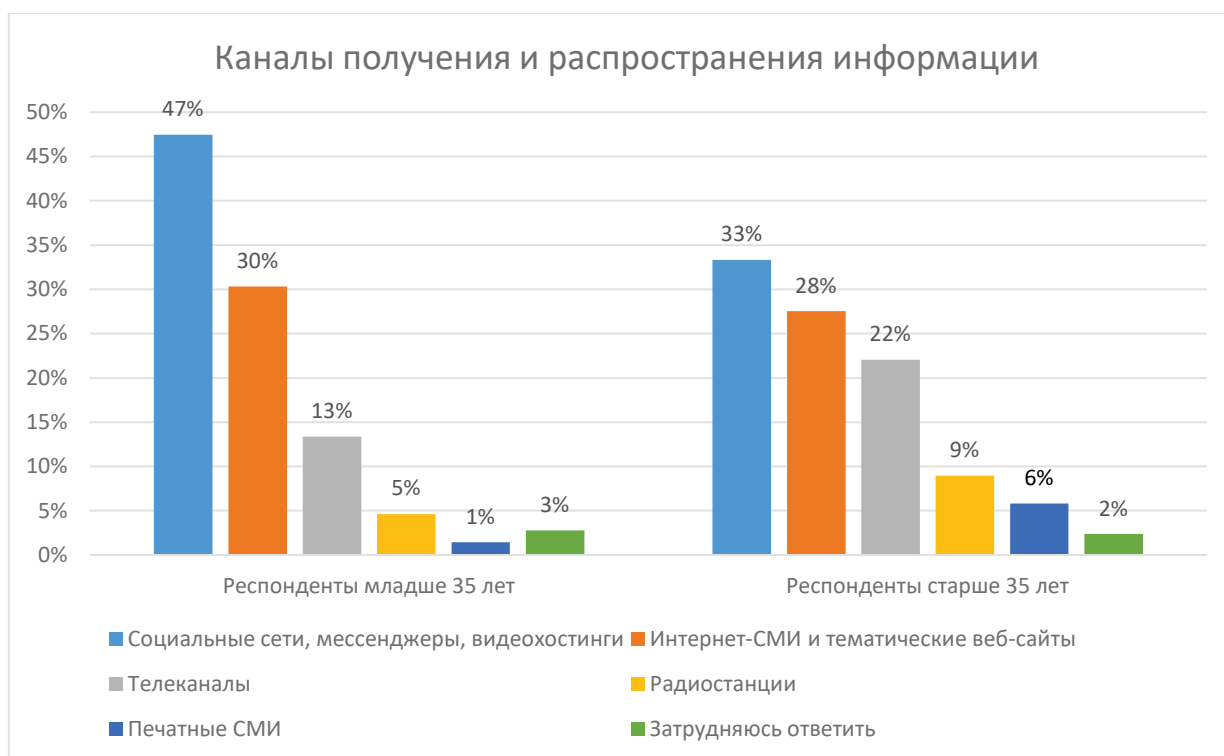


Рис. 4.2.2. Результаты ответов респондентов на вопрос о каналах получения и распространения информации

На аналитической диаграмме мы видим, что респонденты младше 35 лет чаще используют в качестве каналов получения и распространения информации социальные сети и мессенджеры (47%) и тематические веб-сайты с интернет-СМИ (30%), а не телеканалы (13%), радиостанции (5%) и печатные СМИ (1%). Респонденты старше 35 лет, напротив, в меньшей степени используют в качестве каналов получения и распространения информации социальные сети и мессенджеры (33%) и тематические веб-сайты с интернет-СМИ (28%), и соответственно чаще обращаются к телеканалам (22%), радиостанциям (9%) и печатным СМИ (6%). Эти данные подчеркивают значительные межпоколенческие различия в предпочтениях каналов получения информации. Молодежь предпочитает цифровые и интерактивные источники информации, такие как социальные сети и мессенджеры, что может быть связано с их более активным участием в онлайн-сообществах и стремлением к мгновенному обмену информацией. В то время как старшие поколения продолжают полагаться

на традиционные медиа, такие как телеканалы и печатные СМИ, что может быть обусловлено их привычками и доверием к этим источникам информации. Эти различия подчеркивают важность адаптации информационных каналов к потребностям различных возрастных групп, чтобы обеспечить эффективное распространение информации и снижение цифрового неравенства.

На рисунке 4.2.3 представлены результаты ответов респондентов в возрастном разрезе на вопрос о целях веб-серфинга (посещения и использования сети интернет). Вопрос закрытый с множественным выбором вариантов ответов.

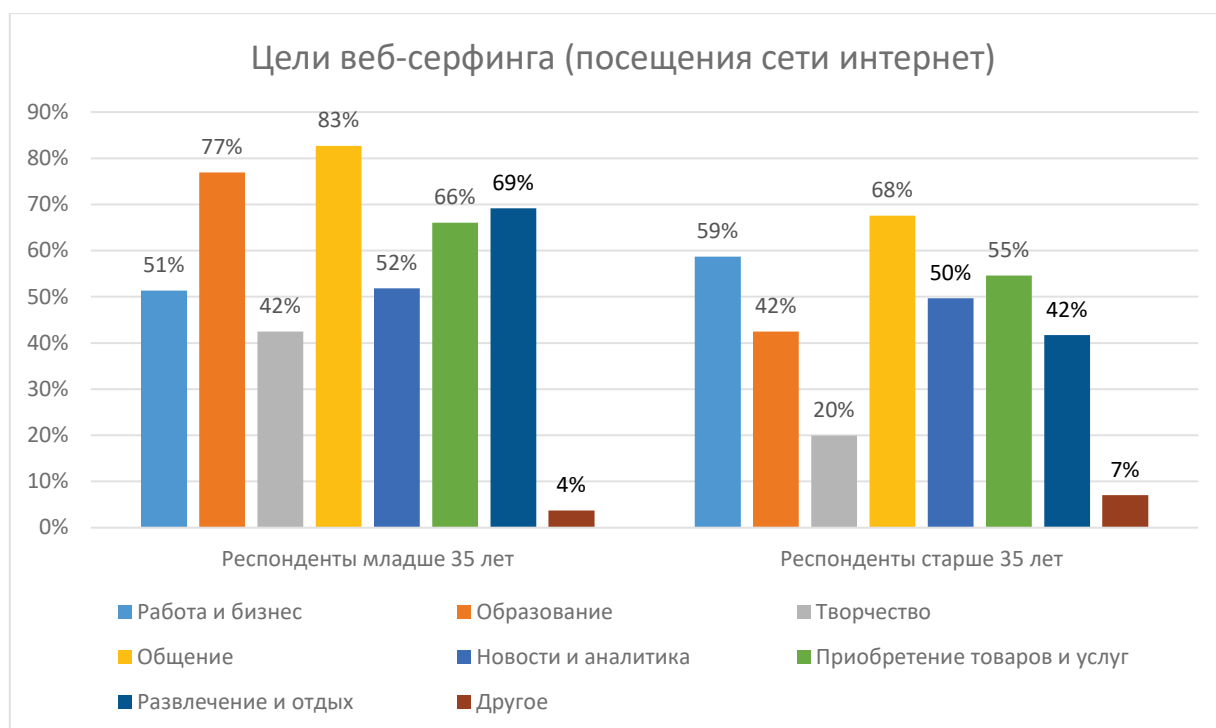


Рис. 4.2.3. Результаты ответов респондентов на вопрос о целях веб-серфинга

На диаграмме мы видим, что респонденты младше 35 лет часто используют интернет с целью общения (83%), образования (77%), развлечения и отдыха (69%), приобретения товаров и услуг (66%). В меньшей степени для молодых людей интернет интересен по направлениям новостей и аналитики (52%), работы и бизнеса (51%), творчества

(42%). Результаты для респондентов старше 35 лет отличаются от ответов для респондентов младше 35 лет. Так, у респондентов старших поколений общение (68%), работа и бизнес (59%), приобретение товаров и услуг (55%), новости и аналитика (50%), образование (42%), развлечение и отдых (42%), творчество (20%). Эти данные подчеркивают значительные межпоколенческие различия в целях использования интернета. Молодежь активно использует интернет для социальных взаимодействий, образования и развлечений, что может быть связано с их более активным участием в онлайн-сообществах и стремлением к саморазвитию и развлечениям. В то время как старшие поколения чаще используют интернет для работы и бизнеса, а также для получения новостей и аналитики, что может быть обусловлено их профессиональными потребностями и интересами. Эти различия подчеркивают важность адаптации онлайн-контента и сервисов к потребностям различных возрастных групп, чтобы обеспечить их эффективное использование и удовлетворение потребностей всех пользователей.

На рисунке 4.2.4 представлены результаты ответов респондентов в возрастном разрезе на вопрос «Как часто Вы пользуетесь следующими онлайн-сервисами?». Вопрос закрытый, с оценкой по шкале каждого из нескольких вариантов ответа.

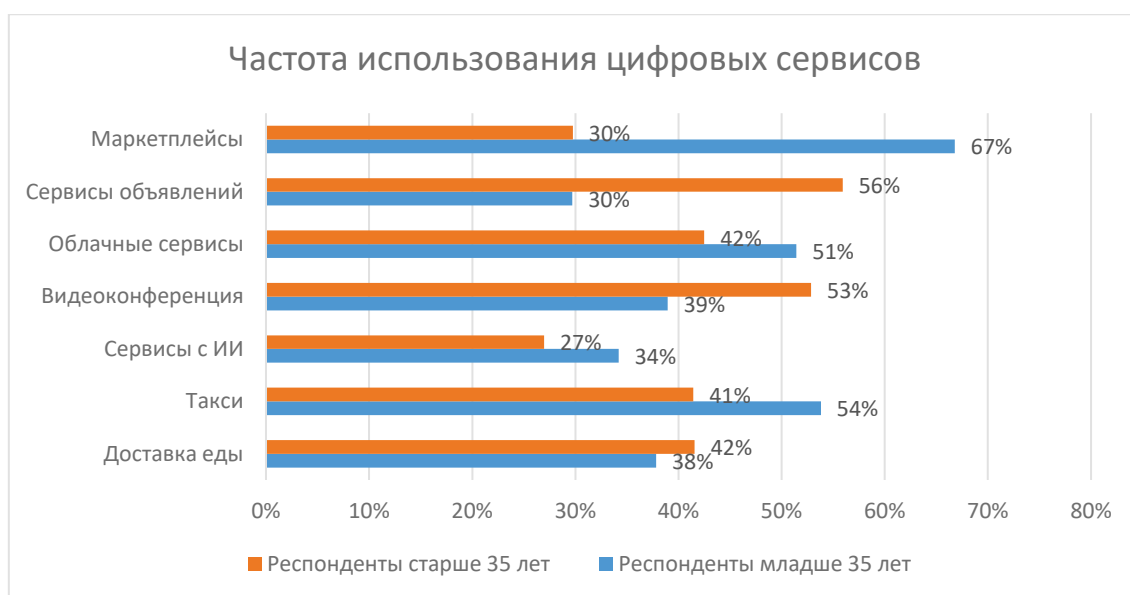


Рис. 4.2.4. Результаты ответов респондентов на вопрос о частоте использования цифровых сервисов (вариант ответа – часто)

Аналитическая диаграмма показывает, что респонденты младше 35 лет часто (выше 50% активность) используют маркетплейсы (67%), облачные сервисы (51%) и такси (54%). Частота использования этих сервисов респондентами старше 35 лет значительно ниже: маркетплейсы – 30%, облачные сервисы – 42%, такси – 41%. Эти данные указывают на то, что молодежь более активно интегрирует современные цифровые сервисы в свою повседневную жизнь, что может быть связано с их более высоким уровнем цифровой грамотности и комфорта в использовании новых технологий.

Респонденты старше 35 лет, напротив, часто используют сервисы объявлений (56%) и сервисы видеоконференций (53%). Частота использования этих сервисов респондентами младше 35 лет также ниже: сервисы объявлений – 30%, видеоконференции – 39%. Это может объясняться тем, что старшие поколения чаще используют интернет для профессиональных и практических целей, таких как поиск работы или проведение деловых встреч.

Респонденты разных возрастных групп одинаково не очень часто используют сервисы с искусственным интеллектом (младше 35 лет – 34%, старше 35 лет – 27%) и сервисы доставки еды (младше 35 лет – 38%, старше 35 лет – 42%). Эти данные могут указывать на то, что сервисы с искусственным интеллектом еще не стали повсеместно популярными среди всех возрастных групп, возможно, из-за их относительной новизны или сложности в использовании. В то же время, сервисы доставки еды, хотя и используются не очень часто, показывают схожую частоту использования среди разных возрастных групп, что может свидетельствовать о равномерном интересе к этому виду услуг.

Эти результаты подчеркивают важность адаптации онлайн-сервисов к потребностям различных возрастных групп. Для молодежи важно продолжать развивать и улучшать сервисы, которые они уже активно используют, такие как маркетплейсы и облачные сервисы. Для старших поколений важно разрабатывать сервисы, которые соответствуют их профессиональным и практическим потребностям, таким

как сервисы объявлений и видеоконференции. Кроме того, важно продолжать популяризацию и упрощение использования сервисов с искусственным интеллектом, чтобы они стали более доступными и понятными для всех возрастных групп.

Исследование цифровой активности жителей Республики Татарстан выявило значительные межпоколенческие различия в использовании цифровых технологий. Молодежь демонстрирует высокую цифровую активность и предпочтение цифровых каналов информации, таких как социальные сети и мессенджеры, а также активно использует интернет для общения, образования и развлечений. Старшие поколения, напротив, предпочитают традиционные медиа и используют интернет в основном для работы и получения новостей. Эти различия подчеркивают необходимость разработки целевых программ и инициатив для повышения цифровой грамотности и адаптации цифровых технологий к потребностям различных возрастных групп. Важно продолжать развивать и улучшать сервисы, которые уже активно используются молодежью, и разрабатывать сервисы, соответствующие профессиональным и практическим потребностям старших поколений. Это позволит снизить цифровое неравенство и обеспечить эффективное использование цифровых технологий всеми возрастными группами.

М.Ю. Ефлова, О.А. Максимова, Л.К. Нагматуллина

4.3. Динамика практик цифровой активности российской молодежи в контексте цифровой социализации

В настоящее время виртуальная среда, обладающая значительной силой воздействия на современную молодежь, определяет многообразие практик цифровой активности, реализуемых представителями молодых поколений в повседневном формате, что обуславливает актуальность и востребованность социологической диагностики данного

направления. Цель данного исследования состоит в выявлении специфики действий молодежи в глобальном информационном пространстве и определении мотивирующих факторов ее активного участия в онлайн-практиках. В условиях новой цифровой парадигмы, во многом определяющей жизненную орбиту молодых поколений, необходимо изучение всего спектра практик онлайн-активности молодежи в условиях ускоряющихся темпов цифровизации. В статье осуществлен поиск ответов на вопрос о том, какие практические действия следует предпринять для того, чтобы усилить роль цифровой среды в формировании поведенческих практик молодежи положительной направленности и полностью нейтрализовать, исключить определяющую роль интернет-среды в формировании их негативных форм.

Осознание особой роли и места молодежи в обществе, связано с оценкой и пониманием этой социальной группы как органичной части современного общества. Молодежь несет особую, незаменимую другими социальными группами, функцию ответственности за преемственность истории и культуры общества, жизнь старших и воспроизводство последующих поколений, и в итоге - за выживание народов как культурно-исторических общностей. Выполнение этой роли молодежью невозможно без научной проработки вопросов, связанных с выявлением и изучением механизмов, формирующих включение ее в жизнь социума.

«Молодежь не является саморазвивающейся системой, ее жизнь обусловлена существующими социально-экономическими и политическими условиями»¹. Поэтому изучение ее социализации всегда находится в поле зрения социологической науки и признается носящим вневременной характер. Актуальна эта проблематика и в контексте рассмотрения ее цифрового аспекта, позволяющего сконцентрировать внимание исследователей на такой форме социализации молодежи, которая в современных условиях информационного общества получила

¹ Руденкин Д.В., Руденкина А.И. Интернет в социальной реальности современной российской молодежи: тренды и риски // *Juvenis scientia*. 2019. № 1. С. 43–48.

у исследователей ряд названий, близких по своему смысловому значению - «цифровая социализация», «интернет-социализация», «информационная социализация» или «киберсоциализация».

С увеличением скорости освоения молодыми поколениями интернет-среды, все более ощутимо стало и ее усиливающееся социализирующее влияние на молодежь. В условиях изменения основ и моделей социализации под воздействием новых цифровых технологий, когда интернет-пространство не дополняет привычную молодежи с детства социальную реальность, а изначально становится одной из фундаментальных основ этой реальности, демонстрируя как положительные, так и отрицательные стороны влияния на молодежь, необходим регулярный, всесторонний анализ этого сложного процесса.

Цифровая социализация продолжает усиливать влияние стремительно развивающихся информационных технологий на процесс усвоения новыми поколениями норм, ценностей и образцов поведения. Две среды – реальная, и виртуальная, безусловно, в равной степени должны оказывать влияние на процесс социализации молодых поколений. Однако в современных условиях информационного общества это воздействие на молодежь, которая с каждым новым поколением демонстрирует нередко более активное прохождение даже первичной социализации в интернет-среде, нежели под воздействием института семьи, не всегда может рассматриваться как равнозначное, а зачастую больше смещающееся в сторону признания за диджитал-миром приоритета, его неограниченной самостоятельности в формировании норм и ценностей, присущих современному обществу. Глубина погруженности в цифровое пространство сказалась на социальном облике молодых поколений. Данный факт находит подтверждение в результатах многочисленных исследований. Интерпретация этих данных позволяет уловить основные тенденции в изменении мнений и оценок представителей различных социальных групп общества относительно вопросов цифровизации и искусственного интеллекта.

В современных условиях «очень важна обратная связь с обществом», особенно с молодежью – той частью отечественного социума,

на которую возложена миссия по обеспечению будущего развития. Поэтому без понимания характера цифрового поведения молодежи эпохи качественных технологических изменений, испытывающей сильное информационное воздействие, для которой цифровая среда стала неотъемлемой частью жизненного пространства и даже ее доминирующей зоной, изменившей основы и направленность процесса социализации, невозможна корректировка стратегий ее поведения в континууме информационного и реального социального пространств. От социальных действий, реализуемых молодежью в различных сферах общественной жизни, уровня их энергии и соответствия новым требованиям современной реальности, зависит будущее страны, ее способность противостоять множеству вызовов.

Этими обстоятельствами обусловлен сопоставительный анализ результатов двух репрезентативных социологических опросов, проведенных в 2021 и 2023 годах группой исследователей Казанского (Приволжского) федерального университета, при участии авторов статьи, по изучению поколений молодежи в контексте их цифрового поведения. Основой исследований стало онлайн-анкетирование отечественной молодежи с репрезентативной выборкой 2210 и 2206 чел. соответственно по годам. В качестве респондентов выступили молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет, сгруппированные на две возрастные группы – от 18 до 25 лет и от 26 до 35 лет. Из обследуемых представителей социально-демографической группы молодежи в первую волну 2021 г., женщин – 62,4%, мужчин – 37,6%, во вторую волну 2023 г., – 51,7% женщин и 48,3% мужчин. Критериями, определившими выборочную совокупность, стали показатели уровня образования, материальное положение, место проживания – в городах с разной численностью населения (от менее 50 тыс. жителей до миллиона), а также в селе и сельской местности.

Остановимся подробно на сопоставительном анализе данных, полученных в годы проведения исследований, а также на некоторых ис-

следованиях ВЦИОМ, результаты которых представляют возможность сделать выводы относительно наметившихся тенденций изменения практик цифровой активности современной молодежи.

Молодежь активна в использовании Интернета, переместив в его пространство различные виды социальных практик и, по данным, проведенного в марте 2021 г. ВЦИОМ исследования, готова отказаться от телевидения в пользу интернета. Такая поведенческая установка характерна для 69% молодежи в возрасте от 18 до 24 лет и для 48% 25-34-летних¹. Если очертить круг тех видов деятельности, которые реализуются молодежью с использованием интернет-среды, то в нем можно обозначить следующие: использование интернета для работы или учебы, просмотр фильмов, чтение книг, использование электронной почты для переписки, поиск необходимой информации, получение информации о событиях в стране и мире, общение с друзьями в чатах, форумах, социальных сетях, поиск друзей и людей, близких по интересам, ведение блогов, игра в компьютерные игры, совершение покупок. Данный список мог бы быть продолжен, что неудивительно, учитывая, что по данным того же ВЦИОМ, 71% молодежи в возрасте от 18 до 24 лет проводят в интернете более 4 часов ежедневно, аналогичным образом поступает и 41% представителей группы 25-34 летних. Наряду с этим, 26% из группы 18-24 летних пользуются интернетом ежедневно, но проводят там менее 4 часов в день, подобное количество времени проводят на просторах интернета и 45% опрошенных из возрастной группы 25-34 летних².

В сравнении с результатами нашего авторского исследования 2023 г., структура видов деятельности, осуществляемых молодежью в цифровой среде, в содержательном аспекте не претерпела существенных изменений, лишь только была расширена за счет добавления,

¹ Расширенная подборка данных ВЦИОМ к тематическому выпуску «Цифровизация и искусственный интеллект» (№ 3). URL:

https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1682875783&tld=ru&lang=ru&name=dateWCIOM_digitalization_10_2020.pdf&text= (дата обращения: 22.04.2025).

² Там же.

наряду с уже указанными, таких элементов как «пользуюсь электронными государственными услугами», «заказываю такси через мобильное приложение», «занимаюсь спортом онлайн», при использовании интернета в целях развлечения респонденты указали также «посещение онлайн-выставок» и «прослушивание музыки». Таким образом, сравнение данных двух исследований не обнаружило концептуальных расхождений в конфигурации основных видов поведенческих практик, реализуемых представителями молодых поколений в цифровой среде. Со всей очевидностью высветилась тенденция по сохранению, резко усилившейся в период пандемии COVID-19, онлайн-активности по следующим направлениям: работа, учеба, использование портала электронных услуг, занятия спортом онлайн. Период пандемии коронавирусной инфекции стал непредвиденным фактором, во многом изменившим не только мировоззрение людей, но и, кардинальным образом трансформировавшим поведенческие практики в цифровой среде.

В современных условиях представители молодежи в разной степени ощущают зависимость от интернета, неодинаково осознают последствия того, насколько поменяется их привычная жизнь в случае, если интернет исчезнет. Так, для 34% группы 18-24 летних респондентов, как неизбежным представлялся факт полного изменения жизни и даже искреннее непонимание ими того, как они будут выполнять повседневные действия без интернета. В группе 25-34 летних такое мнение свойственно для 19% опрошенных. Считают, что исчезновение интернета существенно изменит их жизнь, но они смогут приспособиться 41% и 45% респондентов (в возрастных группах 18-24 летних и 25-34 летних соответственно). При этом, для группы с возрастными характеристиками от 18 до 24 лет (22%) свойственно испытывать негативные ощущения, подавленность, тревожность если они оказывались на долгий срок без интернета. Среди информантов от 25 до 35 лет с подобными ощущениями сталкивались лишь 9%. А вот позитивные ощущения, радость, расслабленность при отсутствии интернета в равной степени одинаково (по 7% опрошенных соответственно) испытывали в обеих двух возрастных группах. Обращает на себя внимание тот факт, что

категория молодежи от 25 до 34 лет в большей мере осознает отсутствие катастрофичности в случае отключения интернета - только 19% в сравнении с 34% в более младшей возрастной группе. Старшие в меньшей степени подвержены негативным ощущениям, подавленности и тревожности в случае, когда на долгий срок оказывалась без интернета (9% против 22% в группе 18-24летних). Эта же группа меньшее количество часов проводила в интернете (41% и 71% соответственно среди проводивших в интернете более 4 часов и 45% против 26% пользующихся интернетом менее 4 часов в день). Данное обстоятельство возможно объяснить с позиции большей вовлеченности представителей старшей возрастной группы молодежи в реализацию семейных и профессиональных ролей в пространстве реальных социальных взаимодействий, что неизбежно ведет к уменьшению времени, проводимом в интернете.

С наступлением эпохи информационного общества сформировалось принципиально новое по своему качеству жизненное пространство, в котором молодежь, находясь под постоянным воздействием цифровой среды и испытывая на себе ее неотвратимое влияние, проходит все этапы социализации.

Несмотря на все значение цифровой среды в жизни молодых поколений, в исследовании, проведенном нами, обнаруживается, что при всем многообразии и разнопорядковости информации, черпаемой молодежью из интернет-пространства новостных сайтов, форумов, блогов, сайтов социальных сетей, разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми, осуществляемые в процессе непосредственного межличностного взаимодействия в реальной социальной среде, для них не менее существенны, актуальны, не отвергаемы и также воспринимаются в качестве источника информации. И данный аспект отмечает 52,3% наших респондентов, разрушая стереотипы относительно преимущественного влияния цифровой среды на формирование социального опыта у современных поколений молодежи, очередной раз подтверждая факт «уже давно происходящей конвергенции

офлайн- и онлайн-миров» на фоне сформировавшейся повседневной цифровой реальности [7].

С каждым годом уровень цифровых компетенций молодежи демонстрирует устойчивый рост. Стремительно нарастающая скорость цифровых трансформаций способствует приходу в информационное пространство новых поколений, отличительной чертой которых является цифровое мышление со свойственной ему интенсивностью приращения знаний в области информационных технологий. Неразрывная связь молодежи с цифровой средой, обыденность и естественность восприятия ее представителей в интернет-контексте на всех уровнях жизни, позволяет оценивать достаточно высокий уровень цифровой компетентности молодежи, в том числе, отмечаемый и самими ее представителями, что подтверждается ответами респондентов на вопрос онлайн-анкеты, когда опрашиваемых просили оценить уровень собственной цифровой компетентности. Так, если в 2021 г. 21,9% респондентов оценивали свои цифровые навыки как высокие, 38,4% как «выше средних», 35% – «средние», 6,8% – «низкие», то в 2023 г. числовые показатели принципиально изменились. Так, 41,5% респондентов отметили высокий уровень собственной цифровой компетентности, 49,2% оценили их как «выше среднего» и 6,6% посчитали уровень цифровых знаний и умений «средними» и лишь 2,7% «низкими». В данном случае очевидны существенные увеличения числовых показателей в ответах и явно выраженная тенденция на актуализацию спроса молодежи на овладение цифровыми компетенциями, обусловленная объективными требованиями современного цифрового общества.

В условиях увеличения объемов информации, исходящей из интернет-среды, многообразия цифровых информационных источников, расширения диапазона коммуникативных практик в цифровом пространстве, наблюдается продолжающийся рост показателей использования молодежью социальных сетей и мессенджеров, которые сами респонденты считают «удобным форматом коммуникации с минимальными затратами времени» и неуклонно наращивают интенсивность взаимодействия в информационном пространстве. По результатам

наших исследований, лидерами среди молодежной аудитории стали социальные сети ВКонтакте и TikTok, мессенджеры WhatsApp и Telegram. Используемые наиболее активно, они, в исследуемом периоде с 2021 по 2023 гг. продемонстрировали увеличение количества пользователей. Так, например, популярность социальной сети Tik Tok выросла с 26,4% в 2021 г. до 33,7% в 2023 г.; доля опрошенной молодежи, которая чаще стала задействовать в общении Telegram увеличилась с 60,8% до 84,4% соответственно по годам.

Действительно, множественность онлайн-платформ и приложений, существующих на рынке программных продуктов и постоянно демонстрирующих раскрытие функциональных возможностей, вызывает интерес у современной молодежи и неизбежно влечет за собой необходимость их освоения в целях интернет-общения, концентрируя представителей молодых поколений в цифровой среде. Для большинства молодых людей она стала также источником получения информации о значимых событиях общества и страны. В этом плане результаты исследований проиллюстрировали динамику изменения численности респондентов, предпочитающих получать информацию из интернета: если в 2021 г. форумы, блоги, мессенджеры, социальные сети являлись источником информации для 77,3% опрошенных, то по данным 2023 г. их количество увеличилось до 90,7%, обозначился рост и среди тех респондентов, кто предпочел цифровые медиа другим способам получения информации – от 73,6% на первом этапе исследования до 86,6% во вторую волну.

Жизнь современной молодежи наполнена проявлениями онлайн-активности, характеризуемой многообразием ее видов и форм, наиболее типичными из которых является использование цифровой среды в образовательных, трудовых, досуговых целях. Молодежь осуществляет общение в интернет-сетях и мессенджерах, реализует ежедневные быденные практики, задействуя интернет-средства, что, безусловно, увеличивает время, проводимое в информационном пространстве. Так, количество участников группы «постоянного онлайн», по данным исследований Всероссийского центра изучения

общественного мнения (ВЦИОМ) на июнь 2023 г. «отличает молодой возраст – 18-24 года», а в интенсивности потребления интернета в возрастных группах 18-24-летних и 25-34-летних наблюдается постоянная динамика в сторону роста, «но в большей степени – среди молодежи до 25 лет, где доля «heavy users» («заядлых пользователей») достигла 86%»¹.

Следствием данной ситуации вполне закономерно является наблюдаемое у молодежи предпочтение онлайн-формата взаимодействия в различных жизненных сферах, что также подтверждают данные нашего исследования 2023 г., в соответствии с которыми, участники опроса, определяя процентный показатель того, насколько их общение перешло в цифровую среду по шкале от 0 до 100%, отметили, что на 59,3% общение с родственниками, членами семьи проходит в интернет-пространстве; числовой показатель онлайн-контактов с друзьями несколько выше и составил 62,7%, а онлайн-общение с коллегами оценено на уровне 54%. Респонденты посчитали, что их взаимодействие с представителями государственных институтов (налоговые органы, госуслуги, врачи и пр.) на момент опроса соответствует 56,2%, а обсуждение информации о мире, о жизни, о стране, обществе и пр., осуществляемое в чатах, на форумах, соответствует показателю в 66%. При этом значимых различий в оценках респондентов, определяемых зависимостью приведенных числовых данных от пола, возраста, уровня образования, материального положения и места проживания по федеральным округам, в ходе дисперсионного анализа выявлено не было.

Вхождение молодежи в динамичную цифровую среду открыло новые возможности для развития коммуникативного взаимодействия, превратило онлайн-общение в неотъемлемый элемент практики повседневной жизни, определяющий специфику социализации молодых по-

¹ Цифровой детокс – 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него: аналитический обзор / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego> (дата обращения: 15.05.2025).

колений, но не исключив, при этом, взаимодействия в реальном социальном пространстве. У молодежи, согласно данным авторского исследования 2023 г., сохраняется тяготение к общению в оффлайн-формате, установлению непосредственной межличностной коммуникации и контактов. С разной периодичностью общаются «вне сети с людьми, с которыми познакомился в интернете», согласно данным авторского исследования, 61,6% опрошенной молодежи, знакомятся с людьми, которые подписаны на аналогичные онлайн-сообщества - 45,2%. Такая позиция респондентов свидетельствует о невозможности обесценивания ими реального социального мира, со свойственными ему специфическими формами и проявлениями, законами и свойствами, перед новой цифровой реальностью, часто воспринимаемой в качестве глобальной абсолютной ценности, а также прогнозируемом в дальнейшем отсутствии проблем с адаптацией в социумной среде.

Молодежь приходит к пониманию того, что нельзя заменить живое, личностно-непосредственное общение онлайн-коммуникациями, что и отмечает в своих высказываниях, указывая на то что, «Общение в реальной жизни более ценно» и «Приятнее общаться вживую», считая, что «Общение через интернет это - вообще не то» и высказывая предпочтения - «Я за живое общение», «Больше предпочитаю личное общение», и содержательно размышляя по вопросам обсуждаемой темы, высказывает эмоционально окрашенное суждение, резюмируя – «Утрачено живое общение, онлайн общение – это эрзац живого общения, оно не заменит его. А люди стали бояться общаться вживую. Это плохо». Действительно, имеющаяся в настоящее время возможность реализовывать различные поведенческие практики виртуальной коммуникации и осуществлять активное взаимодействие в двух пространствах – цифровом и реальном, позволяет рассматривать модель социализации, тесно объединяющую их как наиболее приемлемую на настоящий момент.

Как видим, наблюдаемое повышение значимости цифрового пространства в осуществлении коммуникационных связей, одновременно не свидетельствует о его исключительном предпочтении в отношении

реализации молодежью практик общения, а значит, сохраняется понимание роли реальной социальной среды в обогащении социальным опытом в процессе взаимодействия, признание ее в качестве неизменной основы социализации молодых поколений, источника их социальной активности.

Успешный процесс социализации индивида становится возможным в случае его активного участия в социально-значимой деятельности, приобщения к новому социальному действию и активизации индивидуальной инициативы, позволяющей рассматривать его не в качестве пассивного созерцателя, а субъекта общественных отношений, способного реализовывать системные решения, придавать импульс развитию. Реализация гражданских инициатив во все времена свидетельствовала об отсутствии социального равнодушия у молодежи к общественно значимым процессам. В современных условиях площадкой для выражения гражданской активности молодых поколений стало интернет-пространство.

Опрошенная молодежь ориентирована на практическое и деятельное участие в социально полезной деятельности на полях интернета. Поэтому, отвечая на вопрос относительно того, «Приходилось ли Вам за последние 2-3 года становиться инициатором каких-то коллективных действий?», дали положительный ответ следующее количество респондентов: 37,4% опрошенных «Решали чужую проблему», оказывали поддержку начинаниям других - 32,6%, они «Реализовывали какой-либо чужой замысел, инициативу», а 30,9% «Реализовывали свой замысел, инициативу». Относительно возможности «Решить проблемы в различных сферах нашего общества через активность большого числа людей в Интернете» мнения разделились в следующей числовых сочетаниях: 73,2% опрошенных дали положительно окрашенный ответ в отношении дел благотворительности, 58,1% указали на такую возможность в решении проблем экологии, 51,9% - сферы образования, для 51,6% респондентов такой областью стала медицина, 51,3% согласились с тем, что активность большего числа людей в ин-

тернет-среде позволяет отстаивать права и свободы граждан, что касается возможности решить проблемы в сфере международной политики, то опрошенные (56,7%) посчитали, что одной активности в информационном пространстве недостаточно, с чем в принципе, нельзя не согласиться. Усиливает позицию по данному вопросу и четкая уверенность респондентов в том, что, участвуя в различного рода гражданских активностях в интернете можно добиться желаемых результатов и «привлечь большее количество населения к гражданской активности», в этом уверены 60,5% респондентов. 74,1% опрошенных – преобладающая часть, твердо убеждены в возможности цифровой среды «повысить осведомленность граждан о проблемах общества», 45,2% считают, что можно «Решить проблемы общества, через воздействие на власть», а 40,1% - «Сформировать сильное гражданское общество». Инициатива, энергия молодежи, позитивные поведенческие практики сотрудничества, коллективное решение вопросов, реализуемые в цифровой среде, дополняемые убежденностью молодых поколений в безграничных возможностях интернета и активно ими задействованные в решении проблем, способствуют формированию качества личности с системой ценностных позиций и мировоззренческих установок, на уровне, позволяющем говорить об активно идущем процессе социализации.

Адресованный нашим респондентам открытый вопрос онлайн-анкеты относительно того, что им «приходилось делать в Интернете за последние полгода-год», позволил получить следующие ответы: опрашиваемые могут «Выдвигать инициативу», «Обращаться в онлайн-приёмные разных ведомств», «Обсуждать актуальные вопросы», «Участвовать в дискуссиях на различные темы», выразить свою гражданскую позицию, «участвуя в голосовании по политическим и общественно значимым вопросам», «находить программы помощи и единомышленников». Опрашиваемые уверены, что информационное поле «Предоставляет платформу для выражения своего мнения, информирует о происходящих в стране событиях» и «существует возможность

написать пост в соцсети, который увидят тысячи человек». Таким образом, цифровая среда в качестве действенной, динамической основы социализации, одновременно интегрирует в себе и стимулирует различные виды социальной активности молодежи.

Требуется анализа динамика онлайн-активности в отношении проявления гражданских инициатив, желаний решать как глобальные, так и локальные проблемы, используя ресурсы цифровой среды. С этой целью в онлайн-анкетах был предусмотрен блок вопросов, направленный на выяснение набора причин и практик гражданского участия, реализуемых молодежью в цифровом поле. Так, анализ результатов опросов двух лет продемонстрировал следующую динамику изменения мнений представителей опрошенной молодежи относительно причин проявления людьми гражданской активности в интернете: незначительно возросло число опрошенных – с 46,6% в 2021 г. до 48,4% в 2023 г., указывающих в качестве такой причины тот факт, что «объединение в реальной жизни занимает слишком много ресурсов». Одновременно уменьшилось количество ответивших, считающих, что «Интернет позволяет воздействовать на большее количество людей» с 60,5% в 2021г. до 53,6% в 2023г., а также тех, кто ранее утверждал, что «цифровые медиа способствуют более мощной и эффективной мобилизации людей» (с 40,6% до 32,3% соответственно).

Ощутимое падение числовых показателей зафиксировано и по количеству опрошенных, придерживающихся точки зрения, что проявление гражданской активности в интернете гарантирует безопасность с 50,3% в 2021 г. до 29,2% в 2023 г. Динамика ответов молодежи на данный вопрос, а также самостоятельно предлагаемые варианты ответов, прозвучавшие следующим образом: «Ритм современной жизни предполагает цифровизацию и ускорение темпов жизни, огромный поток информации окутывает людей, поэтому Интернет позволяет человеку обрабатывать данную информацию», «Так удобнее и экономит время», «Потому что это удобно и доступно», заслуживают внимания в контексте того, что молодежь, при усиливающемся на нее цифровом

воздействии, адекватно оценивает возможности интернет-среды, видит опасности из нее исходящие, фактически понимая, что при простоте, удобстве, скорости распространения информации в цифровом поле, не всегда можно обеспечить эффективность осуществляемых там действий. Поэтому только взаимосвязь активности в онлайн-среде с практиками реальной активности вне ее, основанная на взаимодополняемости двух сред – цифровой и реальной социальной, способна привести к достижению желаемых результатов по реализации гражданского активизма.

Современный цифровой формат взаимодействия предоставляет широкие возможности выбора молодежью способов инициации и реализации гражданских инициатив в соответствии с целями, жизненными предпочтениями, мотивами, мировоззренческими ориентациями и установками. В целях анализа наиболее приоритетных среди представителей отечественной молодежи и осуществляемых ими в цифровой среде, опрашиваемым был задан вопрос «Что Вам приходилось делать в Интернете за последние полгода-год?». Сравнительный анализ ответов на вопрос зафиксировал следующие тенденции: молодежь стала чаще вступать в группы партий / политических лидеров в социальных сетях: если в 2021 г. на это указали 28,1% респондентов, имеющих такой опыт, то в 2023 г. – 30,4% опрошенных; фактически не произошло изменений в отношении стремления молодежи высказываться по общественным и политическим проблемам в блогах, социальных сетях, на новостных сайтах: если в 2021 г. поступали так 45,7% респондентов, то в 2023 г. - 45,6%. Не уменьшилось и количество молодежи, вступающей в группы общественных (некоммерческих) организаций, инициатив по решению общественных проблем и помощи нуждающимся в социальных сетях (44,7% и 45,8% соответственно по годам). Причем желание оказывать помощь изъявляли как респонденты, оценивающие свое материальное положение как достаточно высокое, при котором они могут «позволить себе практически все» так и те, кто отметил, что «денег не хватает даже на самые необходимые продукты» (73,1% и 53,2% респондентов соответственно

с разным уровнем обеспеченности) и такая позиция, в соответствии с результатами опросов, выглядит достаточно устойчиво. Годы между двумя исследованиями не изменили мнения молодежи относительно активного соучастия в решении значимых социальных проблем, дальнейшей реализации практики поддержки нуждающихся в помощи людей, на уровне, доступном и понятном молодежи - в цифровой среде, подтвердив таким образом, не только активную гражданскую позицию молодых поколений, но и позитивный прогноз в отношении устойчивости их духовно-нравственного начала, не нарушенного информационным воздействием.

Цифровая жизнь молодежи с многообразием конфигураций онлайн-практик и предпочтений, умением представителей молодых поколений свободно ориентироваться в информационном пространстве, способствуют росту убежденных в том, что «действия пользователей в интернете могут менять мир». В 2023 г. доля респондентов, разделяющих данную точку зрения, составила 22,8% в отличие от 18,2% респондентов в 2021 г., признающих следствием активных действий в интернет-пространстве возможность влияния на социальную действительность. Несмотря на то, что динамика изменений мнений была незначительна и числовой показатель вырос всего на 4,6%, все же этим возможно объяснить существующую у молодежи уверенность в целесообразности проявления гражданской активности в цифровой среде. Среди факторов, также определяющих включение в онлайн-обсуждение и участие в решении проблем различных уровней – локального и глобального, наши респонденты отмечали «желание осветить свою позицию», причем показатель данного варианта ответа практически остался на уровне 2021 г. и составил 33,6%. Решающими моментами активного участия в онлайн-действиях по решению социально-значимых проблем общества опрошенные называли желание «добиться широкой огласки какой-либо проблемы», «опровергнуть ложную информацию». Числовой показатель данных ответов в 2023 г. также остался на уровне 2021 г. и составил 40,6% и 43,2% соответственно. Изменениям подверглись мнения респондентов относительно факторов

включения в онлайн-обсуждение, определяемых сугубо личными целями решения собственных проблем, а также близких людей, в связи с чем, число считающих наиболее значимым мотивом включения в онлайн-активность ситуацию, когда «проблема касается лично меня и моих близких» уменьшилось с показателя 48,6% в 2021 г. до 43,3% в 2023 г. при отсутствии зависимости ответов от пола, возрастной группы, уровня образования, материального благосостояния и места проживания.

Вопреки существующей критике молодых поколений, упрекаемых в наличии у них установок индивидуализма, прагматичности, ориентированности на собственный успех, достаточно заметна позитивная подвижка в изменении приоритетов молодежи в отношении сочетаемости личного и общественного. Стремление решать проблемы города, региона, страны, не оставаясь безучастным к происходящему в пространстве социума, подтверждая гражданскую заинтересованность и участие, стало более выраженным у молодых респондентов.

Молодежь четко заявляет о готовности проявлять гражданскую активность при необходимости решения различных проблем, задействуя знакомые и доступные ей средства интернет-среды. При этом ключевыми тактиками реализации гражданского участия, в представлениях молодых респондентов, являются «проставление «лайков» («мне нравится») под постом о проблеме», «подписание интернет-петиций», «перепост поста, сделанный другими пользователями на своей странице/своим контактам», «создание авторских постов/сообщений в социальных сетях», «создание постов для защиты прав потребителей/публичное разоблачение организаций, нарушающих такие права», «внесение/организация онлайн пожертвований для решения проблем». Диапазон распределения данных вариантов ответов определялся показателями в числовом отрезке от 60% до 15% от числа опрошенных в 2021 г., а в 2023 г. был расширен и находился в районе числовых значений 17,3% – 74,7%. И хотя высказывание одобрения в виде проставления «лайка» - «кликтивизм», как форма действенного средства ре-

шения проблем часто вызывает определенные сомнения и потому носит название «пассивный активизм», все же позволяет расширить охват информируемой аудитории, акцентировать внимание большого количества людей на проблеме и является неким стандартом цифрового поведения современной молодежи, который видится молодым поколениям наиболее эффективным, оказывающим поддержку высказываемым идеям, мнениям, инициативам, тем более, что они считают, что «все способы решить проблемы общества перешли в онлайн пространство, в оффлайн каналов не так много» (увеличение показателя с 17,9% до 31,3% в годы проведения исследований). Такая своеобразная форма соучастия современной молодежи в решении проблем обусловлена, в определенной степени, возрастными особенностями социальной группы молодежи, недостаточным опытом реальной жизни, позволяющим умело и творчески сочетать и задействовать при решении проблем как онлайн-среду, так и оффлайн-реальность. Поэтому только максимальное расширение круга молодых людей, вовлеченных в созидательную, полезную для общества деятельность, включенность их в деятельность молодежных организаций и движений страны, поддержание социальной активности средствами проектной деятельности, будет способствовать повышению уровня мотивации молодежи к участию в решении социально-значимых проблем не только в цифровой среде, но и в реальной социальной жизни.

К предпочтительным действиям в цифровой среде опрашиваемыми также были отнесены: «создание открытых «хранилищ» (онлайн-группы, форумы по теме) для совместного использования данных по проблеме», готовность «составить и выложить обращение к политику, знаменитости или другому влиятельному лицу для привлечения внимания к проблеме», но занявшие в иерархии вариантов ответов более скромные позиции. Причем, в контексте гендерного анализа ответов респондентов на вопрос о готовности к тем или иным действиям в цифровой среде в целях решения значимых проблем, большей активностью отличались женщины, чем мужчины, а также группа взрослой

молодежи в возрасте 26-35 лет., обусловленности ответов показателями уровня образования, материального, положения, места проживания, в годы проведения опросов установлено не было. В исследовании второй волны 2023 г. среди респондентов отметивших, что уже имеют определенный опыт участия в реализации подобных видов активности в интернет-среде и «готовых к такому опыту», количество последних по сравнению с результатами 2021 г. возросло, достигнув по некоторым из них показателя в 31,7%. Поэтому следует всячески поддерживать молодежь в отношении реализации ими в цифровой среде позитивных практик активизма, как политических, так и неполитических его форм, в сочетании с мероприятиями, проводимыми в рамках воспитательной работы, реализуемыми в оффлайн-формате и способствующими активизации стремления к гражданскому служению у молодых поколений.

Специфика цифрового поведения современной отечественной молодежи проявляется в отношении ее выбора способов быть услышанными в интернет-пространстве, желании донести свою позицию до большего количества людей, попытаться добиться ответной от них реакции. Так, не приемлемыми, с точки зрения наших респондентов, являются действия в цифровой среде, носящие вредительский характер и имеющие целью получение доступа к конфиденциальной информации человека и оказание воздействия на него. Поэтому, не одобряемым и не принимаемым является для участников опросов вариант решения проблем через осуществление кибератак. И согласно проведенным исследованиям, количество тех представителей молодежи, кто категорически не приемлет «хакерство в целях решения проблемы» и «оставление комментариев в рамках «атаки» на аккаунт политика или знаменитости для привлечения внимания к проблеме» увеличилось. Динамика изменения числовых показателей по данным вариантам ответов выглядит следующим образом: увеличение с 58,1% опрошенных в 2021 г. до 67,1% в 2023 г. не рассматривающих хакерство в качестве возможного метода решения проблем, с 49,3% до 55,4% соответственно по годам, не готовых осуществлять «атаки» на аккаунты.

Действительно, в современных условиях взаимодействие в цифровой среде должно быть основано на проактивных стратегиях цифровой культуры, в основе которых – умение определять приоритеты, уважать мнение других, не поддаваться импульсивным реакциям, не совершать действия, направленные против других людей, придерживающихся противоположной точки зрения, высокий уровень личностного самоконтроля, то есть поведенческие практики, не противоречащие как человеческим нормам, так и негласным правилам цифрового поведения. И отечественная молодежь в полной мере осознает недопустимость нарушения социально значимых поведенческих рамок в процессе реализации различных видов активности в цифровой среде.

Для каждого нового поколения молодежи ценность цифрового пространства все более набирает вес, становится местом сосредоточения интересов, устремлений, площадкой реализации инициатив. Поэтому чем выше созидательная активность молодежи, проявляемая на просторах цифровой среды в соединении и единстве с оффлайн-гражданским участием, тем более очевидной и ощутимой будет решающая роль молодежи в решении задач, стоящих перед отечественным социумом, а значит, более уверенной и оптимистичной будет перспектива завтрашнего дня страны в условиях необратимо изменяющегося мира.

В целом, можно констатировать, что процесс формирования ценностных установок и стратегий поведения молодежи, ее решений и действий, происходящий под влиянием множества факторов и оказывающий влияние на все аспекты жизни современного общества, в настоящее время во многом определяется тем, насколько эффективно он проходит и организован в цифровом пространстве социализации.

4.4. Креативные пространства и креативные индустрии: интерпретация понятий, классификация, регулирование

Современная эра, ознаменованная прогрессирующими технологиями XXI века, делает компьютеризацию повседневной частью жизни людей и общества в целом. Глобализация тесно связана с расширением и интенсивным применением современных информационных и компьютерных технологий. Однако, вместе с положительными аспектами, этот процесс влечёт за собой и отрицательные последствия, включая развитие психологической зависимости от компьютеров и возможностей, которые они предоставляют пользователям в глобальной сети.

В настоящее время государство уделяет большое внимание развитию креативных индустрий и пространств. Об этом свидетельствует принятие Федерального закона от 08.08.2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», по которому были установлены единые правила для всех креативных индустрий, а также определены виды и субъекты креативных индустрий. Так, согласно Федеральному закону от 8 августа 2024 года № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» креативной (творческой) индустрией считается «экономическая деятельность, непосредственно связанная с созданием, продвижением на внутреннем внешнем рынках, распространением и (или) реализацией креативного продукта, обладающего уникальностью и экономической ценностью»¹. Стоит отметить, что в данном документе также определено понятие «креативный кластер». Таковым считается «территория, на которой расположены объекты недвижимости и необходимая инфраструктура, используемые для осуществления деятельности субъектами креативных индустрий и иными лицами, деятель-

¹ О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080001> (дата обращения: 04.03.2025).

ность которых направлена на создание условий для эффективной деятельности субъектов креативных индустрий, и существуют условия для создания, продвижения на внутреннем и внешнем рынках, распространения и (или) реализации креативных продуктов и развития человеческого потенциала»¹. ООН, в свою очередь, предлагает классификацию креативных индустрий, включающую в себя четыре основных блока. Этой системы придерживается ЮНИДО в сотрудничестве с разными странами, в том числе при реализации проектов в российских регионах. К креативным индустриям относятся: отрасли, связанные с историко-культурным наследием (народные промыслы, ремесла, музейная деятельность); сферы искусства (театр, музыка, живопись, галерейная деятельность и др.); современные медиа и цифровой контент (кино, анимация, аудиопродукция, разработка ПО, VR/AR, видеоигры, СМИ, реклама и т.д.); прикладные креативные индустрии (архитектура, дизайн, мода, ювелирное дело, гастрономия и пр.).

При этом в мире отсутствует единое определение и общепринятая классификация креативных индустрий. Например, ЮНЕСКО использует термин «креативные индустрии», тогда как в Европейском союзе говорят о «культурных и креативных индустриях» (cultural and creative industries), а ВОИС – об «охраняемых индустриях» (copyright industries). В ряде стран сохраняется название «культурные индустрии» (cultural industries), в Южной Корее и Японии – «индустрия контента» (content industry). Эти терминологические различия приводят к неоднородным подходам в оценке общественного вклада креативных индустрий.

На основе классификаций зарубежных стран и исследований Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»²

¹ О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080001> (дата обращения: 04.03.2025). Статья 3.

² Картотека: креативные индустрии в России / НИУ ВШЭ; НЦМУ «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала». URL: <https://ncmu.hse.ru/news/494525404.html> (дата обращения: 04.03.2025).

для изучения проблемы было сформировано 11 видов креативных индустрий (См. Рис. 4.4.1):

- 1) Арт-индустрия (деятельность в области художественного творчества, деятельность коммерческих галерей, продажа произведений искусства и антиквариата через галереи);
- 2) Журналистика, реклама (деятельность в сфере связей с общественностью, деятельность рекламных агентств);
- 3) Дизайн, мода (изготовление текстиля, производство одежды, а также кожевенное дело и изделия из кожи);
- 4) Библиотеки, архивы, музеи;
- 5) Видеоигры (дистрибуция игровых и программных продуктов, проектирование и создание программного обеспечения, технологический консалтинг, управление и развитие интернет-порталов);
- 6) Телерадиовещание (радиоэфирное вещание, производство и трансляция телевизионного контента, сбор и распространение информации через новостные агентства);
- 7) Издательская деятельность (полиграфическое производство и сопутствующие услуги, выпуск печатной продукции, переводческая деятельность, специализированная розница: книжные и газетные киоски, магазины канцелярских товаров, торговля букинистической литературой);
- 8) Профессиональная фотография;
- 9) Кино и анимация (производство кино-контента и телевизионных программ, монтажные и компоновочные работы, дистрибуция фильмов и телепрограмм, кинотеатральный показ, аренда медианосителей (видеокассеты, CD/DVD-диски, грампластинки));
- 10) Музыка (производство музыкальных инструментов, звукозапись и издательство музыкальной продукции, организация концертов и исполнительских мероприятий, продажа музыкальных инструментов и нот в специализированных торговых точках);
- 11) Народные промыслы (производство изделий народных художественных промыслов).

Стоит отметить, что креативные индустрии представляют собой динамичный сектор экономики, объединяющий разнообразные виды деятельности, основанные на интеллектуальном труде, художественном творчестве и инновационных технологиях. Этот экономический сектор способствует созданию рабочих мест, сохраняет наследие и формирует современную культурную среду, трансформирует производство и дистрибуцию контента благодаря широкому спектру направлений.

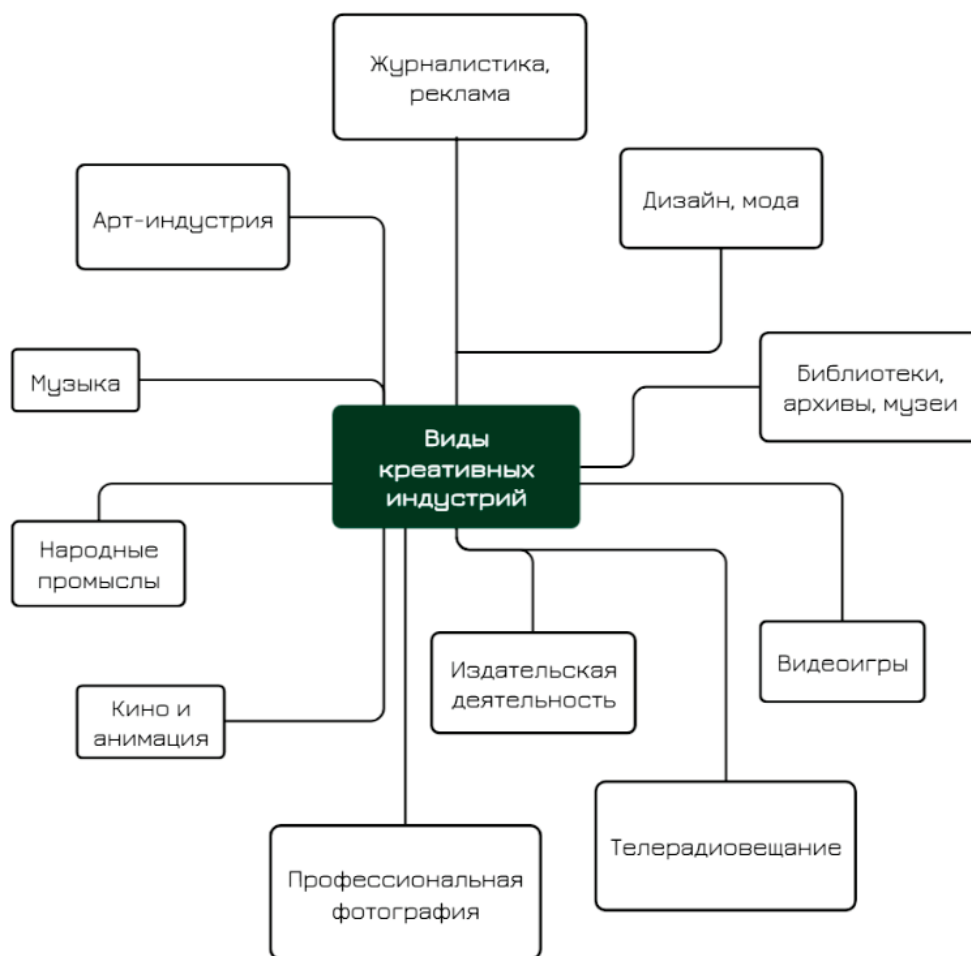


Рис. 4.4.1. Виды креативных индустрий

В рамках креативных индустрий необходимо рассмотреть креативные пространства как одну из сфер данного экономического сектора. Ценность креативных кластеров для молодёжи заключается в симбиозе технических инноваций, художественного творчества и де-

лового предпринимательства на одной территории. Для понимания феномена креативных пространств необходимо дать его чёткое определение. Однако исследователи часто сталкиваются с терминологической неопределённостью, поскольку в существующей научной литературе встречается несколько взаимосвязанных по смыслу и функциям понятий: креативное пространство, креативный кластер, творческое пространство, арт-пространство. Объединяющим для всех этих терминов, безусловно, является понятие креативности.

Термин «креативность» (от англ. *creativity* – «творчество») означает способность человека использовать и преобразовывать данные, имеющиеся знания для создания принципиально нового¹. Однако, как и в случае с креативными пространствами, здесь наблюдается терминологическая неоднозначность: в некоторых исследованиях происходит необоснованное смешение понятий общего творчества, творческих способностей и креативности как таковой.

По отношению к окружающей среде и пространству, понятие «креативность» стали использовать последние десятилетия двадцатого века. Создателем термина «креативный кластер» (от англ. *cluster* – «связка», «скопление», «гроздь») является куратор программы ЮНЕСКО «Creative Cities», основатель и директор мировой конференции по проблемам творческих индустрий «Творческие кластеры» (далее - «Creative Clusters») - Саймон Эванс. Он обозначил им «сообщество творчески ориентированных предпринимателей, которые взаимодействуют на замкнутой территории; скопление место для творчества и его презентации на одной территории; наиболее эффективная форма территориального взаимодействия творческих индустрий»².

¹ Нефедова Е.Г. Творчество как социокультурный феномен: учебное пособие. Тамбов; М., 2000. 21 с.

² Evans S. Key Concepts: Creative clusters. URL: <https://india-seminar.com/2005/553/553%20simon%20evans.htm> (дата обращения: 21.03.2025).

Консалтинговая фирма Creative Clusters предлагает классификацию четырех типов объектов, связанных с понятием «креативное пространство» / «креативный кластер», но существенно различающихся по своей природе:

- 1) Креативные коворкинги – локализованные рабочие пространства, объединяющие представителей творческих профессий (например, городские медиацентры, ремесленные рынки);
- 2) Творческие кварталы – специализированные городские зоны, такие как арт-район № 798 в Пекине или бывший заводской район в Ванкувере, преобразованный в культурный хаб;
- 3) Региональные креативные кластеры в трактовке экономиста Майкла Портера – экономически значимые объединения предприятий одной индустрии, например, бразильский кластер кожевенной промышленности Novo Hamburgo или нигерийская киноиндустрия Нолливуд в Лагосе;
- 4) Виртуальные сообщества – онлайн-платформы для творческого взаимодействия. Эксперты Creative Clusters отмечают, что цифровые объединения функционируют иначе, чем физические, поэтому корректнее называть их «сетями», а не «кластерами».

На основе работы Ричарда Флориды «Креативный класс»¹ для изучения феномена креативных кластеров было сформулировано 7 видов креативных пространств (См. Рис. 4.4.2):

1. Коворкинг - гибкая рабочая среда, объединяющая профессионалов из разных сфер для совместной работы, обмена идеями и вдохновения (характерные черты: открытые зоны, оформление пространства в стиле лофт с удобной мебелью и местами для отдыха, доступ к оборудованию и материалам, возможность проводить выставки и презентации);
2. Музыкальная студия – специализированное рабочее пространство для музыкантов, продюсеров и звукорежиссеров, направлен-

¹ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2005. 421 с.

- ное на создание музыкальных произведений, экспериментирование с музыкальным оборудованием и звуком в целом (характерные черты: наличие профессионального музыкального оборудования, акустическая обработка помещения, эргономичное зонирование, креативный интерьер (граффити, гибкий неон, винтажные инструменты), возможность трансформации под разные проекты);
3. Образовательная площадка – специально организованное интерактивное пространство, сочетающее функции обучения, социализации и творчества (характеризуется низкими барьерами входа, акцентом на коллаборацию и неформальность взаимодействий, междисциплинарностью, геймификацией образовательного процесса, гибким дизайном (модульные пространства с трансформируемой мебелью, мотивирующий интерьер), доступом к современному оборудованию);
 4. Творческая лаборатория – мастерская, организованная с целью генерации, тестирования и реализации инновационных идей через синтез междисциплинарных практик. В отличие от традиционных научных лабораторий, она акцентирует процессуальную креативность, где физическая среда выступает активным участником творческого хода. Характерными чертами являются: междисциплинарность (работа людей из разных сфер: ученые, художники, инженеры, дизайнеры и др.), экспериментальность, гибкая организация пространства (отсутствие «жестких» рабочих мест, зоны трансформируются под необходимые задачи), интерактивные методы работы, вдохновляющая среда (интерьер лаборатории стимулирует процесс работы: арт-объекты, необычные материалы, естественный свет, аудио и визуальные материалы), использование инновационных технологий (цифровые инструменты, аналоговые методы, доступ к профессиональному оборудованию);
 5. Спортивный парк – многофункциональная креативная среда, объединяющая спорт, искусство, технологии и социальные инновации

- в единую социокультурную систему. Ключевые характеристики: гибкая инфраструктура (трансформируемые площадки, модульные конструкции, сезонные элементы), синтез спортивного направления и творчества (арт-объекты – граффити, инсталляции, световые проекции на спортивных сооружениях; перформансы – танцевальные баттлы, фристайл-шоу, театральные постановки), технологическая интеграция («умные» тренажеры, интерактивное покрытие), связь с природой (использование натуральных материалов для интерьера и покрытий, ландшафтный арт);
6. Библиотека – современная модель креативного пространства, трансформирующаяся из традиционного учреждения по хранению и выдаче книг в многофункциональную площадку для генерации идей, творческой деятельности, обучения и социальных коммуникаций (характерные черты: модернизированные зоны чтения, коворкинг-пространства, площадки для презентаций и книжных перформансов, кафе и рекреационные зоны для неформального общения, выставки современного искусства);
 7. Центр искусства и культуры – институционально организованная платформа, синтезирующая художественное производство, культурную коммуникацию и инновационную деятельность. Характерными чертами являются: открытость и инклюзивность (доступность для разных аудиторий – художников, зрителей, исследователей; поддержка междисциплинарных проектов), трансформируемое пространство, резиденции для творческой деятельности, образовательный и социальный аспект (программы для местных сообществ и молодежи, интеграция в городскую среду).

В международной практике до сих пор нет единого толкования термина «креативный кластер». Как и в России, его применяют к разным формам объединения творческих специалистов. Часто такие пространства представляют собой скорее культурные кварталы с функциями сохранения наследия и социальной активностью, чем экономические кластеры в классическом понимании Саймона Эванса.

Ключевым фактором креативных индустрий как инструмента вовлечения молодёжи в развитие современного мегаполиса является активная творческая личность. На текущей стадии исследования логично рассматривать креативные пространства, креативные кластеры и арт-пространства как близкие по значению понятия. Как показывает современный опыт, они характеризуются полифункциональностью.

В работе социологов Е.Н. Кузинер и Д.С. Петруниной¹ креативные пространства характеризуются как особая разновидность «третьих мест», выполняющих не только коммуникативную роль, но и создающих условия для творческой самореализации и укрепления локальной идентичности.



Рис. 4.4.2. Виды креативных пространств

¹ Кузинер Е.Н., Петрунина Д.С. Креативные пространства как «третьи места» в регионах России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 333–355.

Проведенные исследования подтверждают, что подобные площадки формально позиционируются как открытые для всех жителей города, включая молодежь, и действительно привлекают представителей местных сообществ. Креативные индустрии играют большую роль в раскрытии потенциала молодежи в городской среде. Они предлагают возможности для обучения, самореализации и профессионального роста. Молодые люди находят в таких пространствах не только источник вдохновения, но и платформу для выражения своих идей, инициирования социальных изменений и создания инновационных решений для проблем мегаполисов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова А.В. Этика в области искусственного интеллекта – от дискуссии к научному обоснованию и практическому применению: аналитический доклад / А.В. Абрамова, А.Г. Игнатьев, М.С. Панова. – М.: МГИМО-Университет, 2021. – 24 с.
2. Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: Икар, 2009. – 448 с.
3. Астафьева О.Н. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития / О.Н. Астафьева, Е.В. Никонорова, О.В. Шлыкова // Обсерватория культуры. – 2018. – Т. 15. – № 5. – С. 516–531.
4. Ахмадиева Р.Ш. Внедрение цифровых технологий на примере Казанского государственного института культуры / Р.Ш. Ахмадиева // Вестник НЦБЖД. – 2021. – № 4(50). – С. 34–38.
5. Барышева С.Ф. Креативные ресурсы категории разговорности в современной интернет-коммуникации / С.Ф. Барышева, Н.И. Клушина // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – № 4 (31). – С. 23–29.
6. Бегишев И.Р. Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники / И.Р. Бегишев // Международное публичное и частное право. – 2021. – № 1. – С. 37–40.
7. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
8. Белоусов Д.Р. Развитие науки и технологий: возможности и риски для общества: монография / Д.Р. Белоусов, А.Ю. Апокин, Е.А. Пенухина, Е.М. Сабельникова, И.Э. Фролов. – М.: МГИУ, 2015. – 156 с.
9. Беляев Г.Ю. Эволюция образования и воспитания в контекстах мутации философской традиции в XXI веке / Г.Ю. Беляев // Вестник Российского Философского Общества. – 2015. – № 3(75). – С. 48–51.
10. Бехманн Г. Общество знания – трансформация современных обществ / Г. Бехманн // Концепция «общества знания» в современной

социальной теории: сб. науч. тр. Сер. Теория и история социологии. – М.: РАН ИНИОН, 2010. – С. 34–68.

11. Биленко П.Н. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения / П.Н. Биленко, В.И. Блинов, М.В. Дулинов и др.; под науч. ред. В.И. Блинова. – М.: Перо, 2019. – 98 с.

12. Бим-Бад Б.М. Плагиат и академическое мошенничество в современном образовании / Б.М. Бим-Бад // Вопросы образования. – 2019. – № 3. – С. 32–41.

13. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 96 с.

14. Болтански Л. Обогащение. Критика товара / Л. Болтански, А. Эскер. – М.: Издательство института Гайдара, 2021. – 587 с.

15. Бурдьё П. Практический смысл / П. Бурдьё. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.

16. Бурлацкий Ф.М. Новое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах / Ф.М. Бурлацкий. – М.: Политиздат, 1989. – 431 с.

17. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / И. Валлерстайн. – М.: Ленанд, 2020. – 304 с.

18. Васильев П.Н. Право интеллектуальной собственности в эпоху искусственного интеллекта: проблемы и перспективы / П.Н. Васильев // Юридический вестник. – 2021. – № 5. – С. 11–20.

19. Виндж В. Сингулярность / В. Виндж. – М.: АСТ, 2022. – 224 с.

20. Гаджикурбанова П.А. «Духовные упражнения» или «забота о себе» (стоическая этика в интерпретации П. Адо и М. Фуко) / П.А. Гаджикурбанова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnye-uprazhneniya-i-zabota-o-sebe-stoicheskaya-etika-v-interpretatsii-p-ado-i-m-fuko> (дата обращения: 19.04.2025).

21. Гапоненко А.Л. Управление знаниями. Как превратить знания в капитал / А.Л. Гапоненко, Т.М. Орлова. – М.: Эксмо, 2008. – 394 с.

22. Гарвин Д. Создание обучающейся организации / Д. Гарвин // Управление знаниями. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – С. 148–170.

23. Гильмеева Р.Х. Сетевая модель профильного обучения в условиях цифровизации / Р.Х. Гильмеева, О.А. Любягина // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2024. – № 4. – С. 148–153.

24. Гирц К. Интерпретации культур / К. Гирц; пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 560 с.

25. Голев Н.Д. О конкуренции акустико-аудиального и мануально-визуального кодов современной письменной коммуникации / Н.Д. Голев // СибСкрипт. – 2021. – № 4 (88). – С. 1024–1031.

26. Голев Н.Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации / Н.Д. Голев // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 5 (25). – С. 12–30.

27. Голубев С.В. Университет как социально ответственный партнер территории. (По материалам проекта «Университет и сообщество») / С.В. Голубев, Т.Г. Новикова, Т.В. Светенко. – М.: Фонд «Новая Евразия», 2011. – 92 с.

28. Горохов В.Г. Научно-техническая политика в обществе знания / В.Г. Горохов // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. Сер. Теория и история социологии. – М.: РАН ИНИОН, 2010. – С. 109–133.

29. Даутова Р.В. Особенности формирования доверия к научному видеоконтенту на медиаплатформе YOUTUBE / Р.В. Даутова, Э.А. Кожевникова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 5 (143). [may/10.60797/IRJ.2024.143.31](https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.143.31) – DOI: 10.60797/IRJ.2024.143.31.

30. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон. – М.: Издательство Института Гайдара, 2019. – 816 с.

31. Евзрезов Д.В. «Образование 2030» – вызов системе образования. 1. Форсайт образования – план создания «людей одной кнопки»? / Д.В. Евзрезов, Б.О. Майер // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2. – С. 118–132.

32. Ерофеева К.Л. Еще раз о соотношении естественного и искусственного в человеческом существовании / К.Л. Ерофеева // Вестник ТГУ. – 2002. – № 2 (26). – С. 39–44.

33. Жуков А.Д. Генеративный искусственный интеллект в образовательном процессе: вызовы и перспективы / А.Д. Жуков // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 5 (115). – С. 66–75.

34. Жукова М.И. Формирование профессионального самоопределения старшеклассников посредством проектной деятельности / М.И. Жукова, Т.А. Мамакина, И.А. Напрееенкова // Диалог на равных: материалы регион. науч.-практ. конф., посвященной Году педагога и наставника (10 февраля 2023 г., Воронеж). – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2023. – С. 63.

35. Журков А.А. Этические аспекты использования систем искусственного интеллекта: международно-правовой опыт / А.А. Журков // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 4. – С. 186–194.

36. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф. – М.: Издательство Института Гайдара, 2022. – 784 с.

37. Иванов С.В. Цифровые технологии в высшем образовании: вызовы и перспективы / С.В. Иванов // Университетское управление: практика и анализ. – 2020. – № 4 (128). – С. 25–37.

38. Иванова А.П. Дезинформация в интернете: поиск баланса в борьбе с фальшивыми новостями / А.П. Иванова // Образование

и право. – 2023. – № 2. – С. 342–347.

39. Интеллектуальный капитал: главный фактор конкурентоспособности экономики в XXI веке. – М.: КомКнига, 2006. – 190 с.

40. Казакова И.Б. Профильное обучение - средство индивидуализации обучения на старшей ступени школы / И.Б. Казакова // Туныктышо. Учитель. – 2021. – № 4. – С. 85–87.

41. Карамалак О.А. Об устном, письменном и диджитал-языке с позиции биокогнитивизма в современном языкознании / О.А. Карамалак, Е.В. Пожидаева // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2019. – № 1. – С. 35–42.

42. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

43. Кемеров В.Е. Метафизика-динамика: (к вопросу об эволюции метафизики) / В.Е. Кемеров // Вопросы философии. – 1998. – № 8. – С. 59–67.

44. Кенинг Г. Путешествие философа в страну искусственного интеллекта / Г. Кенинг. – М.: Individum, 2023. – 352 с.

45. Клементьева В.С. К вопросу об ответственности за размещение «фейковых новостей» и оскорбление государственных органов в киберпространстве / В.С. Клементьева // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 5. – С. 78–81.

46. Когнитивная педагогика: учебно-методическое пособие. – Казань: Институт педагогики, психологии и социальных проблем, 2020. – 228 с.

47. Константинова Л.В. Интегрированность и форсайт как важные миссии современного образования / Л.В. Константинова // Трансформация системы высшего образования в цифровой экономике – вынужденная необходимость или естественный процесс?: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2019. – С. 53–63.

48. Корчагин Е.А. Проектирование гибкого содержания образовательной программы в техническом вузе / Е.А. Корчагин,

Р.С. Сафин // Высшее образование в России. – 2017. – № 5 (212). – С. 79–87.

49. Кузинер Е.Н. Креативные пространства как «третьи места» в регионах России / Е.Н. Кузинер, Д.С. Петрунина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 6. – С. 333–355.

50. Кулакова А.Б. Поколение z: теоретический аспект / А.Б. Кулакова // Вопросы территориального развития. – 2018. – № 6. – С. 1–10.

51. Курцвейл Р. Transcend: девять шагов на пути к вечной жизни / Р. Курцвейл, Т. Грассман. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 384 с.

52. Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров / В.А. Кутырев. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 270 с.

53. Лебедева Н.Б. Конспект студенческой лекции как жанр естественной письменной речи: текстодериватологический и лингвоперсонологический аспекты / Н.Б. Лебедева // Культура и текст. – 2023. – № 3 (54). – С. 135–143.

54. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования / Ю.А. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2001. – № 5 (55). – С. 8–13.

55. Левина Е.Ю. Когнитивный капитал образовательных организаций: гуманитарная ориентация на развитие высшего образования / Е.Ю. Левина, Р.Х. Гильмеева, Л.А. Шибанкова // Педагогика. – 2020. – № 7. – С. 91–102.

56. Левина Е.Ю. Цифровизация и гуманитарные аспекты: борьба или диалог? / Е.Ю. Левина, Р.Х. Гильмеева // Развитие человека в эпоху цифровизации: сб. науч. тр. в 2-х т. – Казань: Институт педагогики, психологии и социальных проблем, 2020. – Т. 2. – С. 7–10.

57. Леви-Стросс К. Мифологии. В 4-х тт. Т. 1: Сырое и приготовленное / К. Леви-Стросс. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 406 с.

58. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

59. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
60. Лисенкова А.А. Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект / А.А. Лисенкова // Российский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 3. – С. 217–222.
61. Ломакина Т.Ю. Профильное обучение: 20 лет спустя / Т.Ю. Ломакина, Н.В. Васильченко // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2024. – № 1. – С. 7–23.
62. Лутовинова О.В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации / О.В. Лутовинова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 71. – С. 58–65.
63. Лысенко С.А. Орализация как тенденция развития интернет-коммуникации / С.А. Лысенко // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2008. – № 2. – С. 69–71.
64. Любягина О.А. Особенности подготовки педагогов к профессиональной деятельности в условиях профильного обучения старшеклассников / О.А. Любягина, Р.Х. Гильмеева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2020. – № 4 (106). – С. 212–218.
65. Макарова Е.Е. Популяризация науки в Интернете: содержание, формы, тенденции развития / Е.Е. Макарова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2013. – № 2. – С. 98–104.
66. Мамардашвили М.К. Вильнюсские лекции по социальной философии (Опыт физической метафизики) / М.К. Мамардашвили. – СПб.: Азбука, 2012. – 320 с.
67. Мамардашвили М.К. Сознание – это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть / М.К. Мамардашвили // Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – С. 72–85.
68. Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1988. – 589 с.

69. Мартьянов В.С. Пандемия коронавируса и кризис экспертного знания: перезагрузка чуда, тайны и авторитетов / В.С. Мартьянов, В.Н. Руденко, Л.Г. Фишман // *Journal of Institutional Studies*. – 2022. – Т. 14, № 2. – С. 47–58.
70. Мур Дж. Принципы этики / Дж. Мур. – М.: Прогресс, 1984. – 327 с.
71. Налетова И.В. Проектирование программ магистратуры по социально-гуманитарным направлениям в условиях цифровизации образования / И.В. Налетова // *Социально-гуманитарные знания*. – 2020. – № 4. – С. 22–31.
72. Нефедова Е.Г. Творчество как социокультурный феномен: учебное пособие для студентов вузов культуры и искусств по специализации «Народное художественное творчество» (специализация – любительский театр) / Е.Г. Нефедова. – Тамбов; М.: Издательство ТГУ, 2000. – 21 с.
73. Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения / Е.М. Ожиганова // *Бизнес-образование в экономике знаний*. – 2015. – № 1 (3).
74. Петрова А.Ю. Политика академической честности в российских университетах: актуальные тенденции / А.Ю. Петрова // *Высшее образование в России*. – 2022. – № 9. – С. 45–60.
75. Пиле И.А. Текст как поликодовое явление / И.А. Пиле // *Дизайн СМИ: Тренды XXI века*. – 2017. – № 3. – С. 67–76.
76. Платон. Федр / Платон // *Сочинения: в 4-х тт.* – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 135–191.
77. Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию / Х. Плеснер. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.
78. Порецкий П.С. Логические равенства / П.С. Порецкий. – М.: Русская правда, 2011. – 160 с.
79. Потенциал когнитивной педагогики в эпоху цифровизации: сборник научных трудов. – Казань: Институт педагогики, психологии и социальных проблем, 2020. – 112 с.

80. Руденкин Д.В. Интернет в социальной реальности современной российской молодежи: тренды и риски / Д.В. Руденкин, А.И. Руденкина // *Juvenis scientia*. – 2019. – № 1. – С. 43–48.

81. Семенов А.В. Инновационные аспекты управления корпоративными знаниями / А.В. Семенов, Б.В. Салихов, И.С. Салихова. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2013. – 147 с.

82. Серл Д. Разум, мозг и программы / Д. Серл // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума: Фантазии и размышления о самосознании и душе. – Самара: Издательский дом Бахрах-М, 2003. – С. 432.

83. Скутилина Н.В. Сетевая модель профильного обучения / Н.В. Скутилина // *Народное образование*. – 2010. – № 8. – С. 107–111.

84. Спиноза Б. Этика. Ч.2. Теорема 7. Схолия / Б. Спиноза // *Спиноза Сочинение в 2-х т.* – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1. – С. 294.

85. Срничек Н. Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда / Н. Срничек, А. Уильямс. – М.: STRELKA PRESS, 2019. – 336 с.

86. Срничек Н. Капитализм платформ / Н. Срничек. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. – 126 с.

87. Строгеецкая Е.В. Организационное развитие вузов как фактор социальных трансформаций региона / Е.В. Строгеецкая // *Власть*. – 2013. – № 3. – С. 72–75.

88. Стюарт Т.А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организации / Т.А. Стюарт. – М.: Поколение, 2007. – 368 с.

89. Сурикова Т.И. Письменная речь на телеэкране: семиотические и прагматические аспекты / Т.И. Сурикова // *Мир русского слова*. – 2017. – № 1. – С. 61–66.

90. Терещенко Н.А. Постмодернизм как ситуация философствования / Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова. – СПб.: Алетейя, 2003. – 192 с.

91. Терещенко Н.А. Социальная философия после «смерти социального» / Н.А. Терещенко. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – 368 с.

92. Тимофеев А.А. Тенденции государственного регулирования медиасферы в России (2018 – начало 2019 гг.) / А.А. Тимофеев //

МедиаАльманах. – 2019. – № 2. – С. 20–30. – DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2019.2030.

93. Титова А.Г. Слухи и фейковые новости как фактор дестабилизации социально-политической обстановки: опыт противодействия / А.Г. Титова // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – Донецк, 2022. – № 3 (82). – С. 167–172.

94. Тугускина Г.Н. Человеческий капитал: управление развитием / Г.Н. Тугускина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. – 2016. – № 1 (4). – С. 51–58.

95. Тюринг А. Вычислительные машины и разум / А. Тюринг. – М.: АСТ, 2018. – 128 с.

96. Удовик В.Е. Информационная революция и становление информационного общества / В.Е. Удовик, А.В. Селютин // Известия МГТУ. – 2011. – № 2. – С. 263–267.

97. Уэмура Норицугу. Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric / Норицугу Уэмура // Экономические стратегии. – 2017. – № 4. – С. 2–11.

98. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. – 421 с.

99. Халин В.Г. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски / В.Г. Халин, Г.В. Чернова // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – С. 46–63.

100. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Ю.Н. Харари. – М.: Синдбад, 2019. – 496 с.

101. Хассан И. Раздвигание Орфея. К проблеме постмодернистской литературы / И. Хассан. – М.: Эксмо, 1999. – 438 с.

102. Хоружий С.С. О ценности личного общения в мире гуманитарной коммуникации / С.С. Хоружий // Культура и искусство. – 2012. – № 9(203). – С. 49–46.

103. Хуэй Ю. Вопрос о технике в Китае. Эссе о космотехнике / Ю. Хуэй. – М.: Ад Маргинен Пресс, 2022. – 320 с.
104. Чалмерс Д. Сознający ум. В поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс. – М.: УРСС: Книжный дом «Либроком», 2013. – 512 с.
105. Четверикова О.Н. «Диктатура просвещенных». Дух и цели трансгуманизма / О.Н. Четверикова. – М.: Благословение, 2015. – 160 с.
106. Четверикова О.Н. Обыкновенный трансгуманизм / О.Н. Четверикова // Поиск. Альтернативы. Выбор. – 2016. – № 3(3). – С. 186–201.
107. Чубукова С.Г. Информационная правосубъектность: цифровая трансформация / С.Г. Чубукова // Информационное право. – 2019. – № 3 (61). – С. 15–21.
108. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции / К. Шваб, Н. Дэвис. – М.: Эксмо, 2018. – 320 с.
109. Шестеркина Л.П. Фактчекинг и верификация: учебное пособие / Л.П. Шестеркина, А.В. Красавина, Е.М. Хакимова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. – 121 с.
110. Шмидт Э. Новый цифровой мир. Как технологии меняет жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства / Э. Шмидт, Дж. Коэн. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 368 с.
111. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр; пер. с нем. – 2-е изд., испр. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 592 с.
112. Шульц Э.Э. Фейковые новости в современных коммуникационных процессах / Э.Э. Шульц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2019. – Т. 9, № 3. – С. 262–273.
113. Эшби У.Р. Введение в кибернетику / У.Р. Эшби. – М.: URSS: КомКнига, 2005. – 432 с.

114. Эшби У.Р. Конструкция мозга. Происхождение адаптивного поведения / У.Р. Эшби. – М.: Мир, 1964. – 411 с.

115. Abbasi A. Big Data Research in Information Systems: Toward an Inclusive Research Agenda / A. Abbasi, S. Sarker, R.H. Chiang // Journal of the Association for Information Systems. – 2016. – Vol. 17, № 2. – P. 1–25.

116. Arkhipov A.Ye. The theory of generations in marketing management: a retrospectivediscursive aspect of the problem / A.Ye. Arkhipov, V.D. Yes'kov // Sovremennyye tekhnologii upravleniya = Modern technologies of management. – 2020. – № 3 (93). – P. 14–25.

117. Bikeeva M. Assessment of Digital Activity of the Population in the Context of the Theory of Generations / M. Bikeeva // Statistics and Economics. – 2022. – Vol. 19, № 5. – P. 25–34. – DOI: 10.21686/2500-3925-2022-5-25-34.

118. Bostrom N. Superintelligence: Paths, dangers, strategies / N. Bostrom. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 352 p.

119. Chong E.K.M. Using blogging to enhance the initiation of students into academic research / E.K.M. Chong // Computers and Education. – 2010. – Vol. 55. – № 2. – P. 798–807.

120. Citron D.K. Cyber mobs, disinformation, and death videos: the Internet as it is (and as it should be) / D.K. Citron // Michigan law review. – Ann Arbor, 2020. – Vol. 118, № 6. – P. 1073–1094.

121. Damassio A. L'Ordre estrange des choses / A. Damassio. – Paris: Odile Jakob, 2017. – 392 p.

122. Datta P. Readability of Punctuation in Automatic Subtitles / P. Datta, P. Jakubowicz, C. Vogler, R. Kushalnagar // Computers Helping People with Special Needs: proceedings of the International Conference, ICCHP 2020 / ed. by K. Miesenberger, R. Manduchi, M. Covarrubias Rodriguez, P. Peñáz. – Cham: Springer, 2020. – Vol. 12377 (Lecture Notes in Computer Science). – P. 407–414.

123. Deleuze G. A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia / G. Deleuze, F. Guattari. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005. – 300 p.

124. Delfino R. Deepfakes on trial: a call to expand the trial judge's gatekeeping role to protect legal proceedings from technological fakery / R. Delfino // *Hastings Law Journal*. – San Francisco, 2023. – Vol. 74, № 2. – P. 293–348.

125. Dickes J.-P. L'ultime transgression. Refaconne l'homme / J.-P. Dickes. – Paris: Editions de Chire, 2012. – 234 p.

126. Erol S.E. Social big data applications and challenges / S.E. Erol, C. Aksoy, S. Sagiroglu // *Concurrency and Computation Practice and Experience*. – 2022. – Vol. 35, № 12. – P. 1–22.

127. Floridi L. Die 4. Revolution / L. Floridi. – [S.l.]: Gebunden, 2015. – 314 p.

128. Foucault M. The order of things: An archaeology of the human sciences / M. Foucault. – New York: Pantheon Books, 1971. – 339 p.

129. Gabdrakhmanova G. Is It Matters to Have a Higher Education for the Young People Behavior on the Internet? / G. Gabdrakhmanova // *Vysshee Obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. – 2024. – Vol. 33, № 8-9. – P. 123–139. – DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-123-139.

130. Gandomi A. Beyond the hype: Big Data concepts, methods, and analytics / A. Gandomi, M. Haider // *International Journal of Information Management*. – 2015. – Vol. 35, № 2. – P. 137–144.

131. Georgieva M. Research on current risks among young people as users of social networks / M. Georgieva, S. Mahmud, V. Sabeva, M. Tsanova, V. Kitanovski, P. Hauser, K. Marzec-Balinow // *Social Networks and Education*. – 2024. – Vol. 15, № 2. – P. 88–102.

132. Glebova I. Digital activity and literacy of youth in Tatarstan: Digitalisation prospects the regional socio-economic development / I. Glebova, Z. Alhasov, A. Zakirov // *E3S Web of Conferences*. – 2023. – Vol. 460. – P. 02006. – DOI: 10.1051/e3sconf/202346002006.

133. Green J. Academic Integrity in the Age of AI Text Generation / J. Green, M. Lopez // *Journal of Higher Education Policy and Leadership Studies*. – 2021. – Vol. 3, No. 2. – P. 89–101.

134. Huxley J. *New Bottles for New Wine* / J. Huxley. – London: Chatto&Windus, 1957. – 318 p.

135. Janssen M. Factors influencing big data decision-making quality / M. Janssen, H. van der Voort, A. Wahyudi // *Journal of Business Research*. – 2017. – Vol. 70, № 1. – P. 338–345.

136. Kahneman D. *Thinking, fast and slow* / D. Kahneman. – London: Penguin, 2012. – 500 p.

137. Kirby A. *Dijimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture* / A. Kirby. – N. Y.: Continuum Publishing Corporation, 2009. – 288 p.

138. Kitchin R. What makes Big Data, Big Data? Exploring the ontological characteristics of 26 datasets / R. Kitchin, G. McArdle // *Big Data & Society*. – 2016. – Vol. 3, № 1. – P. 1–10.

139. Kocsis E. Deepfakes, shallowfakes, and the need for a private right of action / E. Kocsis // *Dickinson law review*. – Carlisle, 2022. – Vol. 126, № 2. – P. 621–650.

140. Li T. Automatic subtitles increase accuracy and decrease cognitive load in simultaneous interpreting / T. Li, A. Chmiel // *Interpreting. International Journal of Research and Practice in Interpreting*. – 2024. – Vol. 26. – № 2. – P. 253–281.

141. Li Y. Data Asset Disclosure and Nonprofessional Investor Judgment: Evidence from Questionnaire Experiments / Y. Li, Ch. Luo, L. Dong, M. Gui // *Mobile Information Systems*. – 2022. – Vol. 2022. – P. 1–8.

142. Luhmann N. *Social Systems* / N. Luhmann. – Stanford: Stanford University Press, 1995. – 625 p.

143. Metzinger T. *Bewusstseinskultur: Spiritualität, intellektuelle Redlichkeit und die planetare Krise* / T. Metzinger. – Berlin: Berlin Verlag, 2023. – 208 s.

144. Miller H.G. From data to decisions: a value chain for big data / H.G. Miller, P. Mork // *IT Professional*. – 2013. – Vol. 15, № 1. – P. 57–59.

145. Morrison A. *Big Data: how to extract insights from it* / A. Morrison // *Technology Forecast*. – 2010. – Vol. 3. – P. 1–8.

146. Mouratidis I. Big Data Strategy and Business Analytics: A Literature Review / I. Mouratidis, M.I. Kamariotou // Operational Research in the Era of Digital Transformation and Business Analytics. – 2023. – P. 171–178.

147. Mullen M. A new reality: deepfake technology and the world around us / M. Mullen // Mitchell Hamline law review. – Saint Paul, 2022. – Vol. 48, № 1. – P. 210–234.

148. Plato. The Republic / Plato; translated by B. Jowett. – [S.l.]: Roman Roads Media, 2013. – 370 p.

149. Raffini L. "European Natives," Everyday Life, and the Digital Public Sphere. The Communication Dimension of European Integration / L. Raffini // The Communication Dimension of European Integration. – 2024. – P. 45–62. – DOI: 10.1007/978-3-658-45786-0_4.

150. Safari M.Ch. Digital technology design activities—A means for promoting the digital inclusion of young adults with intellectual disabilities / M.Ch. Safari, S. Wass, E. Thygesen // British Journal of Learning Disabilities. – 2023. – Vol. 51, № 2. – P. 238–249. – DOI: 10.1111/bld.12521.

151. Segesten A.D. The Cueing Power of Comments on Social Media: How Disagreement in Facebook Comments Affects User Engagement with News / A.D. Segesten, M. Bossetta // Information Communication and Society. – 2020. – Vol. 23, № 8. – P. 1115–1134.

152. Selwyn N. The digital native – myth and reality / N. Selwyn // Aslib Proceedings: New Information Perspectives. – 2009. – Vol. 61. – № 4. – P. 364–379.

153. Smith J. Students' Perceptions of AI Tools in Academic Writing / J. Smith et al. // European Journal of Educational Research. – 2021. – Vol. 10, No. 4. – P. 152–167.

154. Turkle S. The Second Self: Computers and the Human Spirit / S. Turkle. – 20th Anniversary Edition. – Cambridge, MA: The MIT Press, 2005. – 347 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахмадиева Роза Шайхайдаровна, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук РТ, ректор ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры»

E-mail: Roza.Ahmadieva@tatar.ru

Бакулина Регина Айдаровна, ассистент кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: riginii9@gmail.com

Виноградова Юлия Владимировна, директор Департамента по молодежной политике, социальным вопросам и развитию системы физкультурно-спортивного воспитания, старший преподаватель кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: vinogradova.kazan@mail.ru

Гильмеева Римма Хамидовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности и педагогики, Казанский государственный институт культуры.

E-mail: rimma.prof@mail.ru

Глебова Ирина Станиславовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общей и этнической социологии, заместитель директора по научной деятельности, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: gle-irina@yandex.ru

Даутова Резида Вагизовна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой телепроизводства и цифровых коммуникаций, Высшая школа журналистики и медиакоммуникаций, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Привожский) федеральный университет.

E-mail: RVagiz@yandex.ru

Дудочников Алексей Игоревич, кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, старший преподаватель кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: dudochnikov@yandex.ru

Ефлова Мария Юрьевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры общей и этнической социологии, директор, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: meflova@gmail.com

Закиров Аяз Маратович, лаборант-исследователь кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: amzakirov@inbox.ru

Ибрагимова Зульфия Зайтуновна, кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: yuldyz@rambler.ru

Каримов Артур Равилевич, доктор философских наук, кафедра социальной философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: ArRKarimov@kpfu.ru

Липатова Анна Вячеславовна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: anna-shab@mail.ru

Любягина Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры информационных систем и фиджитал спорта, и.о. заведующего кафедрой информационных систем и фиджитал спорта, Международный институт гостиничного менеджмента и туризма, Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма.

E-mail: o.a.basova@mail.ru

Максимова Ольга Александровна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: olga_max@list.ru

Минзарипов Рияз Гатауллович, доктор социологических наук, профессор, президент Казанского (Приволжского) федерального университета, заведующий кафедрой общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: rminzaripov@yandex.ru

Мубаракшин Адель Ильдусович, магистрант, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (При-волжский) федеральный университет.

Email: madelb@rambler.ru

Нагматуллина Людмила Константиновна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ,

E-mail: nagmlk@yandex.ru

Напреенко Галина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, заведующий лабораторией эффективной речевой коммуникации, Кемеровский государственный университет.

E-mail: galina_napreenko@mail.ru

Николаев Михаил Сергеевич, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета

E-mail: nh3ch4@yandex.ru

Николаева Евгения Михайловна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета

E-mail: kaisa1011@rambler.ru

Порошенко Ольга Юрьевна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой социальной философии, Институт социально-

философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) Федеральный Университет.

E-mail: olgarogo@mail.ru

Свечихина София Александровна, координатор проекта "Твой Ход", отдел по работе с общественными организациями и институтом кураторства, Департамент по молодежной политике, социальным вопросам и развитию системы физкультурно-спортивного воспитания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: ob.org.kfu@gmail.com

Селиванова Светлана Сергеевна, научный сотрудник, Научный центр изучения социологического развития региона, Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан.

E-mail: selivanovass@isi-rb.ru

Соколова Элина Алексеевна, магистрант 2 года обучения направления 42.04.04 Телевидение.

E-mail: blum-ellina@mail.ru

Терещенко Наталья Анатольевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальной философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: tereshenko_tata@mail.ru

Хусаинова Регина Зуфаровна, ведущий научный сотрудник ГБУ «Научный центр безопасности жизнедеятельности Академии наук Республики Татарстан».

E-mail: Regina707rz@mail.ru

Шатунова Татьяна Михайловна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальной философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: shatunovat@mail.ru

Щелкунов Михаил Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан.

E-mail: Mikhail.Schelkunov@kpfu.ru

Научное издание

*Цифровая социализация
и цифровая компетентность молодежи
в условиях глобальных системных изменений*

Книга 5

**ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ:
ВЫЗОВЫ, РИСКИ И НОВЫЕ ПРАКТИКИ**

Компьютерная верстка и дизайн обложки

А.И. Галиуллиной

Подписано в печать 31.10.2025.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x90 1/16. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 14,18. Уч.-изд. л. 10,73. Тираж 100 экз. Заказ 118/10.

Отпечатано в типографии

Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37

тел. (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)